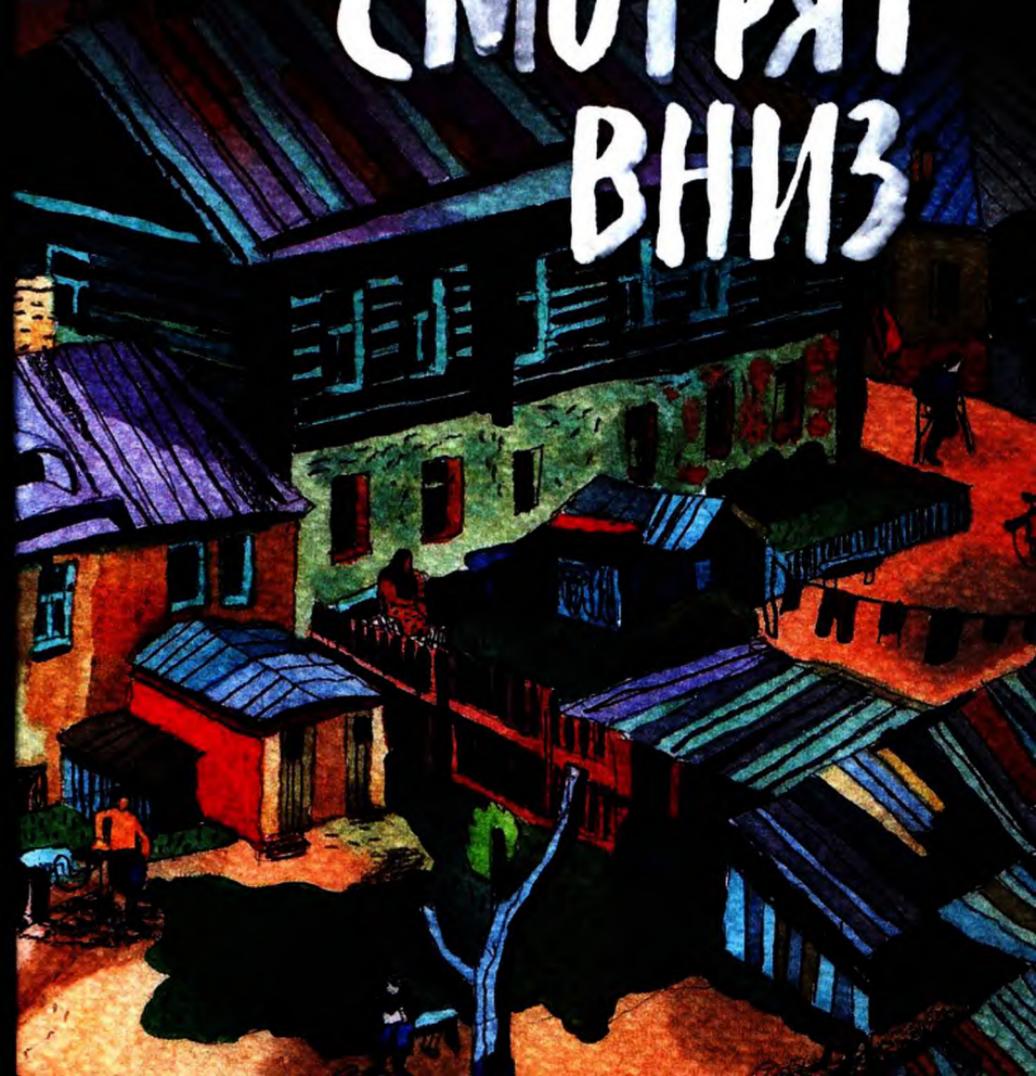

Ю. М. Лушков

И ЗВЁЗДЫ
СМОТРЯТ
ВНИЗ

Ю.М. Лужков

**И ЗВЁЗДЫ
СМОТРЯТ
ВНИЗ**

Ю.М. Лужков

**И ЗВЁЗДЫ
СМОТРЯТ
ВНИЗ**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л 82

Художник Ляля Ваганова

Лужков, Ю.М.

Л 82 И звёзды смотрят вниз / Ю.М. Лужков. - М.: Вече, 2018. - 208 с.

ISBN 978-5-4444-4500-6

Знак информационной продукции 14+

Рассказы Юрия Лужкова необыкновенно интересны. Они насыщены юмором и страстью, знанием жизни и фантазией, детективной зачастую интригой сюжета и глубиной независимой и оригинальной мысли. Радость жизни, гневное осуждение пороков человека и общества, воспевание красоты и правды, открытая позиция художника и гражданина - всё это ждёт читателя на страницах книги.

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-4444-4500-6 © Лужков Ю.М., текст, 2018
© Ваганова Ляля, иллюстрации, 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

Пчела в большой политике

У жаркого костра, потрескивающего малиновыми искрами, после охоты собрались очень хорошие, приличные люди. Других, замечу, в охотничьи компании и не берут. А если они туда случайно попадают, то не приживаются. Таковы «суровые законы гор». Таков, как говорится, закон тайги.

Охота, после которой мы собрались у костра, памятна тем, что я видел в лесу диких пчёл. Они вились вокруг дупла в старой толстой осине, и, стало быть, это был пчелиный рой.

Я ушёл оттуда, потому что мне не хотелось быть искусаным пчёлами, а это совсем не исключалось. Рой мне тоже не был нужен.

Совершенно не ожидал, что в нашей компании окажется, кроме меня, ещё один пчеловод, который этих пчёл тоже заметил. Он проследил пчелиную струю, соединявшую улей в старой осине и ракитник, где пчела брала нектар. На осине он сделал протёску, написал, что рой найден таким-то и поставил дату. Теперь никто другой посягнуть на рой не мог, если держаться старинных правил, конечно.

Звали этого замечательного человека Василий Васильевич Васильев. Химик по базовой специальности, пчеловод и охотник по страсти. Умеренно выпивающий.

Замечено, что в нашем отечестве умеренно выпивающие люди глубоко интересуются историей и политикой. Если, допустим, два или три (классический вариант) приличных человека малость выпьют вместе, то, на 100 процентов, речь между ними пойдёт об истории и политике. Каждый знает: то, что нынче политика, завтра уже будет история. Да к тому же текущая политика обычно сильно и даже болезненно задевает человека.

Этот колючий тезис я хочу подтвердить нижеследующим рассказом о моём старом друге Василии Васильевиче Васильеве.

...В тот костровой вечер Василий Васильевич, снисходительно посмеявшись после какого-то очередного анекдота, испросил себе у товарищества слово, и, предупредив, что смешного ничего ждать не надо, повёл такую речь:

- Вот мы сидим, безответственно, я извиняюсь, чешем языками насчёт политики, безнаказанно выпиваем, я опять извиняюсь, - он посмотрел на меня, ибо знал, что я трезвенник. - Мы ведём себя так, как будто мы не чувствуем над собой тяжёлую власть закона. А она есть.

Почему такие строгие мысли одолевали Василия Васильевича, читатель поймёт ближе к концу рассказа.

- Любил я, дорогие товарищи, в период второй половины восьмидесятых солнечный напиток. Вы думаете, коньяк? Нет. Плевать я хотел на коньяк! Пиво? Естественно, отпадает. Вино? Извините, но при всём уважении - тоже нет. А любил я медовуху собственного производства. Но не медовуху называю я солнечным напитком. Её я любил второй любовью. А первой любовью, такой, знаете, пчелиной, страстной любовью любил я, синьоры охотники, медовый са-мо-гон крепостью 70 градусов.

Пчела в большой политике

Последовала целая поэма об аромате, вкусе, чудесных эффектах и выдающихся результатах, достигаемых мужчиной в личной жизни после употребления медового самогона.

- Василий Васильевич, а почему ты свою любовь к самогону назвал пчелиной? - вопрос этот задал наш костровой виночерпий, лицо, можно сказать, заинтересованное.

- Отвечаю. Вот, дорогие мои охотники, представьте себе такую картину: я принял на грудь соточку пчелиного самогона. - Василий для наглядности сделал глотательное движение. - Какое чувство я испытываю? Я испытываю жгучую благодарность за любовь. За пчелиную любовь. Я беру во внимание матку пчелиную, хозяйку и царицу пчёл, гранд-пчелу, пчелиную, так сказать, Клеопатру. И пчелиного мужчину, которому судьба выпала быть в этом деле пчелиным Антонием. Так вот, пчелиная матка - она должна быть один раз в жизни любимой. Вы меня, надеюсь, понимаете. Это называется - матка в брачном полёте. Она песен не поёт, перед зеркалом не вертится, как влюблённая девушка. Она любимой должна быть, и любить её должен пчелиный ухажёр. Я так думаю, что в живой природе вы могли что-то такое видеть между, например, курицей и петухом. Ничего особенного, даже смешно со стороны. Петух больно важный после этого бывает. До глупости даже важный.

Тут Василий Васильевич сделал небольшую драматическую паузу.

- А пчелиный муж важным быть не может. Не до этого ему. Когда матка вылетает один раз в жизни в брачный полёт, его задача ясная и простая. Но мало кто знает, что после этого дела удачливый ухажёр помирает в ужасных муках. И за это я его уважаю!

Теперь спросите меня, за что я уважаю матку?

У этой пары ощущения и судьбы разные: у пчелиного

мужа муки и смерть, а у матки - величественное царствование. И во время скоростного брачного полёта никаких мучений она, наверное, тоже не испытывает. Так за что я её уважаю?

А вот за что: любовь происходит обычно в тёплый солнечный день. И она происходит не в цветочной чашечке. Она происходит, дорогие друзья, в небе. На большой высоте и на большой скорости полёта.

- И вот, - Вася заметно увлёкся темой, - на скорости 80 километров в час происходит любовь. После чего пчелиный муж матке не нужен, и жить у него сил больше нету. Интерес к жизни потерян. Боль адская. Перспектив никаких. Он шлёпается на землю. Конец фильма. Вы спросите, а почему же он испытывает боль? Его что, матка как-то обидела? Спросите у матки. Но она вам ничего не ответит. А я скажу. Когда огуленная матка приземляется, она в заднем конце брюшка несёт такой беленький клочок. Это знаете что?

- Парашют? - спросил виночерпий.

- Ответ неверный. Это, братцы, та самая вещь, про которую вы подумали, но сказать постеснялись. Тот самый предмет, который минуту назад принадлежал мужчине.

Тут последовала реакция охотников: у одних вытянулись лица, потому что они, наверное, примерили ситуацию к себе, а другие почему-то стали хохотать.

- Вот откуда, - торжественно провозгласил Василий Васильевич, - берутся волшебные свойства медового самогона. Из таких вот страстей. И вот почему я люблю его пчелиной любовью.

Когда мы отсмеялись, Василий Васильевич продолжил свой интригующий рассказ:

- Вот, значит, я занимался себе пчеловодством, и до сих пор, вы знаете, этим увлечён. Всё делал аккуратно,

Пчела в большой политике

в смысле - не привлекал к себе лишнего внимания граждан и правоохранительных органов, это первое. А второе, я старался не привлекать внимание моих любимых пчёл, потому что им не нравилось, если я выпивал. И было бы очень плохо, если бы они как-нибудь узнали вкус солнечного напитка. Им это не надо знать. Про нас, пчеловодов, ходят байки, что мы пчёл спаиваем, чтоб они на чужих пасеках мёд воровали. Это злостная брехня. Приучить пчелу к спиртному можно, но она после этого делается злой и ленивой. Лучшие черты утрачивает. И этим тоже похожа на человека.

И вот я не привлекаю к себе внимание правоохранительных органов, но я очень люблю хороших людей. Если ко мне заедет или зайдёт хороший человек, я ему медовушки кружечку. Для начала. Если правильно пошло, я ему граммулечку солнечного напитка. Слежу за реакцией. Если реакция хорошая, завожу разговор про политику. Не могу удержаться, как будто меня кто разжигает. После, на дорожку, я мог и ещё стопку налить, и обязательно медку с собой давал.

А где-то в восемьдесят седьмом году гласность объявили, борьбу с привилегиями партаппарата, и, одновременно, борьбу за трезвость. Я так тогда считал, что это наступление на права человека. Ведь говорят что: свобода; что не запрещено, то разрешено. А выпивать-то, по факту, запретили. Миллионам советских людей. Трудящимся, народной интеллигенции. А тут гласность, и вроде можно против этого дела протестовать, но все протесты только милиция в очередях слышала. И милиция, вижу, свирепеет от таких проявлений. Прямо обидно им слышать, как их начали ментами звать. Раньше-то: «Наша служба и опасна, и трудна...» - по телевизору, или «Дело № 306» покажут. «Дело Румянцева», «Следствие ведут знатоки»... А тут ментами стали звать. Обидно. Но у них привилегия: они могут без оче-

реди взять. На это люди обижались. Только милиционер мимо очереди к прилавку, как очередь начинает петь: «Наша служба и опасна, и трудна, но бутылку выпиваем мы до дна!».

Скажу по чести, мне ребят даже жалко было. Там были такие два цыплёнка в форме, или уж волчонка, не знаю, два старших сержанта. Они этот град насмешек претерпевали. Коваленко и Скворцов. Как милиция, я повторюсь, они привилегию имели: мимо очереди брать.

А у меня тоже привилегия: я от магазина не завишу, потому что я производитель солнечного напитка крепостью 70 градусов. Исключительный эротический эффект даёт. Тогда мужики виагрой не травились, между прочим. Солнечный напиток помогал. И за это меня уважали и любили. Любовью брата. И даже, может быть, сильней. Я свой самогон никогда никому не продавал, не наживался на этом. Не в том был мой интерес, совсем не в том. Мне, главное, больше всего нравилось дебаты развернуть. То я себя чувствую делегатом, то прикидываю, как будто я Горбачев. До Ельцина я позднее добрался.

- И меня это своеобразно пьянило, - продолжал Василий Васильевич, - потому что я от слов перешёл к делу. Я начал, у магазина, обличать существующие порядки, как какой-нибудь дурак. Мне хотелось выступить с трибуны съезда и предложить свернуть борьбу против пьянства. Не потому, что я за расширение масштабов пьянства, а потому, что мне больно видеть унижение людей по очередям. И, к тому же, помирать люди начали. От всяких суррогатов. И об этом я тоже с гневом говорил у магазина. У нас там все дискуссии происходили. Высокого накала были политические схватки. Как на съезде народных депутатов. Чуток только до драки не доходило.

Пчела в большой политике

И вот я так один раз выступаю, и тут подходят ко мне Коваленко со Скворцовым и говорят: пройдёте, гражданин. Я, естественно, удивляюсь и спрашиваю: куда и зачем?

Туда и затем, они мне говорят. Ты почему, гад, язык тут распускаешь против линии ЦК?

А я им в ответ: у нас гласность! Эту песню не задушишь, не убьёшь!

- Согласен, - говорит старший сержант Коваленко.

- Но по роже тебе надо бы дать, Василий, - добавляет старший сержант Скворцов. А Коваленко говорит, интимно понизив голос: а правда, что у тебя солнечный напиток имеется? Ну, который против слабости. Для силы который. Имеется?

Я понимаю, что запирательство бесполезно, и отвечаю: для хороших, я подчёркиваю, хороших, людей у меня имеется действительно уникальный напиток.

- Ну, так мы заедем, - говорит Коваленко с улыбочкой.

- Заезжайте, - говорю. - Люди-то вы хорошие.

- Обязательно заедем, - присоединяется Скворцов и опять добавляет, что надо бы мне для порядка по роже дать. Ради идеалов перестройки.

Мне такая излишняя сержантская дружелюбность сильно не понравилась, но я, как оказалось, был всё-таки подвержен корысти. Я думал, что если они ко мне заедут, то я их угощу солнечным напитком, и я буду в некотором роде «под крышей» у милиции. Оно, вроде, спокойней.

Некоторое время я жил в ожидании визита Коваленко и Скворцова, но они всё не ехали и не ехали, а я, на всякий случай, у магазина больше не митинговал. Я больше у себя на пасеке, тем более наступило лето, отпуск, и в городе делать мне было особенно нечего.

И вот в скучную пасмурную погоду, которую пчёлы очень не любят, я сидел у себя на пасеке, и по глоточку-

другому, между делом, принимал на грудь. Для настроения. Для тонуса: жена должна была на выходные приехать. Но приехала не жена, а Коваленко со Скворцовым. На «Урале» с коляской, что моим пчёлам резко не понравилось. Они и так были сердитые, потому что по причине плохой погоды у них рабочий день пропал. А ничто так не портит настроения пчелы, как пропавший рабочий день. Хуже только милицейский мотоцикл с коляской, «Урал», который трещит и воняет.

- Ну, здравствуйте, Василий Васильевич, - начал Коваленко. - Вот вы и дождались хороших людей к себе в гости. - Вы рады?

- Трудно передать словами, - отвечаю.

- Тогда приступим, - подключается Скворцов. - Значит, будем конфисковывать у вас средство самогонварения. Вы не против?

- Я против - как личность, но, как гражданин СССР, я уважаю закон. Наш, советский. Пригласите моего адвоката.

- Грамотный, гад, - говорит Скворцов.

А я, предчувствуя его следующую реплику, опережаю её такими парадоксальными словами: «...дать бы мне по морде!»

- Вот именно! - соглашается Скворцов. А Коваленко говорит:

- Давай, Василий Васильевич, по единой, и за дело.

Выпили. Захорошело.

- Ну, стало быть, мы это интересное дело продолжим у себя на дому, - размышляет Скворцов, - а чтобы оно имело перспективу развития, ты нам свой самогонный аппарат бережно разбери, тщательно запакуй и сдай. Акт приёма-передачи не нужен.

Надо заметить, что аппарат в мастерских хмпредприятия я соорудил себе выдающийся. Был там и интенсивно охлаждаемый змеевик, и ёмкости из нержавеющей стали,

Пчела в большой политике

и электрический подогрев, и ещё кое-какие прибабасы в виде сорбентов, что и обеспечивало уникальное качество. Спокойно можно было патентовать, но слава мне не нужна. Она до меня и так докатилась.

На мотоцикле «Урал».

Я вытащил из укромного места разобранный аппарат, обернул его чистой мешковиной, перевязал шпагатом. Они его бережно приняли из рук в руки. Переглянулись между собой, и, я вижу, такие довольные, такие довольные стали. И Скворцов требует твёрдым командирским голосом:

- Наливай, Василий Васильевич!

Дёрнули. Затуманились. Меня неудержимо тянет на политику. И я, предполагая, чем дело кончится, делаю такое опрометчивое политическое заявление: вас, говорю, скорей всего, сегодня пчёлы покусуют. Но на самом деле это будут не пчёлы. Совсем другая сила нанесёт ущерб вашему здоровью. Это будет человек. И я знаю его имя и фамилию.

- Ну, так и мы знаем, - говорит старший сержант Коваленко. - Если пчёлы нас покусуют, то это ты их, значит, натравишь, как собак. Имя же твоё нам хорошо известно: Васька.

- А фамилия, - добавляет старший сержант Скворцов, - Васильев,

- Существует, - упорствую я, - и другая точка зрения. - Я готов её вам представить.

Они заинтересовались и говорят: представляй, давай, но не ври. Вину переложить не пытайся. С представителями власти разговариваешь.

И тогда я набираю воздуха в грудь побольше и говорю:

- Человека, который нанесёт вам укус, то есть виноватого в покусании вас пчёлами, зовут - внимание - Егор Лигачёв!

Они чуть не попадали. А я продолжаю с нарастающей принципиальностью:

- И примкнувший к нему Михаил Горбачёв!

После этого Коваленко говорит:

- Хватит! Ты достиг предела политического падения. За это будем конфисковывать готовую продукцию.

- Паразиты, - говорю я, - последнее не трожьте. Что ж вы меня раскулачиваете, я же химик, честный труженик.

Четыре трёхлитровые банки они изъяли, а пятую оставили.

- Экономно расходуешь, труженик, тебе надолго хватит, - высказался Скворцов.

Заела меня глухая обида, потому что я к ним по-человечески, а они ко мне - по-каковски, разрешите спросить?

Но, с другой стороны, меня стыд жжёт: всё же я самогонщик, нарушитель закона. Лью воду на вражескую мельницу. В стане противников перестройки очутился. Раз так - пропадай самогонный аппарат! Пропадай, раз так, солнечный напиток!

Им бы ехать себе подобру-поздорову, но солнечный напиток разбудил их хищнические инстинкты. Давай, Васька, мёду, говорят. Чтоб было чем зарядить такой выдающийся аппарат.

Ну, думаю, вот и наступил момент истины.

Пошёл к ульям, сержанты, сдуру, за мной. Открываю улей, а там полных рамок нет, потому что лето дождливое и пасмурное, рамки только-только с напрыском. Ужасно пчёлы не любят, когда такие рамки забираешь, а тут они из-за плохой погоды очень уж злые.

И вот они поднимаются в воздух, как эскадрилья истребителей, и начинают кусать и Коваленко, и Скворцова, и меня заодно. На всякий случай сообщаю, что пчела, в принципе, своему хозяину пчеловоду никакой поблажки не даёт. У неё так: ты ей испортил настроение, она

Пчела в большой политике

тебе ответит по существу. Но дело в том, что от меня, в отличие от сержантов, бензином не воняло, и вёл я себя со сдержанным спокойствием. С достоинством. Потому что я к укусам привычный.

А сержанты заголосили, заматерились и бегом к мотоциклу. А пчёлы за ними! А мотоцикл трещит и воняет, и не сразу с места тронулся. А когда тронулся, то рой помчался за ним, и гнал их до самой больницы, куда они чуть не въехали прямо на «Урале», и всех перепугали опухшими толстыми физиономиями. Их от пчёл отсекли, у них озноб, опухоль, аллергическая сыпь, антигистаминные препараты.

- Вот такое вышло дело, - свернул свой рассказ Василий Васильевич.

Мне показалось, что он чего-то не договорил. Вдруг поскучнел на глазах, будто вспомнил неприятное. В таких обстоятельствах расспрашивать его о дальнейшем мне, конечно, не хотелось.

Ни с того ни с сего вспомнилось, что когда ехал по этому городку химиков, то видел магазин спиртного, вывеску «Торговый дом "Коваленко и Скворцов"». И золотая пчела нарисована.

Неожиданно окончание всей этой истории стало известно мне позднее, и не от Василия Васильевича. Я думал о нём, что человек это очень оригинальный, по своему талантливый, чудака немного, конечно. Это есть, но это в человеке и дорого. Хитрован, но без злобы в душе, и душа эта добрая видна насквозь. Жизнь к таким не очень ласкова, и по какой-то печальной закономерности именно таким от неё и достаётся в крутые времена. А то, что времена перестройки были крутыми, это, полагаю, объяснять не надо.

История же закончилась до крайности своеобразно: Василий Васильевич начал испытывать муки совести. Маялся на своей пасеке, выводывал через жену и дру-

Пчела в большой политике

зей, как у ребят дела в больнице: уменьшилась ли опухоль, нет ли других каких последствий. Сочувствовал, а потом не стерпел, взял бутылку солнечного напитка, две полных рамки мёда и нагрнул их проведать.

И вот он входит в палату, не без опаски, потому что себя отчасти преступником чувствует, но у Коваленко и Скворцова реакция на него неожиданная: прости ты нас, дураков, говорят. Погорячился, зря наехали на тебя. Можно было бы и по-человечески разобраться, без конфискации. Не сердись, брат.

У Василия Васильевича от этих их слов дыхание перехватило, и чуть слёзы не навернулись. Да вы что, мужики, он говорит, это мне должно быть мучительно стыдно. Я приехал у вас прощения просить. Вы же пострадали, а не я. Не меня, а вас пчёлы покусали.

Они помирились, и пригодился, конечно, в этом процессе примирения золотой напиток. Рамки с мёдом он им подарил.

А потом ему дали год условно. Сержанты как попали в больницу, так сразу написали заявления, а отозвать забыли между делами. Да и судья была очень убедительна: нельзя, говорит, потакать, надо, говорит, наказывать, невзирая на лица и по всей строгости. Особенно за обывательскую политическую трескотню. Потому что мы в СССР строим не что-нибудь, а правовое государство. Об этом и Михаил Сергеевич не раз заявлял. Вы хотя бы одно его выступление слышали, обвиняемый? Он гениально про правовое государство говорит.

- Сам за это ратую, - отвечал судье Василий Васильевич. - Жду не дождусь, когда же правовое государство у нас будет. Особенно, когда в очереди душусь. Я там часто про Горбачёва думаю.

Он обиделся тогда и на сержантов, и на всю эту гремучую перестройку. Какая там «политическая трескотня», если Горбачёв сам про себя анекдоты уже рас-

Ю.М. Лужков. И звёзды смотрят вниз

сказывает. Про политику, однако, Василий Васильевич больше не рассуждал. Как отрезало. Но пчёлами, конечно, продолжал заниматься. И подумывал даже, что было бы хорошо, если бы пчелиный рой долетел однажды до Горбачёва.

В плохую погоду.

Фантом

Кому доводилось сживать у рыбацкого костра, тот поймёт, что история, которую я собираюсь рассказать - это история абсолютно достоверная. Упираю на достоверность, потому что рыбацким рассказам полной веры почему-то нет. Не верит рассказчику свой же брат-рыбак, не верят товарищи по работе, не верит сосед.

Это, граждане, странно, потому что правдивей рыбака и человека-то не сыщешь. Разве что охотник. Хочу это подтвердить своим рассказом.

Недавним летом в прессе густо прошли сообщения, что на одной среднерусской реке, в тех местах, куда испокон веков рвутся понимающие своё дело рыбаки, происходит что-то невероятное и необъяснимое - либо козни нечистой силы, либо проделки братьев по разуму. Якобы в утреннем тумане у заброшенного, бывшего колхозного, сарая на берегу реки появляется аппарат внеземного происхождения, а в аппарате этом сидит гуманоид. В сарае же в это время всё ходит ходуном. Потом из сарая выскакивает ещё один гуманоид в длинной тёмной мантии, и на своём неопознанном аппарате они исчезают в тумане.

Дело для гуманоидов, как говорится, обычное. И не такие штуки они проделывали, но тут интересно что? Интересно то, что не с пустыми руками пресловутые гуманоиды покидают место контакта, а с целым ящиком водки.

Журналистам рассказывали об этом, понятное дело, рыбаки, а про правдивость рыбаков всё, серьёзно говоря, давно известно. Но тем не менее жареный факт, как гово-

рится, налицо, так что газеты ухватились за это дело со всем своим энтузиазмом.

Я на сей сюжет тоже обратил внимание.

Мне недолго пришлось копаться в памяти, чтобы выявить своё собственное личное отношение к данному необъяснимому феномену. Это для читателей он был необъясним, а для меня и старого моего товарища, друга по жизни и соратника по рыбацкой страсти, тут всё было ясно как белый день. Позвонил я ему как-то вечером, начитавшись газетных сенсаций, спрашиваю: Игорь, ты за прессой следишь? За новостями из параллельного мира?

- Юра, - отвечает он, - слежу, и я в шоке. Ведь это точное повторение того, что с нами было. Ты же всё помнишь! Там точно аномалия, в этом месте, на берегу у сарая. Там открылся информационный коридор в прошлое. Или НЛО кружит. Экспедиция нужна, пока солнечная активность высокая. Всё, я думаю, объясняется высокой активностью Солнца. Солнечный ветер сейчас поднялся. Поможешь с экспедицией? Средства нужны... Да и твой авторитет пригодится, ты же мэр Москвы.

Надо пояснить, что по профессии Игорь астрофизик, а от астрофизика до уфолога иной раз рукой подать. Если прибавить к этому, что он был фанатически влюблён в рыбалку, то, вы понимаете, такой человек способен выдвигать самые диковинные версии.

С другой стороны, а вдруг он, думаю, прав? Ведь есть же что-то. Например, какой-то процент всех этих НЛО наука никак объяснить не может. Кого-то (по телевизору говорили) пришельцы забирали к себе на Альфу Центавра, а потом вернули домой. Он теперь интервью даёт сумным видом.

Так что, удивительное, как говорится, рядом. Вдруг там, вокруг сарая, и впрямь информационный тоннель в прошлое.

ФАНТОМ

Рассуждая таким манером, я всё же допускал, что просто-напросто в тех местах пошли гулять легенды после того, что мы там наделали с Игорем. Дело в том, что когда-то мы в тех местах действительно побывали, и там с нами кое-что случилось.

Рассказываю. Мы в тот раз (это было, помнится, в июне 1985 года), выехав из Москвы пораньше, добрались до этого самого заброшенного сарая затемно. Сам по себе он нам как шёл, так и ехал, но жизнь заставила меня переступить его порог. К реке мы приехали на легендарном «Москвиче-408» - машине к тому времени почти раритетной, но нежно любимой и заботливо опекаемой Игорем. Это был наш общий рыбацкий талисман - серый старый «москвич», сам чем-то похожий на старого матёрого окуня. Верней приметы не было - если едем куда-то в Подмоскovie или в другую область на «москвиче», то обязательно привалит крупная рыбацкая удача. Раза два попробовали поехать на другой машине, помощнее, - и зря прокатились только. Даже не клюнуло ни разу.

Поэтому, конечно, поехали мы на своём верном «москвиче», но невдалеке от этого сарая так хорошо забуксовали в старой колее, что намертво встали.

Вышел я из машины, походил вокруг и вдруг слышу довольно-таки громкие голоса. Откуда бы? Кругом ночь, машина застряла, надо, думаю, к людям выходить. Прошёл метров двадцать, вижу этот самый сарай. И слышу оживлённый разговор. Я призадумался: что там такое, что за шум и гомон тёмной ночью?

А там мало сказать шум, там просто дискуссия какая-то гремела! Слышен был крик: «Я не верю, что у нас такие шуки ловятся. Ну, метр, ну полтора, но чтобы два метра тридцать сантиметров - это быть не может!».

На такое неверие сразу несколько человек отвечали в едином порыве: Вася, мы все в свидетели пойдём. Эдуард подтвердит своим авторитетом. Мы эту шуку видели, а

потом в железной бочке уху из неё варили! Ты, Вася, считай, бутылку проспори! Скажи, Эдик!

Стало мне отчасти даже грустно. И это рыбаки, думал я, огорчённый до предела тем, что буквально рядом со мной попираются священные рыбацкие традиции. Ну, скажите мне, что это за рыбаки такие, которые перед самой зарёй затеялись выпивать и базарить, распугивая утреннюю благословенную тишину. Это же попрание всех святынь. В это время надо молчать, сидя на берегу, или стоя, кому как удобнее, молчать капитально, дышать неслышно, ибо приближалась заветная рыбацкая утренняя заря.

Тесня ночную тьму, она и впрямь уже наступала, торжественно распахивался с востока золотобагранный полог, поджигая и оплавляя края редких облаков в вышине над речными тихими берегами. До того неуместен был в настоявшейся тишине полупьяный (а какой же ещё!) шум в сарае, что я чуть не развернулся и не ушёл.

Почти ушёл, но вернулся, потому что без посторонней помощи нам было из колеи «москвич» не вытолкнуть, а других людей, кроме тех, что в сарае, в округе не было.

Я толкнул дверь и вошёл в сарай. Почти сразу же установилась тишина - и мгновенно слилась с той огромной тишиной, которая была за моими плечами.

Я стоял на пороге как некий рыцарь, ибо облачён был в ещё одну реликвию из числа наших с Игорем рыбацких реликвий - в плащ толстого, грубейшего брезента, из тех богатырских плащей, что могут висеть на гвозде, но могут и самостоятельно стоять. Таков материал и таков покрой - вещь стоит без опоры. Хорошо хоть не ходит.

Легендарный, конечно, плащик, всепогодный. Но - тяжёлый. Сейчас таких не делают, потому что секрет утерян. Такой плащ теоретически можно сварганить из пожарных рукавов, но они уж очень узкие.

Фантом

Немая сцена продолжилась совершенно неожиданным образом: в тишине раздалось внятное бульканье - это довольно-таки интеллигентный по виду человек, вне всякого сомнения рыбак, налил водку в гранёный стакан, который я давно, признаться, в натуральном виде не видывал.

При этом он смотрел на меня с непонятным состраданием.

И точно с таким же состраданием смотрели на меня и другие обитатели сарая, сидящие за дощатым длинным столом, общим числом до десяти, помнится, человек. Рыбаки.

Поднося мне стакан, Интеллигент (буду так его называть) молвил со скорбью в голосе:

- Что, брат, душа болит? Ты выпей, брат, тебе легче станет.

- У меня не болит, - сказал я искренне, потому что, правда, она у меня не болела, а пить я и вообще не мог, потому как вообще не пью.

Что-то Интеллигенту во мне не понравилось (трезвенника, видимо, почуял), но он преодолел себя, прибавил ещё немного скорби и произнёс с лёгким нажимом:

- Опрокинь. Опрокинь, и она у тебя заболит. Ты же, вижу, совсем не в курсе. Или не пьёшь. Это опасно. Учти, это опасно для тебя. Потому что неизвестно, в какой мы находимся атмосфере.

Я всё ещё колебался, не принимая стакан, и тем вызвал подозрительное к себе отношение.

- Кто ты такой есть из себя, если не пьёшь? Кто с нами не пьёт, тот или больной, или стукач!

Приехали. Я перестал что-либо понимать, да и до этих слов, если честно, понять ничего не мог. Должно быть, на лице моём это непонимание было явно уже написано, потому что вдруг вся их бригада зашумела в один голос:

Фантом

- Пей, брат! Пей - потому горе! Пропадаем тут фактически! Отравлены мы, и всё! И вода отравлена, и атмосфера!

Они прямо орали, и надо было что-то сделать, чтобы понять, наконец, что тут происходит.

И тогда я сам заорал:

- Один кто-нибудь быстро объясни, что тут такое!

- Иес, - сказал Интеллигент. - Объясняю популярно. Ты на рыбалку прибыл, верно?

- На рыбалку, - говорю.

- А речки-то нет!

- Куда она делась? - я даже опешил от неожиданности.

- Отравили, гады, - сказал Интеллигент. - Течёт река, бежит ручей, и я ничья, и ты ничей.

После этих лирических слов он сел и мгновенно уснул.

Путём расспросов менее чувствительных участников сарайного застолья выяснилось, что какое-то чумазое предприятие, из числа местных гигантов промышленности, тайно сбросило в реку нечто химически сложное, вонючее и явно небезвредное, для рыбы, во всяком случае.

Компания рыбаков с вечера ещё обнаружила на водной глади непонятную пену, и, от греха подальше, ушла на ночь в сарай - обсудить ситуацию и на всякий случай профилактически подлечиться, понятно каким лекарством. «Лекарства» этого в полулитровых бутылках было у них порядочно припасено.

А сомнения насчёт качества атмосферы возникли по той причине, что и впрямь - попахивало и в сарае, и вне сарая.

Обдумав ситуацию, я сказал:

- Братцы, помогите. В колее мы сидим, толкнуть машину надо.

- Надо - толкнём, - был мне дан ответ. - Но и выпить надо. Уважить нас надо. Или нет, ты считаешь? Ты вообще рыбак? Может, ты смеёшься над нами? Ты скорбишь или смеёшься? Ты пить - пьёшь?

Сопrotивление бесполезно, понял я. Но, может, хоть время протяну, а там и забудут, что надо мне их «уважить».

Порядочно разогретье, они сидели за столом, давно сняв плащи, куртки и плащ-палатки, и, конечно, не мог я сесть за стол в своём несокрушимом плаще, а мог сесть, повесив его на гвоздь.

Целый ворох рыбацкой амуниции как раз и висел на гвозде, который я бы назвал корабельным - он был исключительных размеров и явно претендовал на звание костыля.

И вот когда я поверх этого вороха водрузил свой, не скажу, что невесомый, плащ, то гвоздь-костыль мягко вывернулся из стены, после чего тяжелая одёжная масса разом стала оседать на дощатый пол. Предотвращая падение, я инстинктивно подхватил ворох, причем между плащами и куртками под ладонь подвернулся и шёлкнул какой-то рычажок. Что-то там было железное, похожее по форме на снаряд, и, падая на пол, я стукнул этим снарядом по половине.

В эту самую секунду в середине тряпичной кучи раздалось громкое шипение, а потом прямо в лицо мне садала струя пены из огнетушителя. Он висел на том самом гвозде под одеждой, и я нечаянно привёл его в действие!

Это был знаменитый в своём роде красный здоровенный баллон-огнетушитель, и эффект он мог произвести либо нулевой (если был сильно просрочен), либо сравнимый по силе с ураганом.

Тут был явно второй случай, потому что когда я схватил огнетушитель, чтобы выбросить в открытую дверь, то он как бы приобрёл дополнительную мощь, сокрушая

Фантом

струей бутылки на столе и обильно орошая сидящих за столом, уже обзлѐнных ситуацией рыбаков.

- И снова пена! - взревел мгновенно проснувшийся Интеллигент.

Сам изрядно ошалев от происшедшего, я инстинктивно опустил огнетушитель вниз, и жгучая струя снова ударила по рыбакам, которые ещё раньше ринулись под стол.

Поняв, что не будет мне прощения, я бросил огнетушитель, и, подхватив свой плащ, благо он оставался наверху этой груды одежды, бросился к выходу с криком: Игорь, заводи!

- Водку ворует, гад! Нашу водку попёр! Бей его, ребята! - неслось мне вслед.

Игорь завёл мотор, включил сцепление, я надавил плечом изо всех сил на багажник, и - о, чудо! - «москвич» выскочил из колеи. Прыгнув на заднее сиденье, я оглянулся: свирепая толпа (мне показалось, что именно толпа) мчалась за нами, но «москвич» не подвёл.

Вот эту самую историю, почти покрываю, по понятным причинам, мраком забвения, мы с Игорем и вспомнили, когда я позвонил ему после прочтения газет с уфологическими новостями.

- Юра, ты понимаешь, что вообще происходит, - гудел в трубке его голос. - Мы оставили там энергоинформационный след. Информационную матрицу события. Сейчас, в условиях солнечной активности, происходит визуализация матрицы. Это же очевидно! Слушай, нужна полевая экспедиция, и срочно.

Я был настроен всё-таки несколько более реалистично, а потому предложил свою версию.

- Знаешь что, Игорёк, - сказал я, - никакой там визуализации нет и быть не может. Давний случай оброс слухами, вот тебе и всё. Это легенда, понимаешь. Местный миф. Преувеличение. Про какой-то ящик водки говорят, будто

мы его с собой увезли. Не было там ящика! Я до сих пор «москвич» благодарю. Если б догнали нас, то такую бы устроили визуализацию, мало не покажется. Дали бы нам по матрице!

Я почувствовал, что Игорь как-то даже сник.

Что поделаться, только один из нас был уфологом, только один верил в существование информационных тоннелей и визуальных матриц.

Но оба мы были рыбаками!

Да, мы были рыбаками, и давние воспоминания немедленно закружили нас, и мои текущие заботы стали не так актуальны и неотвязчивы. Отодвинув в сторону бумаги, вдруг вспомнил я, что ведь в отпуске - гуляю!

Так не рвануть ли на природу!

- Игорь, - сказал я дрогнувшим голосом, - «москвич» ещё жив?

- Юра, - ответил он мне, - как ты можешь такое спрашивать? Как ты можешь, Юра?

- Когда едем? - в моём голосе уже звенела рыбацкая страсть.

- Завтра. В ночь. Туда. К сараю!

Я-то думал, что он собрался на рыбалку, а он - в сарай! Уфолог! Не астрофизик он, а сумасшедший уфолог!

Но отказать старому другу у меня уже не было сил. Их хватило только на то, чтобы заняться удочками. Я их решил взять на всякий случай.

...Мы приехали на место примерно в то же время ночи, что и в прошлый раз. Я глубоко надеялся, что и сарая давно нет, это вполне могло случиться: где раньше были колхозные сараи, теперь вознеслись особняки. Но сарай оказался на своём месте, никуда он не делся и словно бы даже поджидал нас в ночи, когда, сбросив скорость, крался наш заслуженный «москвич» в направлении той, без сомнения, сохранившейся, колеи, где когда-то едва не приключилась небольшая драма с боями.

Фантом

Мы подъехали поближе, выключили фары. Ночь была еще густой, тёмной, но уже тронуло розовым сиянием восточную часть окоёма. Игорь молчал, и я вдруг понял его состояние до самой глубины: он верил.

Он верил, как всякий энтузиаст, что именно сейчас и здесь откроется, наконец, таинственная дверь в другой, иной мир, и он, Игорь, воочию убедится: что-то такое есть рядом с нами - неведомое и манящее, странное, недоступное - и он своими глазами увидит это недоступное.

Его настроение невольно передалось и мне, и я даже удивился: надо же - поверил в какие-то матрицы-туннели.

- Пойдём, - сказал Игорь. - Ты - первым, как и тогда. Чтобы не исказить память информационного поля.

Нахлобучив на глаза капюшон своего вечного брезентового плаща, я вышел из машины и пошёл к сараю. Стояла глухая ночная тишина. Дверь его была закрыта, но неплотно, и когда я потянул за ручку, сырую от ночной росы, дверь довольно противно скрипнула. Переступив порог (не скрою, волновался в это время), я включил фонарь, и первое, что попало в луч света, буквально заставило меня похолодеть: на стене висела груда рыбацкой одежды - на том же самом гвозде!

Я повёл лучом к столу, который, теперь я в этом не сомневался, был на своём месте, и увидел, что на столе стоит не менее десяти бутылок водки. Больше ничего не было, только водка, гранёные стаканы и алюминиевая тарелка с солёными огурцами, аппетитно облепленными смородинным листом и укропными венчиками.

Так, должно быть, выглядят грёзы алкоголика.

Подойдя к вороху одежды, я осторожно ощупал его, и почувствовал в недрах вороха снаряжное туловище огнетушителя. От греха подальше, думаю, и не стал его трогать.

В эти секунды я окончательно поверил в НЛО и всякую такую всячину. Мысли летели вихрем, и главная из них была проста: да, что-то такое есть в этом мире. И не в этом тоже. И я сейчас, должно быть, в двух мирах сразу. В информационном тоннеле.

Подойдя к столу, я взял бутылку за горлышко, желая убедиться в её материальности, и в эту самую секунду страшно загремел голос, и в громе этом разобрал я лишь одно, трижды повторенное, слово:

- Свет! Свет! Свет!

Чисто механически зажав бутылку в руке, я ломанулся из сарая, мгновенно оказался в машине, и через секунду «москвич» сорвался с места. В ужасе оглянувшись назад, я увидел через раскрытые двери сарая, как полыхают в его недрах яркие неземные огни. Мы летели по дороге, и Игорь торжествующе и нервно повторял:

- Ты видел! Ты видел! Я видел - сам! Господи, ведь никто не поверит! Это прорыв в уфологии! Юра - ты свидетель, ты всё подтвердишь!

Находясь в некоторой прострации, я всё же счёл необходимым уточнить:

- Это ты свидетель. Я - участник.

Игорь после этого незабываемого события засел за научный отчёт, я - постарался забыть обо всём, потому что, извините, в голове не укладывалось. Опять же, отпуск кончился, а на работе про внеземные проявления думать некогда. Земные достают.

Разрешилось всё через два дня. Включив, на ночь глядя, один из тех телеканалов, которые постоянно судачат то про астрал, то про нирвану, я услышал следующее:

- Феномен объекта под условным названием «Сарай» окончательно разгадан нашим каналом. Наша телегруппа сняла очередной визит пришельцев, в точности повторивший тот, что, по словам очевидцев, произошёл здесь несколько лет назад. Внимательно смотрите на экран. Вы

Фантом

видите как машина, или то, что мы условно называем машиной, глубокой ночью приблизилась со стороны Москвы. Один из двух пришельцев, облачённый в мантию, входит в объект «Сарай»... В силу особенностей своего зрения он пользуется фонарём с сильной фокусировкой луча...

- Внимание, вот начинается, следите, точное повторение событий, которые произошли здесь много лет назад. Пришелец подходит к одежде, под которой мы заранее спрятали огнетушитель, и ищет его. Убедившись, что огнетушитель на месте, он приближается к столу, берёт одной конечностью бутылку водки, и в тот момент, когда прошла команда на полный свет, буквально дематериализуется в дверях «Сарая». С непостижимой скоростью он оказался в аппарате, где его, как и в прошлый раз, дожидался второй гуманоид, после чего аппарат буквально растворился в пространстве.

- Мы просто обязаны отметить сильный ход нашего канала, спровоцировавший второе пришествие внеземных гостей, а именно - физически предметную реконструкцию обстановки объекта «Сарай», которая и стала, видимо, причиной очередного визита тех, о которых мы наконец-то получили достоверные сведения.

Всё это сопровождалось кадрами ночной съёмки, на которых я увидел и себя (хорошо, что лицо было спрятано в глубине балахона), и сарай, и ворох одежды, и, конечно же, бутылку водки. И исчезающий во мраке «аппарат пришельцев».

Я не мог удержаться от хохота, я повалился на диван и катался по нему до той самой секунды, пока не услышал:

- Мы пригласили в нашу студию человека, который готов дать нам научно добросовестный комментарий по поводу того, что вы, дорогие телезрители, только что увидели. Это известнейший в нашей стране и за её рубежами уфолог Роман Протуберанцев. Скажите, Роман, что это было, что сейчас увидели зрители нашего канала?

Протуберанцев солидно кашлянул, посмотрел прямо в камеру, и сказал:

- В сущности, мы увидели то, что полностью подтверждает теорию энергоинформационного туннеля. Она принадлежит астрофизику Игорю Васильевичу Рябчикову. Это мой коллега, и он утверждает, что при определённых условиях происходит визуализация информационной матрицы, и события, которые случились несколько лет назад, могут как бы повториться буквально.

Я выключил телевизор.

Подошёл к открытому в роскошную летнюю ночь окну. Я вдруг представил себе серебряный речной плёс, тихий шорох речных, колеблемых утренним ветром трав, я почувствовал сырой, живой речной воздух - и вдохнул его полной грудью.

Я хорошо понимал, что никто и никогда не поверит мне, что всё это было на самом деле. Уж больно лихо, скажут, закручено.

Не спорю, лихо. Не возражаю, закручено.

Но ведь было же! Было!

Как рыбак вам говорю. Честно.

Никогда не отказывайтесь от охоты

Охота с ружьём и собакой прекрасна сама по себе, *für sich*, как говаривали в старину; но, положим, вы не родились охотником: вы всё-таки любите природу; вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте.

И.С. Тургенев. «Записки охотника»

Эпиграф из Тургенева заключает в себе одну верную мысль - о зависти обычного человека к нашему брату, охотнику, - и одну мысль незаконченную, насчёт тех, кто не родился охотником. Кто не родился охотником, тот, полагаю, если он настоящий мужчина, родился рыболовом. Иного не дано, хотя не каждый об этом знает. А кто не знает, тот чувствует временами некое душевное томление. По выходным дням такой несчастный смотрит с неясной грустью в окно своей городской квартиры на осеннее или же весеннее небо, и забывается в туманных мечтах. Радио на кухне пробормочет насчёт того, что «с сегодняшнего дня открыта охота», - и дрогнет у мужика сердце.

Да, в человеке живёт охотник, а в охотнике, добавлю я, живёт рассказчик. Русская литература, между прочим, вышла не из гоголевской «Шинели», как принято считать, а напрямую из охоты. Из охотничьих рассказов. Мировая классика стоит на том же основании.

А море разлитое занятных охотничьих историй говорит само за себя. Это просто кладёз сюжетов и для юмористов, и для сказочников, и для романтиков. Уважая суровую и правдивую прозу, ничего сказочного или смешного описывать не берусь. Не до смеха нынче.

Если же кто из читателей услышит в моём рассказе романтическую ноту, то - вольному воля, а я за такое восприятие отвечать не намерен.

... Примерно в ста сорока километрах от Москвы есть такие места, что можно на выбор называть их либо заповедными, либо дикими. Природа тут дышит полной грудью, в избытке зверя и птицы, по рекам и озёрам нагуливает вес и вкус рыба, а на реликтовых болотах слышны лягушачьи симфонии. Есть тут и знаменитые, с богатой историей, охотничьи хозяйства, прославленные ещё с царских времён, Завидово, например. Имеются места абсолютно дремучие, откуда, если пойти за Волгу, то до республики Коми можно вообще никого не встретить. Разве что лешего.

Это всё - в Тверской области, если кто не сообразил.

В тех местах мне довелось не один раз охотиться. У нас была команда, примерно двадцать охотников, мы все прекрасно друг друга знали, были охотничьим братством, в каком никто, на охоте, по крайней мере, не вспоминает о чинах, хотя и осведомлён о них. Не знать было нельзя, потому что все мы работали в химии, кто в науке, кто на производстве, кто в управлении. Профессиональным лидером являлся в нашей команде Леонид Аркадьевич Костандов, в ту пору министр химической промышленности СССР. Великий человек, он и охотник был хороший.

Привычным местом нашей охоты были обширные лесные угодья, примыкающие одним крылом к современному, добротному посёлку химиков, в чём мы усма-

Никогда не отказывайтесь от охоты

тривали для себя своеобразный знак, потому что таким образом объединялись в одно целое две жизненных страсти: химия и охота.

Местные химики-охотники, по традиции помогавшие нам, однажды узнали в одном из приезжих охотников самого Костандова - царя и бога могучей отрасли, кумира химиков всей страны и её окрестностей - и помощь прихлынула с новой силой, дойдя до степени дружественной заботы и подчеркнутого уважения.

Так, к примеру, если в загоне удавалось завалить крупного зверя, лося, то ребята с большой деликатностью отгораживали нас, в особенности Леонида Аркадьевича, от довольно-таки тяжелой работы - дотащить зверя до машины. Лось - не заяц и не лисица, это большой вес.

На одной такой транспортной операции местные ребята полностью освободили от нагрузки не только министра, но и одного своего товарища, хотя товарищ этому активно противился. Из авторской деликатности назову его Николаем, а фамилию опущу. Она для рассказа значения не имеет, а узнанным из печати Николай, я думаю, не стремится быть.

- Ты бы, Николай, лучше не ходил бы на охоту, отказался бы, - советовали ему дружбаны, на что Николай отвечал с неожиданной и непонятной горечью:

- Отказался раз - и зарёкся отказываться.

Этой реплике никто из столичных охотников значения, конечно, не придал, хотя она оказалась ключом к последующей истории, которая, не исключая и повторяю, кем-то может восприниматься как романтическая. Кем угодно, но не Николаем, который, произнеся свою загадочную фразу, замолк и молчал до самого почти конца долгого охотничьего дня.

Заканчивался же этот знаменательный добычливый день так, как исстари принято у охотников в

России-матушке, то есть за общим братским столом, где всего изобильно: и огурчиков с помидорами, и лучку, и грибов, и разной занятой рыбки, не говоря о добром сале с мясной прослойкой и прочей снеди, на которую после охоты разрастается бешеный аппетит. Конечно, и выпить было что, ибо химики в этой компании с симпатией относились к формуле C_2H_5OH .

С симпатией, но без фанатизма!

Да и как было не выпить с охотничьего устатку, да в такой компании, да под горячую шурпу - тот знатный супчик с печёнкой, что варится быстро, и чей вкус, однажды попробовав, уже никогда не забудешь.

Ну, и охотничьи рассказы, охотничьи истории, достовернейшие были и неправдоподобные мифы, легко меняющиеся местами - в зависимости от мастерства рассказчика.

Тут ведь, как и на охоте, важно попасть в цель, иначе просто даром изведёшь слова.

Приведу только две из рассказанных в тот раз историй, причём вторая из них по материалу вроде бы и не вполне охотничья, но именно она была ключевой для Николая и для его жизненного девиза: «Никогда не отказывайтесь от охоты». Впоследствии он этот девиз не раз повторял, как повторяют иногда, не замечая, какую-нибудь фразу, например, «сердце красавицы склонно к измене».

Первую историю рассказал от первого лица один московский товарищ, и о правдивости её вы сами можете судить.

- А дело было так, - начал он, поведя глазами по лицам и как бы примериваясь, каков общий градус весёлости и веры в чудеса установился за столом. - Дело было так, что я один раз взял на охоту фотоаппарат. Хорошая камера, между прочим, «Зоркий С». Отлично «рисует» такая камера. Оптика классная. Но дело не в оптике, а в

Никогда не отказывайтесь от охоты

фотографе. Надо знать, что снимать. Надо знать, когда снимать. И зачем снимать.

- Получилось? - не без иронии спросил кто-то из охотников.

- Обязательно. Проявил - не поверил, хотя сам снимал. Нет, я поверил, а вот вы не поверите, потому что - случай из ряда вон. Уникальный. Короче, добыли мы в тот раз крупнейшего лося. Это я в другой компании охотился. И вот мы добыли лося, привезли его на базу, к дому охотничьему, и пришла охота сняться на фоне трофея. У него, у лося, рога больше полутора метров, и такая, знаете, архитектура занятная, ветвистость такая, что сама в кадр просится. Ну, обычный снимок - это когда ружья в руки, глаза в объектив. А тут решили по другому - ружья повесили на рога зверю. Два моих товарища, и, заметьте, трезвые ещё. Вот они ружья лосю на рога, сами стали перед лосем, лось посередине и сзади. На лосе рога, на рогах стволы. Целюсь камерой, строю кадр. Говорю: замрите - замирают. Говорю: улыбочку - они улыбаются. Говорю: замрите и улыбочку - исполняют. И до того красивый кадр, что хоть на выставку, хоть сам улыбайся. И вот я окончательно прицеливаюсь через видоискатель, и что я вижу? Я вижу то, от чего у меня моя улыбка сползает с лица.

На этом месте рассказчик почему-то победно оглядел компанию, но паузу затягивать не стал.

- Я смотрю и вижу, как за спинами ребят якобы убитый лось не спеша встаёт на ноги, оглядывается по сторонам и уходит в сторону леса! Я только громче повторяю: «Улыбочку!» - ребята улыбаются, им приятно позировать, а лось всё дальше и дальше.

Потом они хором спрашивают:

- Ну как кадр?

А никак, отвечаю, лось ушёл в лесные просторы.

Никогда не отказывайтесь от охоты

Они повернулись: нет лося. Ружей нет! Ты почему, кричат, не предупредил, что зверь уходит? Ты знаешь, сколько эти ружья стоят?

А я им говорю: парни, возьмите фотоаппарат. Оптика тут хорошая.

Нет, орут, ты почему не сказал, что лось уходит?

Как же я скажу, отвечаю, если он вооружён, а, значит, и опасен.

- И вот с той поры, - закончил рассказчик, - я с фотоаппаратом на охоту не хожу.

История эта не сказать, что потрясла нас. Даже какая-то небольшая тишина установилась, от неловкости за рассказчика, может быть. Всякое, конечно, бывает, но рассказ, нет, не потряс. Или ври складней, или правду давай. Какой бы горькой, как говорится в романах, она ни была. Какой бы интересной.

Общее настроение выразил Николай:

- Вот вы тут рассказываете всякую небывальщину, - начал он с какой-то неожиданно грустной и странно резкой интонацией, - для смеха рассказываете, я понимаю. Ну, так и я для смеха, только учтите - это вам не анекдот какой-нибудь. Фамилию я называть не буду, с кем это случилось, но человека того я хорошо знаю. Он врать не будет. Правда, и только правда. Чистая как, - Николай повёл глазами по столу, - и, мне показалось, что сначала он хотел сказать «как водка», но неожиданно передумал. Тут я припомнил, что Николай ни разу за весь этот долгий вечер ни капли не выпил спиртного.

- Я могу поклясться, - продолжил Николай, - своим правом ходить на охоту: чистая правда. А правом этим своим я очень дорожу. Потому что у меня девиз: «Никогда не отказывайтесь от охоты». Тяжелый случай произошёл с тем хорошо известным мне человеком. Он, кстати, у нас в посёлке живёт. Из наших, на химкомбинате работает. Вот что было: позвали его мужики на

охоту, в четверг позвали, на субботнюю охоту. На выходные охотиться. А он возьми и выпей в пятницу. Он хорошо выпил, ловко. И ему понравилось, потому что он выпивал не с охотниками, а с людьми другого дела - с рыбаками. Категория рыбаков ниже категории охотников, это все признают. Кроме рыбаков. Им, видно, приятно было, что с ними охотник выпивает, всякие свои подвиги им рассказывает. Как взрослый детям. Кто он, а кто они! Ну, вот, они ему подливают и подливают, он распелся и потерял бдительность. Он недооценил качество отечественного алкоголя. Хотя и химик. Он, может быть, думал, что водка какая-нибудь слабая, а она оказалась, - Николай с непонятной гордостью посмотрел на Костандова, - она оказалась, товарищ министр, эталонного качества. Но это качество было связано со слишком большим количеством. Алкоголь не расщепился в организме, и не был вовремя и полностью выведен из него. И вот мой знакомый, наш общий коллега, на бровях добирается домой, как в песне - под крышу дома своего - и занимает заранее подготовленную позицию. Он падает в постель, которую любящая жена заботливо для него застелила. Нет, в тот момент она его, может быть, не так сильно любила, всё-таки выпивши мужчина, но ведь, с другой стороны, сам пришёл. И пришёл домой. А не куда-нибудь, куда его мог ветер приключений уволочь. Она это понимает, и смотрит на него не без сострадания. У неё генеральная мысль, типа: спи, завтра с тобой разберусь. Тем более что завтра будет суббота. Подходяще поскандалить. В субботу поскандалить, в воскресенье помириться, в понедельник на работу. Она не знала, что он собирался в субботу, с ночи практически, на охоту. Она пошла на кухню чего-нибудь съесть от обиды на мужа.

Вот он спит как ребёнок, и, может быть, ему даже кошмары снятся, потому что он ворочается. Он не знает, что кошмар весь впереди, и что скандал с женой

Никогда не отказывайтесь от охоты

на фоне такого кошмара - просто мелочь. Так, ерунда. А кошмар неотвратно надвигался, стрелки часов ползли по циферблату, но тут раздался звонок. Звонок от друга. И друг спросил, всё ли готово к предстоящей охоте.

И мой товарищ тогда сказал страшные слова: «Я отказываюсь от охоты!» Ему вопросы: как так, почему? А он в ответ, не подумавши: я с рыбаками выпил, и я отказываюсь, - тут Николай драматически возвысил голос, - да, я отказываюсь от охоты!

Там трубку бросили.

Утром он проснулся: какой день? сколько времени? на охоту опаздываю!

В это время, суровая как совесть, входит жена и включает свою пилу: ты пьяница, ты алкоголик, ты такой и ты сякой!

А ему сказать нечего.

И тогда она наносит страшный удар: ты, говорит, пропил самое святое!

Его ужасу нет предела, потому что не вполне понятно, что он такое пропил-то.

- Родная, что я пропил, открой мне всю правду до конца!

- Ты пропил не деньги, - это она так тянет жилы из него, - а ты пропил - подумай сам, что ты пропил?

- Что?!

- Охоту!!!

После этого он падает как подстреленный в постель. Это падение, головой в подушку, взрывается в его черепе нестерпимой болью, и одновременно он чувствует острый приступ тошноты, но умело гасит его.

- За что, родная, за что ты так меня мучаешь, - спрашивает он жену. - Ты же видишь: я помираю от стыда и боли.

- С похмелья ты помираешь, - хохочет она. У неё настроение сменилось, потому что она свою лютость уто-

лила, и даже до скандала не опустилась. Она ж понимает, что скандалить для нервов вредно. А так - и лютость сыта, и муж наказан. Притом она прекрасно понимает, о чём он её сейчас просить будет.

И он понимает. Он просит: родная, сходи за четвертинкой. Ибо трубы горят.

Она жена химика, и она видит своими глазами: трубы горят. Конкретно горят. Но ей надо закрепить победу, и она говорит: я, конечно, схожу. Не вопрос, схожу. Тут недалеко. Тем более, ты утверждаешь, что трубы горят. Горят?

- Горят.

- Я схожу. А ты знаешь, когда похмелишься?

- Когда?

- Когда во всей квартире полы вымоешь!

- И тут, - Николай даже приостановил рассказ, - он ещё раз подумал, что нельзя было отказываться от охоты.

Жена ушла за четвертинкой, а он, делать нечего, взялся полы мыть. Дело это не мужское, как некоторые считают, но ничего сложного в нём нет. Таз с водой, тряпка, принимаешь позу, называется «поза собирающего картофеля», и моешь. Намочил, протёр, намочил, протёр. Вытер, чтоб посуше. И так далее. Если трубы горят, то поймёшь, чего делать в какой позе. Конечно, такая поза в голову кровь кидает, а с похмелья это чувствительно, но, как говорится, нет таких крепостей, которые большевики не берут с похмелья.

- И всё бы ничего, - продолжал Николай, - но был в этой дружной семье довольно-таки озорной котёнок. Так, небольшой, подросток. Глупый. Излишне игривый. И даже настолько, что вот насколько, считается, коты воду не любят, а этот преодолел свою нелюбовь и стал за моим другом красться и прицеливаться для атаки, а что он решил атаковать, то я не скажу, но вы сами дога-

Никогда не отказывайтесь от охоты

даётся. Короче, он в майке полы мыл. Но майка тут ни при чём. Он, главное, в трусах полы мыл. Ну, получилось так. Не в брюках, и не в комбинезоне. Он не в брюках. Он в позе собирающего картофель, он передвигается. Части тела у него в движении. Ну, котяра следил, целился - и прыгнул на эти части тела! Котяра вонзил свои когти в эти самые штуки. На каждую штуку по одной когтистой лапе!

Раздался дикий рёв от неопишуемой боли, мужик резко разгибается, поскользывается и со всего размаха врезается похмельной башкой в ребристую чугунную батарею.

Наступило забытьё. Он без сознания лежит, и из ран у него кровь льётся. Он сознание потерял, и он кровь теряет.

И когда возвращается жена, то она видит драматическую картину: муж без сознания, в крови, котёнок чего-то испуганный, а остальное всё в порядке. Например, батарея цела. Она не раскололась от такого сильного удара. Она крепкая оказалась, крепче головы её мужа.

Лучше бы, думает жена, я ему коньяку налила, что с Нового года остался.

Она звонит на комбинат в медсанчасть, и оттуда приезжает машина, в экипаже врачаха и два санитаря, свои же, поселковские ребята. Врачиха его везде бинтует, и даже краснеет, когда бинтует, потом его кладут на носилки и несут по лестнице, с пятого этажа, лифта нет. Он уже в сознании, но чувство юмора отсутствует. Вот они делают остановку, и спрашивают: что такое за сочетание ранений у тебя? А он полон сочувствия сам к себе, у него чувство юмора отключилось в момент контакта с батареей, и он всё рассказывает правдиво.

От этого рассказа санитары начинают смеяться как припадочные, роняют носилки, он падает и ломает два ребра.

В медсанчасти ему всё зашивают, накладывают швы, чего-то делают с рёбрами, и он, как по конвейеру, попадает в палату интенсивной терапии. Типа, в реанимацию. На особый контроль. Потому что к нему все гуманно относятся, начиная от жены и заканчивая хирургом. Кот, конечно, отступил от принципа гуманности, это верно. Но это же кот, а не собака Павлова и не лошадь Пржевальского. Те, считается, умные животные, и атак на человека, который полы моет, не совершают.

А в палате интенсивной терапии тоже лежат внимательные и сочувствующие люди. И тоже знакомые, из своего посёлка. И вот они сочувственно спрашивают: что с тобой, товарищ? Не на охоте ли ты получил свои раны сразу в нескольких местах организма?

А у него юмора нет, и он опять им, как санитарам на лестнице, всю правду-матку.

Вся палата начинает ржать, как та лошадь Пржевальского, и в результате у двух больных расходятся послеоперационные швы.

...Тут уже наша охотничья компания начинает хохотать, потому что никак нельзя удержаться, и у нас стол ходуном ходит, и у министра аж слёзы на глазах от смеха, но Николай остаётся невозмутимым.

Николай наливает себе из бутылки полный стакан лимонада марки «Дюшес», не спеша выпивает его, ставит на стол, внимательно смотрит на всех нас.

- Не верите? - спрашивает он. - Вижу, не верите. А зря. Фамилию этого человека я вам не назову, я предупреждал, но одну вещь скажу: рёбра у меня до сих пор болят.

Нас одолевает новый приступ хохота, переждав который Николай отпускает ещё одну короткую фразу:

- И не только рёбра!

И как-то так своеобразно ёрзает на стуле, будто ему сидеть не совсем удобно.

Никогда не отказывайтесь от охоты

После этого третий приступ хохота сотрясает стены охотничьего домика.

Заслышав этот громоподобный хохот, лесные звери поворачивают голову в ту сторону, где расположена охотничья база, а в посёлке, в квартире Николая, просыпается кот.

...Как пишут в романах, прошло много лет. Многое изменилось в жизни, и с этими изменениями ещё дороже стали мне мои друзья-охотники, мастера и на работу, и на охоту, и на такие вот истории, когда не знаешь, верить ли на слово, или же просто подивиться удивительному мастерству рассказчика-сочинителя. С небольшими отклонениями я слышал сюжет про кота и охотника из разных уст и не один раз, но всё же склонен считать, что в основе его лежит реальный случай, и произошло всё это именно с Николаем. Он, по крайней мере, честное слово дал, что так всё и было, а честному слову охотника я всегда верил. Безоговорочно.

Вообще, не до шуток: ведь в домашних условиях, по вине домашнего животного пострадал охотник. Пошёл бы Николай на охоту, и ничего этого не приключилось бы с ним. Так что жизненный девиз - «Никогда не отказывайтесь от охоты» - представляется мне абсолютно верным. Он не чернилами написан.

Особенности национальной жары, или Смерть осьминога Пауля

Лето 2010 года навсегда запомнится гражданам и учреждениям дикой, до расплавления мозгов и асфальта, африканской жарой, навалившейся на Россию. Хорошего в такой тепловой аномалии мало, но заметим, что именно в результате жары приключились по всему свету и в нашем отечестве разные чудеса, об одном из которых пойдёт речь в этом рассказе.

Аккурат посередине неширокой (но не такой уж и узкой) костромской речки стояла на двух якорьках, чтобы не вертело течением, дюралюминиевая рыбацкая «Казанка» с мотором. Экипаж её составляли два московских отпускника из числа тех, кто из года в год ездит не на южные курорты, а в заветные костромские места. Тут у рыбаков были знакомые издавна гостеприимные местные семьи, проживающие в прохладных домах, где можно спать на сеновале и в ус не дуть. После нескольких наездов такие места бывают обыкновенно оваяны легендами насчёт рыбацкого и охотничьего форта.

Особенности национальной жары...

Когда-то, в относительно молодые годы, отпускники похаживали после вечерней дойки на колхозную ферму попить парного молочка и завязать отпускные амуры со смешливыми доярками, но с того времени и ферма закрылась, и доярки куда-то все исчезли. Остались лишь кое-какие приятные грешные воспоминания, но, читатель, кто, по молодому делу, без греха...

Эти люди - Борис Трифонович и Семён Сергеевич - ровесники примерно около пятидесяти лет, служили на невысоких постах в столичном министерстве, дружили семьями, болели летом за футбол, зимой за хоккей. Вместе брали отпуск, вместе когда-то охотились, но с годами девальвировались в звании до рыбаков. Как водится, совместный отдых часто превращался в бесконечный диспут, большей частью по исключительно пустяковым темам, что, на самом деле, и требовалось уставшим от бумажной рутины мозгам.

Известно, спорить русский человек горазд невероятно, и в споре достигает такого накала принципиальности, что прибегает даже к рукоприкладству, но до этой критической стадии между Борисом Трифоновичем и Семёном Сергеевичем давно уже не доходило. Такое бывало раньше, но ведь, кто старое помянет, тому глаз вон. Хотя, как его забудешь, это старое, если оно вечно актуальное?

Когда-то они любили жарко дискутировать и по много часов митинговать на Манежной площади, зачитывались свободной прессой, но со временем стали консерваторами, придя к трезвому выводу, что зря, пожалуй, топтали Манежную. Не за того, кажись, горло драли.

В разные годы они спорили о разном, но всегда горячо, до саднящей даже обиды, до твёрдого, раз навсегда, обоюдного решения никогда больше не то что в отпуск - на мирный дачный шашлык не съезжаться.

Мирились к вечеру, у котелка с ухой, под стопку-другую водки, охлаждённой в ключевом холоде. Блаженствовали. Дурманными, сладкими летними ночами видели они сны про постылое, но всё же родное министерство. Про куртуазную любовь к озорным дояркам почему-то вот не снилось даже и на отдыхе в скромном костромском раю.

В связи с этим печальным обстоятельством оба подумывали бросить курить. Покуда же, отдыхать так отдыхать, смолили в лодке толстые вонючие сигареты и собачились насчёт гениального осьминога Пауля, который с немецкой педантичностью, даром что из тропических морей, предсказывал результаты игр чемпионата мира по футболу.

- Это же идиотизм, Боря, - горячился Семён Сергеевич. - Какая-то тварь в аквариуме якобы знает наперёд, чья победа. Тут без разных штучек-дрючек не обходится, поверь на слово. Развели, понимаешь, хиромантию. Знаешь, какие бабки на тотализаторах делаются?

- Я бы сыграл, - отвечал Борис Трифонович, - но у меня нет возможности лично скормить Паулю устрицу. Без присутствия прессы.

- Ты знаешь, - спрашивал Семён Сергеевич, - почему эта премудрая тварь не ошибается?

- Почему?

- Потому что в прохладной воде его держат. В такую жару ему самый кайф. У него мозгов прибавляется, - солидно молвил Семён Сергеевич. - Я бы его, гада, сварил и съел.

- А ты осьминога пробовал?

- Большого нет.

- И не советую. Как варёная кроссовка.

- Да ничего, осилил бы. Если, к примеру, его, гада, присолить, да поперчить, да под соевый соус, да под это самое, то я бы смог.

Особенности национальной жары...

- Под это самое, а давай, кстати, сообразим, раз не клюёт, - под это самое лучшее селёдочка, да малосольный огурчик, да чесночная греночка.

- А после этой греночки стать возле дамочки в троллейбусе, - засмеялся Борис Трифонович, - и сделать энергичный глубокий выдох.

- Ты не романтик, Трифоныч, - огорчённо заметил Семён Сергеевич.

- Нет, Сергеич, не романтик, - легко согласился Борис Трифонович. - Я, как и ты, человек скучный, но умный. Я против предрассудков, и в чудеса не верю принципиально. Их не бывает ни в жизни, ни в живой природе. Давай примем, товарищ.

- А давай!

Приняли. Повторили. Как-то даже им захорошело.

- Ты вот говоришь, Пауль - чудо. А чудес, повторяю для невменяемых, не бывает. Чудеса все окончательно повывели. Чудо - не рыночное понятие, - рассудительно повёл речь Семён Сергеевич,

В рассудительности этой, правда, чуткий слух слышал бы первые раскаты близкого яростного спора, но тут что-то во внезапно изменившемся облике Бориса Трифоновича повергло Семёна Сергеевича сперва в сильное изумление, а потом и в неподдельный страх. Ему подумалось, что друга внезапно хватил тепловой удар, а то и что похуже.

Борис Трифонович багряно покраснел, поднял над лодкой трясущийся указующий перст и сказал, сильно заикаясь, чего за ним раньше никогда не водилось:

- Чу-чу-чудес не б-б-бывает? П-п-посмотри!

Семён Сергеевич повернулся и увидел нечто невероятное: из кустов на низком левом берегу речки вышел громадный лось с невероятно большими развесистыми рогами, вошёл в воду и поплыл напрямик к лодке. Рога

Особенности национальной жары...

его при этом были похожи на кряжистый могучий куст, плывущий почему-то по реке.

Борис Трифонович пришёл в себя, и оба приятеля вмиг почувствовали себя не неудачливыми рыбаками, а удалыми охотниками. Добытчиками. Мужиками, иначе говоря.

- Так! Капроновый трос у нас есть. Молоток есть. Только подплывёт, ты его, Сеня, со всей силы молотком промеж рогов. Поднимай якоря! Сейчас я его заарканю!

Оживший Борис Трифонович в мгновение ока изготовил из бухточки капронового троса лассо с большой петлёй, как заправский ковбой крутнул его залихватски над головой (причём ощутимо качнулось его кругленькое пузцо) и стал подманивать лося:

- Давай сюда, сохатый! Не бойсь, мы безоружные.

Лось и не собирался бояться. Течение сносило его прямо к лодке, причём лось явно наслаждался купанием и меланхолично жевал толстыми губищами.

Неимоверный азарт охватил работников министерства. Семён Сергеевич встал в боевую позу, поигрывая тяжеленьким молотком и издали примериваясь, в какую точку огромной лосиной башки нанести единственный удар.

- Ну, Сергеич, не подведи! - вскрикнул по-боевому Борис Трифонович! - Не промахнись, Асунта!

- Кидай аркан! - завопил Семён Сергеевич, присокупив к ковбойскому кличу русский идиоматический оборот. - Кидай, Борька!

Лассо, как положено в таких острых сюжетах, свистнуло над их бедовыми головами и после мощного, изо всех сил, рывка плотно стянулось вокруг основания кустистых лосиных рогов.

- Заводи мотор, гони к берегу! - заголошно орал Борис Трифонович. - Нас не догонишь!

Семён Сергеевич дёрнул было за заводной шнур старого, советского еще разлива, восьмисильного «Ветерка»,

мгновенно вспомнив, по странной ассоциации, про чудесного осьминога Пауля, а Борис Трифонович между тем сноровисто привязал канатик за скобу на носу «Казанки».

Мотор не завёлся, но это и не требовалось, потому что лось, преодолев тяжелое недоумение и нащупав длинными ногами близкое дно, вдруг потащил лодку как могучий буксир обратно к пологому левому берегу.

Разваливая воду могучей грудью на две порядочные волны, лось внезапно остановился, повернулся с неимоверной быстротой к лодке и двинулся напрямик на добытчиков, нацелив на них свой могучий роговой куст.

- Ахтунг, Трифоныч!

- Полундра, Сергеич!

Семён Сергеевич размахнулся напоследок и бросил, метя в лосиную башку, свой, по-детски лёгонький, как ему теперь показалось, молоток.

Бросок вышел не очень меткий, но лосю почему-то не понравился. Скосив влажный глаз на булькнувший рядом молоток, лось рванул лодку с такой силой, что приятели разом очутились в воде.

По какой-то причине она показалась им ледяной, сковала движения, и они увидели, что лось с могучей грацией тяжеловоза вытащил лодку на берег и без задержки потащил её напрямик в заросли.

«Казанка» оставляла за собой вдавленный в песок след и скоро исчезла из поля зрения. По пути её сухопутного маршрута долго ещё тяжело мотались и трещали кусты, но постепенно шум погас в лесной глубине.

Выбравшись на мелководье, приятели побоялись поначалу идти искать лодку, рассудив, что лось, видать, попался какой-то ненормальный, а, может, от жары сбесился. Было острое чувство, что он может неожиданно вернуться, и тогда Сёме и Боре мало, конечно, не покажется.

Через немалое время вновь обретенное мужество подвигло их на поиски «Казанки». Не глядя почему-то

Особенности национальной жары...

друг на друга, они пошли по лодочному следу через кусты в лес и примерно через полкилометра нашли искорёженную, помятую лодку, посмотрев на которую оба одновременно подумали: убитая.

Со скобы свисал обрывок капронового канатика. Мотора в лодке не было.

- Он его на рогах унёс, - мрачно пошутил Семён Сергеевич.

- Ага. По лесу кататься будет на лодочном моторе, - поддержал юмор Борис Трифонович.

Потом они здраво рассудили, что мотор, наверное, утонул на месте битвы.

Обсохнув, так до конца и не успокоившись, перебудораженные до глубины души, друзья пошли к реке, сняли штаны с рубашками и стали нырять, отыскивая «Ветерок» на песчаном дне. При этом огромный рак - своего рода речной подводный лось - тянул мощной клешней Бориса Трифоновича за указательный палец.

Борис Трифонович вынырнул и завопил в голос:

- Да что б тебя, проклятого, разорвало!

- Кого? - собрался обидеться на друга Семён Сергеевич. - Это ты в мой адрес такое говоришь? После совместно перенесённых испытаний?

- Нет в тебе полёта, Сёма, - сказал Борис Трифонович. - Это я в адрес Пауля говорю.

- При чём тут Пауль?

- Да я сейчас его поймал на глубинке. Я ему, гаду, щупальца сейчас оторвал.

- Все? - спросил Семён Сергеевич.

- Все восемь, - серьёзно ответил Борис Трифонович. - Я пересчитал.

В это самое время в лесной глуши лось с наслаждением тёрся боком о шершавый ствол векового дуба, издавая при этом приглушённые стоны.

Не знали рыбаки, что есть такая охота на лося, которая называется «на реву» (не в летний сезон, само собой), как не знали, что есть охота на медведя «на овсах», а на кабана - «на потравах».

Знали бы - и рассказ бы вышел совсем другой.

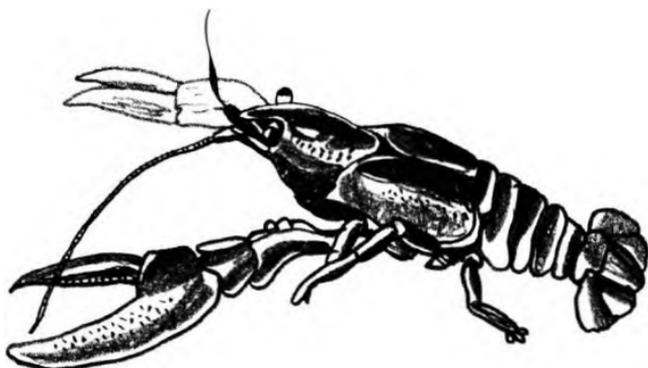
А дальний рёв матёрого зверя они посчитали за лосиный смех, и, по-моему, не ошиблись.

...Легко себе представить, какое недоумение охватывает теперь грибников и прочих любителей лесных прогулок, когда в глухой чащобе находят они эту самую лодку и никак не могут ответить на непременно возникающий вопрос: какая нечеловеческая сила занесла сюда это несчастное плавсредство?

Если же мы, читатель, заглянем в будущее, то, надо думать, заниматься этой древней «Казанкой» будут уже археологи и знатоки старины.

Но даже и им, при предполагаемом невиданном развитии исторической науки, тоже не удастся понять, что же приключилось с лодкой в костромском лесу летом далёкого 2010 года.

Тем летом, которое запомнилось нашим современникам невероятной жарой, а моим незадачливым героям неожиданной встречей с матёрым лосем аккурат посередине костромской реки.

На реву

Я не знаю, кого назвать настоящим охотником...

С.Т. Аксаков. «Записки оружейного охотника Оренбургской губернии»

Летом прошлого, 2010 года я написал рассказ про двух незадачливых рыбаков. Борис и Семён - так звали моих героев, попавших в крутую переделку на тихой костромской речке. Лось у них лодку утащил в лес. Алюминиевую «Казанку». Лось через речку переплывал, от жары, может, спасался. Они его заарканить хотели. Не вышло. На этом аркане он лодку упёр на сушу. Мотор они потом выловили и продали местным за бесценок.

Материально проиграли. Плюс потеря имиджа.

Они работали в министерстве, на низесредних должностях, и рыбалку очень уважали. Про историю с лодкой, главное, никто им потом не верил. Хотя, может, не это главное, а другое. А именно: после этой злосчастной истории они как-то неожиданно поняли: их, вообще-то, мало что связывает в жизни. Ничто не связывает. Семьями не дружат. Курить оба бросили. Работают в разных департаментах.

Сидели бесшумно в своём министерстве, боялись сокращения. Старели. Стали думать про болезни, вникали в фармакологию. На политику плюнули, не обсуждали мировые проблемы и телевизор не смотрели, кроме старых кинокомедий.

Продолжительная пауза в дружбе у них наступила, но министерская работа иногда всё-таки их сводила - то в приемной у начальства, то на совещании. А то просто сталкивались в коридорах министерского здания

сталинских времён. Коридоры были широкие, почти как костромская речка. И такие же длинные.

Очередная такая встреча приключилась аккурат под новый, 2011-й год. Уже и поздравлять можно было. Обоюднo поздравились. Говорить не о чем. Расходиться неудобно: вроде ведь друзья. Надо всё-таки было поговорить о чём-нибудь. Для формы. Начал Семён.

- Помнишь, Боря, летние пожары?

- Как не помнить. Хорошо, мы в отпуске были, Сёма.

- Лодку жалко. Лежит там сейчас искорёженная в лесу.

- Не волнуйся, цветной металл не залёживается. Алконавты сдали и деньги пропили.

- Я вот думаю, Сёма, что скорей бы уж этот год заканчивался. Тяжелый больно. Дыма Москва наглоталась. И Россия вся почти.

- Ты, смотрю, за Россию переживаешь. Понимаю, в министерстве работаешь. Федерал. Судьбы страны решаешь.

Скупo посмеялись. Из всей России видели они Москву, да, поверхностно, те немногие города, куда попадали в редких командировках. Костромскую речку вот помнили. Но твердо при этом знали, что есть в ней, России, реки и озёра. Волга. Байкал. Моря. Белое и Чёрное. Балтийское, и ещё несколько штук.

Одинаково выцветшие, прошлого века, старые карты несуществующего СССР висели у них в служебных кабинетах, поэтому географию Родины они воспринимали целостно и ежедневно.

- Я хочу тебе сказать, Сёма, одну вещь, - начал Борис. - Только ты не обижайся. Я вот думаю, что больше мы с тобой вместе в отпуск не пойдём. И в Костромскую область вместе не поедем.

На реву

От такой прямоты Семён несколько даже опешил. Нервно сглотнул, спросил с напряжением:

- А почему?

- А потому, что я завязал с рыбалкой. Низкое занятие. Тебе, я понимаю, по душе, а я - не желаю. Хорошего, Сёма, ничего нет. Рыба и так в магазинах лежит. Воблы полно. Икра продаётся.

- При чём тут икра? В магазинах не продаётся рыбацкий костёр. И уха с дымком не продаётся, И вечерняя заря. Ты чего-то темнишь, Борька. Задумал что-то. Что ты задумал?

Борис усмехнулся. Почесал висок. Посмотрел в глаза Семёну.

- Я, Сёма, повторяю, ухожу из рыбацкого дела. Навеки. Отрясаю прах. Я проклиная своё прошлое. Не тебя, не думай. Ты мужик хороший. Жалко, что рыбак, конечно. Я знаю, к некоторым прилипает рыбалка. Как плохая болезнь. Может, с годами излечишься. Собери волю в кулак, и ты победишь нездоровое пристрастие.

Дикий какой-то был разговор. Семён его как издательский воспринял. Сказал спокойно:

- У тебя, Борис Батькович, всегда было плохо с юмором. Вижу, устал головой к концу года. Но, - эти слова как будто сами собой слетели у Семёна с языка, - ты, Борис, пожалеешь о сказанном. И ты, Борис, возьмишь свои слова обратно.

- На колени перед тобой стану! - захохотал Борис, да так громко, что проходившая по коридору министерская барышня ойкнула и испуганно юркнула в туалет. Спряталась там.

- На колени стану, - продолжал веселиться Борис, - и скажу: Сёма, прости меня гада, я не хотел плохого.

Переходя на серьёзный тон, он продолжил:

- Если честно, всерьёз, то новую жизнь начинаю. С Нового года. А к концу сентября перед тобой отчита-

юсь. Удивлю тебя донельзя. Я меняю хобби как надоевшую женщину. Пора покорять новые вершины.

- Какие вершины?

- В конце сентября узнаешь. Эльбрус, к примеру.

- Ну, покоряй, - сказал Семён.

Он огорчился неимоверно, потому что понял: старой дружбе пришел конец. По-настоящему. Борис решил оборвать все нити. И никогда об этом не пожалеет, и никаких слов обратно не возьмёт. Какие-то вершины покорять собрался. Зять у него, кажись, альпинист, но ведь зятю не больше двадцати пяти. А Борису - Борису столько же, сколько мне, подумал Семён. В таком возрасте умный в гору не пойдёт.

Ну, так то ведь умный, мелькнула в голове у Семёна злорадная мысль.

Потом они долго не пересекались. В феврале, на двадцать третье, оказались в общей, случайной министерской компании. Подтянулись в неё каждый со своей стороны, выпили малость. Борис, чуть захмелев, опять обещал в сентябре удивить Семёна. Про Эльбрус что-то плёл с хитрым видом. Семён помалкивал, потому что у него на сентябрь тоже были планы. Наперекор Борису. Он нашел, чем ответить предателю (а кем еще он мог считать Бориса).

Планы эти были гигантскими. Но реальными. Они опирались на прошлый, дорыбацкий, период жизни, когда Семён увлекался охотой. Увлекался, может быть, слишком громко сказано. Утки перелётные - было. Заяц - было. Два раза. По случаю, попал однажды на, так сказать, царскую охоту в Завидово. С заместителем министра, который его взял с собой для оперативной связи с министерством. Эта охота очень понравилась, и Семён любил о ней рассказывать. Про охотничье братство, когда никто на чины не смотрит, все равны, все охотники. Мужики, одним словом. Братья.

На реву

С некоторых пор, рассуждая об охотничьем братстве, Семён прибавлял: у рыбаков такого нет.

Он перестал ощущать себя рыбаком, или, вернее, перестал им быть (что, по сути, одно и то же) с того декабрьского дня, когда стоял в коридоре с Борисом.

Он стал охотником. Сперва виртуальным, азартно стреляя компьютерную дичь, заигрываясь, как подросток, в африканское сафари, в охоту на мечущихся по экрану зайчишек, в выслеживание хитрющей рыжей лисицы. Там, в электронных играх, он выискивал зверя через мощный оптический прицел, часто менял скорострельные карабины и ружья, метко палил из футуристического оружия по слонам и носорогам.

Потом, не оставляя нового развлечения, накопил книжек про охоту, и погрузился в них. Открылась, как писал Ломоносов, бездна. Один Аксаков чего стоил. Добрался и до Тургенева, прочитав с наслаждением его «Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков легавой собаки». И даже добрался до «Спутника партизана» за 1943 год и такой экзотики, как «Ангелы и демоны. Беседы о двойственной природе охотничьего увлечения».

Но и этого было мало. Подключив административный ресурс, Семён выправил себе охотничий документ и стал ходить по оружейным магазинам. Головокружительные запахи металла, кожи и ружейной смазки пьянили его. Он подолгу стоял у прилавков и витрин и буквально грезил, закрыв глаза и отдавшись мечтаниям. Один раз Семёна даже милиция проверила. Вдруг сумасшедший. Или террорист. Мало ли что.

Появились новые друзья, которые с уважением слушали его рассказы про царскую охоту, в которых был он, фактически, не ниже замминистра. Понятно, что и добыча в этих рассказах оказывалась немалой.

В довершение Семён купил медвежью шкуру на пол и повесил на стену губастое чучело оленьей головы.

Оставалось выбрать ружьё.

Но прежде - надо было выбрать дичь. «Сеня, дичь!», вспоминал Семён киноклассику. Любил старые кинокомедии потому что. Но дело пахло уже не комедией.

Безумная страсть охватила Семёна, его, как бы сказать, понесло, и окончательный выбор оружия произошёл, когда Семён решил охотиться на изюбря. На благородного оленя. По-научному - *Cervus elaphus*. Который в холке бывает до полутора метров.

Сам Семён достигал в росте 175 сантиметров, но, надо думать, в весе (в силе) изюбря значительно уступал. Это не имело значения, потому что Семён был охотник, а изюбрь - зверь. А судьба зверя при встрече с настоящим охотником хорошо известна. Она заканчивается окончательным поражением, эта судьба. А настоящий охотник потом гордится трофеем и вспоминает свои незабываемые ощущения. Адреналин в нём играет.

Настал день, когда благородная тяжесть очень неплохой и очень не дешевой двуствольной охотничьей винтовки наполнила Семёна ощущением собственной мужественности, чего он даже и не ожидал. Так ему была дорога винтовка, что он, вопреки правилам хранения оружия, на ночь клал её под кровать, чего жена пугалась, но возразить не могла. Не возражала в постели, привычки такой не имела.

Дальше всё как-то быстро пошло. Новые друзья взяли его в компанию, весной он поохотился, обвык в новом качестве, и тогда же, весной, завёл как-то разговор про давнюю мечту добыть оленя.

Дело хорошее, было ему сказано, в сентябре едем в Белоруссию. Можно на Алтай, но в Белоруссию ближе. Там и фирмы специальные есть, охотничьи. Угодья. Изюбры.

На реву

Семён поразился простоте решения. Вот, и фирмы есть.

Прошло без отпуска (и очень быстро) лето. В сентябре будто машина времени сжала все эти месяцы, подготовку к экспедиции, долгие часы за книгами и компьютером, охотничьи выпивки у костра, разговоры, мечты и дорогу до Белоруссии.

Сжала - и выбросила Семёна в сентябрьский белорусский лес.

... Уже он был в лесу на охоте.

Заканчивался одиннадцатый час вечера, близилась темнота, но хорошо ещё видны были ленты и облачка тумана, слышны были, в полной тишине, собственные осторожные шаги, похрустывание веточек и ещё какие-то, природного происхождения, звуки, которые городской человек понять не может - что это за звуки, и кто их издаёт.

Слышался дальний рёв оленя, да и не одного.

Гон был у оленей, время любви, и страстным этим рёвом они и подманивали самок, и вызывали на бой соперника, жаждущего во время гона завести хоть небольшой олений гарем.

Семён, прислушиваясь, старался сблизиться с ревущими лесными богатырями.

Он начал реветь.

Ещё когда готовился к охоте, Семён изготовил и испытал берестяную дуду. Специальную трубу. Научили его извлекать из дуды мощные, дикие, страстные оленьи песни. И теперь он рассчитывал, что изюбрь выйдет на его рев, обнаружит себя, и тогда настанет время точного, единственного выстрела.

Он был теоретически хорошо подкован, знал, что ревущие олени - сближаются, и ему требовалось вести дело тонко. Подмануть оленя - очень трудно. Надо и ветер учитывать, чтоб на тебя дул, а не гнал твой чело-

веческий запах в чуткие ноздри зверя, и быть невидимым. Олени разные бывают - может убежать, а может и на рога взять от любовной злобы.

Олень может перестать реветь, когда ему заблагорассудится, и не будешь знать, в какую сторону красться.

И, наконец, надо точно попасть в оленя. Попробуй, попади в темноте. Фонарём-то не посветишь.

Когда ревел, Семён одновременно тряс плечом невысокую берёзу. Производил шум, будто опьянённый любовным зовом зверь.

Ответный близкий рёв раздался неожиданно, и Семён почти сразу же ответил на него, и после этого затаился.

Когда олень заревел в очередной раз, Семен совершил несколько быстрых прыжков и спрятался за высоким деревом.

Ему стало страшно. Вся охотничья романтика вмиг отлетела, и он как бы увидел себя со стороны: в ночном сыром лесу, один на один с диким могучим зверем, который здесь - хозяин, да к тому же хозяин, растревоженный осенним гоном, переполненный могучей тягой к самке и ревнивой ненавистью к ревущему сопернику.

И этот соперник - он, Семён из Москвы, городской дурачок, начитавшийся книжек и нанюхавшийся дыма охотничьих костров. Человек, решивший одолеть зверя, отнять у него жизнь именно тогда, когда зверю пришла пора продлять свой звериный род.

Семён задрожал, понимая, что отступить ему всё равно некуда. Олень уже близко, убежать не удастся. Надо реветь, подманывать, надо решаться на выстрел.

Заревел отчаянно в свою дуду.

Когда олень ответно взревел, Семён, не помня себя, выстрелил из двух стволов. Не целясь. Чуть плечо ему не выбило прикладом.

На реву

Через несколько секунд, когда вернулся после ружейного грохота слух, Семён услышал страшный мат.

Звучная, горячая речь неслась с того направления где должен был быть благородный олень.

Семён прекрасно понимал, что какой бы напряженности ни был гон, олень матом ругаться не будет. Не обучен.

И тогда Семён тоже заорал диким голосом и стал посылать неизвестного сквернослова по известным адресам.

Не сговариваясь, они пошли навстречу друг другу. Как олени.

И встретились на поляне. Семён и Борис.

Как раз и луна вышла из-за туч. И вот получилась немая сцена при свете луны. Семён, ничего не понимая, смотрел на Бориса, одетого в камуфляж, Борис оторопело рассматривал Семёна.

Театр абсурда.

Если бы это был фильм ужасов, то пролилась бы на сырую землю кровь друзей. Но это был не фильм, а жизнь. Во всей своей сложности. И, можно сказать, неожиданной красоте.

- Ты, значит, с Эльбруса уже слез? - спросил Семён ядовито.

- А ты, я понимаю, тут после рыбалки вёсла сушишь? - вопросом на вопрос ответил Борис. - Не слишком ли далеко от Костромской области?

- Не дальше, чем от вершин Кавказа, - парировал Семён.

И они братски обнялись.

А хохотать после начали. И долго остановиться не могли.

У Бориса был с собой навигатор, у Семёна - компас. Оказалось, они обосновались на одной базе, и размину-

На реву

лись чисто случайно, а так-то, по всему судя, должны были неизбежно встретиться.

В общем, и встретились.

Когда добрались до базы, то, подойдя поближе, увидели за оконными стеклами выпивавших охотников. Не все, выходит, слонялись по лесу на ночь глядя. Кто-то решил отдохнуть с дороги, кто-то решил идти на утреннюю зарю. Эти чай пили.

- Слушай, Сёма, - сказал неугомонный Борис, - давай поревём в две дуды. В форточку.

- А если выстрелят с испуга? По охотничьему рефлексу?

- Этого нам не требуется. Не в рефлекс попадут, в нас.

- То-то же, охотник-альпинист.

- Так-то вот, охотник-рыболов.

Конечно, не избежать было им под теплой крышей мужского разговора. На разные темы. Но о чем бы они ни говорили, тема получалась одна - старая дружба. Проверенная временем.

- Помнишь, Сёма, я под Новый год обрушился с острой критикой на рыбацкое дело?

- Помню, Борис.

- А ты мне сказал, что я возьму свои слова обратно.

- И это помню.

- Вот, Семён, я их беру обратно. Я тебя обманул с Эльбрусом. Я хотел оленя добыть, чтоб ты удивился.

- И я хотел оленя добыть. Чтоб ты, Борис, удивился.

- Слушай, не даются нам парнокопытные. На реке тогда не заарканили зверюгу, здесь тоже пролёт вышел.

- Не судьба, значит.

- Видно, так. Не судьба.

Добравшись до Москвы, приятели решили вернуться к классике. К рыбалке. А ружья спрятать. До той поры, когда рыбалка надоест.

Это не скоро будет. Но будет обязательно.

Потому что оба они слышали, как ревёт в тёмном лесу влюблённый олень. Заслушаться можно.

Если не стрелять.

*Посвящается светлой памяти
Елены Мухиной*

И небо смотрит на нас

Инвалид - это человек, который своими страданиями и муками защитил всех живущих от гнева небес, ежечасно взирающих на грешную землю.

Из китайской философии

Вспоминая своё барачное детство, я однажды понял, что, не осознавая того, мы, послевоенные мальчишки, «играли в жизнь», примеряли игру к скорому и близкому своему будущему. По некоторым приметам, будущее это не сулило нам особенно уж больших радостей. Если судить по некоторым взрослым людям, то после детства ждала нас работа не из самых интересных, не исключалось, что должны были мы в этом будущем присосаться к бутылочке, обязательно жениться, чтобы скандалить потом с женой. Возможны были и более интересные варианты.

Всё бы это ничего, но будущая взрослая жизнь многим из нас грозила ещё одной гадостью, ещё одной бедой, которая называлась «болезнь». Это отдельная и страшная тема.

После войны немало было инвалидов, и с детским любопытством смотрели мы, как они передвигаются на

своих костылях, как выкатываются на своих тележках с колесиками из подшипников, а там уж подбираются к пивной точке, где, вот она, людская доброта, им наливали пенную кружку без очереди, или давали допить со Дна.

Тогда, после войны, в воздухе, что называется, пахло грозой. Мы кое-что знали про атомную бомбу, мы жили при холодной войне, и подсознательно понимали, что ведь и настоящая война тоже возможна. А если война, то, значит, будут инвалиды. Мы будем после войны инвалидами.

Это не детская логика, потому что, между прочим, никогда не было такой последовательности, чтобы после войны не прибавлялось инвалидов. Возьмите хотя бы Афган, ещё не забытые восьмидесятые. Да и более поздние времена, тоже не без крови и слёз.

В детской поре и радостей было немало, но сейчас не об этом. Не хочется писать о радостях детства, потому что для друга моего Серёжки радостей никаких не было. Да и было ли у него детство, это тоже вопрос.

Мы как-то привыкли, вся наша дворовая команда, к тому, что тётя Катя, его одинокая мама, выносила Серёжку во двор, усаживала на скамейку (была у нас такая, парковая, с прогнутой спинкой), ни к кому отдельно не обращаясь, говорила: ребята, присмотрите за Серёгой.

А кому там было смотреть. Мы то в футбол, то купаться, то в кино, а Серёга сидел и сидел, сваливаясь бессильно на бок, перекашиваясь, сползая в вогнутость скамьи, пока не валился на неё, а встать самостоятельно и нормально сесть он, горькая его доля, сам не мог.

Долгими часами смотрел он, лёжа на спине, в высокое небо над дворовыми тополями, пока кто-нибудь

И небо смотрит на нас

сердобольный из взрослых не усаживал его, или пока мы, дворовая шайка-лейка, не возвращались в родной двор.

Как-то, проникнувшись, как мне казалось, его бедой, я спросил: трудно так жить, Серёга?

- А что, умирать надо? - он посмотрел на меня, и мало детского было в этом взгляде.

Я понял, что он сильнее нас, сильнее любого здорового.

И, что совершенно уж точно, он был умнее нас, больше знал, потому что читал больше. Что ему делать-то было, полупараличному, как ни читать.

Тоннами глотал он книги, и во дворе прославился тем ещё, что со знанием дела говорил о международном вопросе, а аудитория его была не только мы, ребятня, а взрослые мужики, тоже любители посудачить.

Вопреки широко распространённому ныне мнению, что в те годы чуть не за каждое слово в лагеря тащили, дискутировал народ изрядно и о многом.

Серёга был настолько продвинут, что сам написал про свою болезнь тогдашнему министру здравоохранения, и был после этого отправлен на год в Евпаторию, в детский санаторий, где пролежал на спине год без одного дня, потом ещё восстанавливался, но в Москву вернулся на своих ногах.

Всё это было позже, а настоящую муку он испытал ещё до Евпатории.

Жил у нас во дворе некто Коля Фаронкин, сверстник-ровесник, наш замоскворецкий пацан с ранней наколкой на прочной груди, с довольно-таки лихими замашками, с жесткой волей, не отгранённой разумом.

Он любил поиздеваться над Серёгой.

Я дрался с Фаронкиным до крови - за Серёгу.

Колька залез однажды, обхватывая ствол ногами и подтягиваясь на сильных руках, на тополь, что стоял у скамейки, и сверху окликнул:

- Серёга!

- Чего тебе? - спросил Серёга.

- Лезь сюда, урод. Тут веселей, чем на скамье лежать!

Серёга молчал.

- Слышь ты, грамотей, а ты на бабу залезешь, когда вырастешь? Трудно будет, обращайся. Я помогу. Бабе твоей.

Я ждал Кольку внизу. Серёга говорил мне: не связывайся с животным.

Колька слазил с тополя, мы кидались друг на друга.

Он был посильнее меня, но это ровно ничего не значило, потому что я его ненавидел, а он меня недооценивал.

Когда мы делились на команды, чтоб погонять мяч во дворе, Колька говорил погромче: «Серёга, центральным нападающим будешь нынче!».

Однажды он, когда не было свидетелей, увёз Серегу на трамвае, оставил его на последней глухой остановке, глумливо наказав побираться на новые костыли.

- С костылями будешь, тебе девки не откажут.

Из-за этих издевательств над Серёгой, публичных и тайных, к нему как-то незаметно приклеилась кличка «Фашист».

Серёга его первым так назвал.

Я вторым. Я прокричал ему в рожу это слово, когда он в очередной раз затеял судачить про девок, как с ними инвалидам неудобно справляться. Советовал Серёге подручными средствами обходиться.

Подрались мы вплоть до участкового со странной фамилией Брит, которого мы, пацаны, панически боялись.

И небо смотрит на нас

Урод он был моральный, Коля Фаронкин, и, сдаётся мне, осознавал это в глубине небольшой своей души, но именно это и злило его, и кипятило его скудный разум.

После Евпатории Серёга быстро пошёл в гору, а Коля Фаронкин - с горы.

Серёга накачал мускулы, у Коли несколько обозначился ранний пивной живот. Появились и девушки в свой срок, причём у Сергея это была истинная красавица, а про избранницу Фаронкина я умолчу.

Как-то, в состоянии изрядного поддатия, Коля Фаронкин обратился, по старой памяти, к Серёге, мол, качаешь ты мышцу, но на тополь всё равно не залезешь. Потому что паралич не лечится, в натуре.

- Пятнадцать секунд мне надо. Засеките, парни, - сказал Серёга.

Он буквально взлетел на тополь.

Так же быстро спустился.

- Знаешь что, сука, - выдохнул Фаронкин, - я всё равно выше залезу. За то же время. А ты особо не гордись (он тут матерно сказал, другое слово), по тебе, урод, Евпатория плачет.

Фаронкин забрался на тополь, загоготал там пьяно, начал раскачивать ствол.

Ветка под ним хрустнула тихо.

Он упал спиной поперёк скамьи, и треск его позвоночника был ужасен.

Направление в Евпаторию ему устроил Сергей. Фаронкин долго там лежал, лечился мучительно.

Потом нас, как водится, жизнь поразбросала. Мы все в этой большой жизни ушли с нашего двора, каждый в свою сторону, в своё дело. Я стал, скажу без ложной скромности, крупным инженером, одним из трёх ребят, вышедших из нашего барачного двора с высшим образованием. Остальные, в основном, побывали в местах не столь отдалённых. Сергей (фамилия его, полагаю,

И небо смотрит на нас

и вам известна - Игнатовский) обрёл в профессиональных кругах мировую славу: он первый научился ремонтировать спинной мозг, восстанавливать его целостность. Поговаривали, это было открытие мирового уровня.

Встретился я с Игнатовским много позднее, когда он занялся искусственными суставами и искал для них металлический сплав с набором особых свойств.

Сплав этот хорошо работает в двух местах: в космосе и в тазобедренных суставах.

Так вот кружит нас жизнь.

Мы стали уже седыми, и, надо сказать, его ведомственная слава осталась камерной по звучанию. Удивляться тут не приходится, потому что основная слава достаётся, как широко известно, каким-то «звёздам». Ну да, жили без славы - и не пропали.

В зрелой поре старые друзья любят вспомнить детство. Душевная оптика тут настраивается на лирический лад, включается ностальгический фильтр, и всё былое кажется лучшим, чем оно было на самом деле. Так-то вот за недорогим коньяком мы с Сергеем вспомнили детство и, естественно, Фаронкина.

Когда я назвал эту звучную фамилию, Игнатовский шутливо боднул меня головой в плечо, сказал:

- А ведь доставалось тебе в тех драках.

- Фаронкину тоже, - ответил я. - Где он сейчас, жив ли, не знаешь? Он же тогда пополам переломился.

Как-то особо посмотрел на меня Игнатовский. Спросил:

- Что, реально ничего не слышал о нём? Этого быть не может!

- Серёга, не томи. Не интригуй.

- Да ты, гляжу, совсем тёмный. Ну же: Николай Фаронкин! Знаменитый массажист! Соедини прошлое с настоящим, Григорьев.

- Это тот, кто людей на ноги ставит? - охнул я. - Это что, тот самый Фаронкин?

- Именно, - сказал Игнатовский.

Мы помолчали. Потом Сергей рассказал удивительную жизненную историю.

Ещё учась в медицинском, он занялся здоровьем Фаронкина, его повреждённым позвоночником. Там реальная была катастрофа, но один шанс из миллиона оставался. Игнатовский этот шанс не просмотрел, а Фаронкин не упустил.

По методике Игнатовского он тренировался с нечеловеческим упорством, перенёс не одну операцию и, в результате, стал знаменитым массажистом с чудо-руками. По телевидению программу вёл. Вот к нему позднее и пришла слава. Полагаю, что и деньги побольше профессорских, но это не так уж важно.

- Он у меня в клинике работал, в каком-то роде правая рука, - сказал Игнатовский.

- У тебя? А детство вы с ним не вспоминали?

- Кто старое помянет, тому глаз вон.

- А кто забудет, тому оба, - сказал я.

Опять мы помолчали.

Из дальнейшего рассказа я узнал, что излеченный Фаронкин пришел однажды к Игнатовскому и сказал (не на людях они были на «ты»): «Серёга, отпусти меня. Мне тут тяжело».

- Чем ты недоволен, Николай? - спросил Игнатовский.

- Всё эту скамейку во дворе вспоминаю. Тополь. Отпусти меня. Совесть заела.

Они расстались.

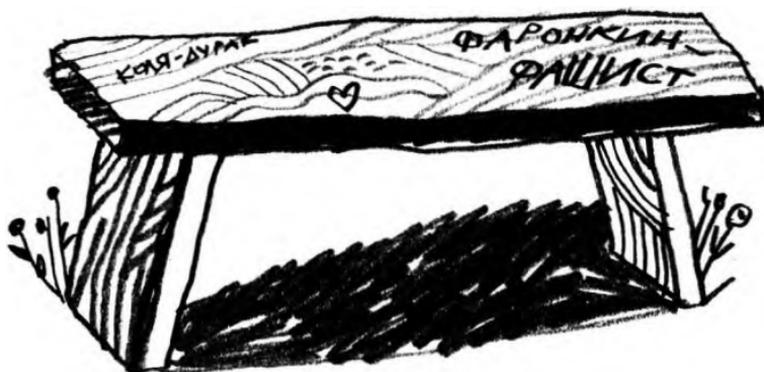
Через год примерно после этой нашей встречи с Игнатовским я заехал по душевному порыву к своим баракам. Двор наш сохранился, но ни тополя, ни скамейки я не нашел. Стояли тут дома-новостройки, над

И небо смотрит на нас

ними - высокое синее московское небо. Прежнее и вечное.

Мне показалось, что оно помнит меня, Кольку и Серёгу.

Да и я, конечно, ничего не забыл. Ведь было же оно у меня, моё детство. Особенное, не такое как у всех. Потому что у каждого оно своё.

Дневник акулы малого бизнеса, или Двадцать лет спустя

На днях встретил своего стародавнего знакомого, чудесного человека и талантливого изобретателя, с которым не виделся двадцать лет, если считать с осени 1987 года. Время тогда было, если кто помнит, коммерчески-романтическое. С высоких трибун и по телевизору широким массам туманно объяснили, что «процесс пошёл», и щедро добавили: «А кто сказал, что будет легко?».

Да никто не говорил! Но, вообще-то, предупреждать надо было.

Все эти годы мой знакомый занимался бизнесом, и вот дозанимался до того, что подумывает его бросить. Я в это его намерение, признаться, не верю. Если он бросит предпринимательство, горько мне будет, а не смешно. Он же - средний класс, опора и надёжа. Налогоплательщик. Да к тому же оптимист. Человек с юмором.

Обнародуй, говорит, в широкой печати мои выстраданные мысли о нашем бизнесе, а то самому мне неудобно.

- Почему, - спрашиваю, - неудобно?
- Да я там цепляю кое-кого. По делу.

Дневник акулы малого бизнеса...

- Слушай, сейчас все друг друга цепляют. Не зацепят, так даже непривычно делается.

- Да, но не все дневники пишут. Не хочу быть узнаваемым, короче говоря. Есть ряд причин. Ты возьми вот мою рукопись по старой дружбе и сдай в печать. Я ж не ради славы...

Такую просьбу я не выполнить не мог, почему и предлагаю читателю ознакомиться с рукописью, к которой, как вы понимаете, никакого отношения не имею.

Абсолютно никакого.

Октябрь 1987 года

Пришла свобода - отворяй ворота. Родной медицинский НИИ «Клизматрон» опустел. Кто на митинги ходит как на работу, кто заделался «челноком», кто, назло главбуху, упорно не начисляющему зарплату, не менее упорно сидит в лаборатории. Изобретает. На голодный желудок.

Перспектива не моя. Изобретать я не брошу, но почему-то и есть бросить не могу.

Я - не из начальства. Вот начальство, похоже, наоборот, успешно привыкает кушать икру и всё, что к ней прилагается: балычок, коньячок, ананас и т.д. Пиршества происходят прямо в кабинете, после чего обнаруживается, что часть здания НИИ кому-то сдана в аренду. Часть за частью. В арендованных помещениях закипает евроремонт, и через неделю туда впархивают длинноногие секретарши. Многие наши, из НИИ, холостые кандидаты наук, начали к девицам подкатываться, но встретили суровый отпор и даже презрение.

Учёным нечего бросить к длинным ногам красавиц, кроме научной степени.

У меня таких проблем нет. У меня любимая семья. Я хочу не безумной любви, а пользы от наступившей свободы предпринимательства. Хочу в родном НИИ арендовать помещение родной лаборатории, но не успеваю: уже

Дневник акулы малого бизнеса...

сдано руководством. Уже разворачивается евроремонт. За ремонтом присматривает девица, которая не может запомнить моего лица и периодически подозрительно спрашивает: «А что вы делаете у нас в офисе?».

И я понимаю, что у меня три варианта: или я иду на митинг, против 6-й статьи Конституции бороться, или я в Турцию пешком иду, потому что денег нет ни на самолёт, ни на товар, или я иду в бизнес, где так нужны мои знания и таланты.

Но, думаю, что мне с партией бороться, если она сама себя побеждает? Миша-то, похоже, не ласковый оказался. К коммунизму. Наоборот, кличет в бизнес, а если прямо говорить - в капитализм. Второй путь - в челноки. Челночить мне претит, не умею. Значит, вперёд, в предпринимательскую деятельность.

Доложился жене и тёще. Жена радостно ткнула меня кулачком в бок, и глаза у неё сделались влюблённые. Я от этого отвык в период перестройки. Тёща позеленела. К этому не привыкать.

Но вот за любовь в глазах жены я готов пойти даже и в бизнес. Не боги горшки обжигают. Состояния начинаются с одного цента. Хорошо, с рубля. Зато потом что будет!

Потом, думал я, будет у меня новая кооперативная квартира, новая иномарка, своя дача, счёт в банке, деньги в кошельке, красивая любовница... (зачёркнуто). Когда я стану на ноги, я приду и сниму в аренду весь НИИ «Клизматрон». Из принципа.

Я буду приносить пользу согражданам, производя хорошую и недорогую продукцию.

У нас в НИИ нашлось ещё два таких энтузиаста, и мы поняли друг друга. Только у одного из них при известии о зяте-бизнесмене ликовала не жена, а тёща. Жена сказала: «Идиот!»

Это не так. Зря она...

Ноябрь 1987 года

Сидим с партнерами до поздней ночи - и трезвые! Раньше задержка на работе была чревата выпивкой. Где брали в период борьбы с алкоголизмом и пьянством? Смешной вопрос для работников НИИ медицинской техники. Речь не идёт даже о каком-то гидролизном спирте. У нас в ходу всегда пищевой, из лучшей пшеницы.

Сейчас, однако, не до этого - устав кооператива пишем, каждую фразу оттачиваем, процедурные вопросы обсуждаем, а, самое главное - название кооперативу придумываем - и, чтоб красиво звучало, и чтоб смысл был, и чтоб ни у кого такого или похожего названия не было. В результате трех скандалов и шести голосований затвердили простое, но солидное название нашей фирмы - «SuperСпецМедтехника». Иностранные буквы есть, а это для бренда первое дело. Всё в наше время стало называться «по-импортному»: маркет, терминал, бренд, менталитет, контекст...

Ну, а председателем кооператива выбрали меня. Какое-то колхозное название должности. Можно было президентом назваться. (Развитая за перестройку политическая интуиция подсказывает мне, что будет у нас в СССР Президент. А что, своя рука владыка. Ну, не хочется ему быть генсеком!).

Две других должности в нашем кооперативе тоже кисло звучат: заместитель председателя по разработкам и производству продукции и заместитель председателя по сбыту. А могли бы быть вице-президентами «SuperСпецМедтехники». Когда у нас будет своя уборщица, мы назовём её менеджером по экологии офиса.

До регистрации - первая проблема. По положению надо организовывать кооператив при каком-нибудь госпредприятии. Набрался сил, поговорил с нашим «клиз-матроновским» директором - но вышел полный облом.

Дневник акулы малого бизнеса...

Поздно, говорит. Нет помещений, и не надо меня впутывать непонятно во что.

Но на ловца и зверь бежит. Нашёл я микроскопическую контору с круглой госпечатью, пообещал взаимовыгодное сотрудничество, бумагу с печатью получил - и с бумагами вперёд в райисполком на комиссию по кооперативной и индивидуально-трудоустройственной деятельности. Комиссия, десять человек, строго спрашивает, какая будет польза нашему социалистическому хозяйству от вашей деятельности? Что конкретно собираетесь делать? Как думаете использовать в своем производстве неликвиды и отходы? Как с ценообразованием? Надо чтоб цены были рыночные, но не выше государственных.

И у всех глаза честные-честные. Как у государства в период перестройки и ускорения.

В общем, помучили минут 15 и отпустили с богом - ваш устав утверждаем, работайте, за решением заходите через недельку.

Ура! Все формальности позади: устав утвержден, печать изготовлена, счет в банке открыт. Только вопросов тьма - помещение, деньги, оборудование.

Ловлю себя на том, что хочется совершить экономическое преступление. По законам капиталистических джунглей. Мечтаю по ночам о сверхдоходах и безнаказанности. Жена спит и не догадывается о моих преступных замыслах. К утру я и сам о них забываю.

А утром читаю газеты, и понимаю: воруют!

За державу обидно. Без иронии пишу.

Январь 1988 года

Как это ни странно, постепенно все начинает получаться. Помещение предложили в райисполкоме - полуподвал, метров 150, место хорошее, в центре, метро рядом. Но разруха: вода стоит на полметра, трубы текут, штукатурка отвалилась, животные разные бегают. А в

моей бывшей лаборатории, поди, чисто, сухо, барышня по телефону щебечет. Кофе, конфеты. Сигареты. Длинные ноги, тьфу, тьфу, тьфу!

Ну, ничего, руки-голова есть, приведем подвал в порядок - конфетка будет. С деньгами, правда, туго - все заначки с партнерами выгребли - все равно не хватает.

Заначка, между прочим, это вещь рыночная. Финансовая подушка безопасности, если разобраться. Лучше, если бы не подушка у меня была, а матрац финансовой безопасности. И потолще. Но чего нет - того нет. Зато в банке, что напротив нашего подвала, таких матрацев миллионы штук. Банки дают кредит. Хорошим людям, в смысле - правильным бизнесменам. Прямо какой-то капитализм с человеческим лицом. Прямо банк тебе - отец родной.

Прихожу в «Жилсоцбанк» за кредитом. Общая сумма - на двое новых «жигулей». Такая появилась стихийная единица денежных капиталов: одни «жигули», двое «жигулей!». На Западе небось на «мерседесы» считают. Дайте срок, потягаемся и с Западом.

Но сначала - дайте кредит. В бумагах я всё прописал, как положено, и, надо сказать, не соврал. Прошу у банка громадную сумму. Председатель (должность звучит почти как моя) отделения «Жилсоцбанка» совсем не удивился, даже выразил удивление, что мало берем. Другие не стесняются и по сотне-другой тысяч брать, тем более что никакого обеспечения, кроме обещания отдать, не требуется.

Но мы люди ответственные и честные - нам пятнадцать тысяч надо, а больше у государства не возьмем, тем более что отдавать с процентами - аж 0,8 годовых. С ума сойти, господа!

Помещение ремонтируем. Деньги есть - пора и о деле подумать.

Дневник акулы малого бизнеса...

А что, если загулять на все пятнадцать тысяч! А потом - сесть на пятнадцать лет,

Думаю об этом и чувствую: есть ещё у меня чувство юмора. Много. Хотя на экспорт поставляй.

Март 1988 года

Работать начинать надо - а оборудования, кроме паяльника, в магазине не купить - все распределяется в соответствии с государственным планом через систему сбытовых контор - а у них все четко прописано - кому, чего и сколько, а кооперативов у них в планах нет - доставай, где хочешь. Или выбивай эти самые «фонды».

Между прочим, в предыдущем предложении в кавычках должен быть глагол «выбивай». А то звучит слишком буквально. Как оно в жизни и было иногда. Но - всё по закону.

Ну, хорошо, оборудование старенькое по друзьям в НИИ и КБ насобирали. Из трех один прибор сделали. Подпаяли, подмарфетили - не хуже новых. Можно начинать наши приборчики делать.

Другая проблема - материалы, комплектующие. Тут без какого-нибудь «Межглавсбыттехкомплекта» никак не обойтись. Написали бумагу - просим для такой-то важнейшей народнохозяйственной задачи, внедрения разработанной нашим кооперативом медицинской техники на благо всего советского народа выделить нам нержавеющейки столько-то килограмм, переключателей марки такой-то столько-то штук и т.д. и т.п.

Кое-что удалось получить. Вроде как неликвиды. Вроде как.

До чего же тонкая вещь экономика переходного периода, это, я вам скажу, нечто. Отчего-то кажется, что про нас будут романы писать. Во мне появилось что-то от инженера Шухова, что-то от химика Менделеева, что-то от премьер-министра Косыгина и что-то от про-

ходимца Бендера. Такая смесь может социально сдетонировать.

Но добро во мне победило зло: я - социалистический предприниматель с развитой коммерческой жилкой. Тень Остапа Бендера бледнеет и уходит со сцены.

Сентябрь 1988 года

Многие люди имеют привычку болеть. В период социальных потрясений эта привычка, по понятным причинам, очень даже даёт о себе знать. На всё нервов не хватает. Хочется спокойно работать, а трудно - начинаются такие перемены, что, как говорится, мама не горюй. Естественно, люди болеют.

Во времена стабильности организм слабеет, потому что ему ничто не угрожает, и на него набрасываются микробы, инфекции, невроты и прочая ерунда.

Таким образом, получается, что наша продукция - диагностическая и прочая медтехника - обречена на успешную реализацию.

Мы бы делали вам что-то другое, но вы же болеете!

Ваше счастье, что есть на свете «SuperСпецМедтехника»!

Опытные образцы диагностической и другой медтехники с грехом пополам на коленке собрали. Есть интерес и у госучреждений, и у торговли. Надо заводить серию, а одни не справимся - производства нет.

Поехали по заводам - на этом не могут, в другом - накладные расходы - 5000 %, третьим - вообще все по фигу, т.е. зарабатывать не умеют и не хотят. Но кое с кем договорились, авансы заплатили, чертежи отдали.

Ждем, свою часть работы делаем.

Деньги кредитные уже почти кончились - а жить и работать надо - расходы не отменишь. Сидим с партнерами, думаем: один говорит - компьютерами торговать

Дневник акулы малого бизнеса...

давайте - дело безумно выгодное. Другой предлагает ресторан открыть, третий - лесом торговать.

В общем, возможностей много. Денег мало. Жизнь прекрасна. Мы живём практически в свободной стране. У нас есть свой бизнес. Мы строим капитализм с человеческим лицом.

Всё смешалось, а решение нашла женщина, жена нашего главного изобретателя, большая рукодельница.

Давайте, говорит, наберем женщин, которые дома сидят, кто с работы ушел, кто детей воспитывает, и будем шить всякие там блузки-маечки. Потребность большая, пойдет нарасхват. Идея понравилась - и закрутилось: образцы заграничные смотрим, выкройки копируем, женщины все это дело пошивают - курьер товар забирает и - в магазины. Доход не безумный, но жить можно, а главное, дело основное можно продолжать.

Правда, бухгалтерии прибавилось. Как учил великий Ленин, социализм - это контроль и учет. И хотя мы вроде капиталисты начинающие, учет нам тоже нужен, да и налоги надо платить.

А не хочется, честно говоря.

Сказать, что большая проблема с учетом и бухгалтерией - так нет - поставили на это дело одну аккуратную даму - она всю бухгалтерию и вела: первичные документы (счета, квитанции, договоры) в папочки подшивала, а доходы - расходы в специальную, прошитую нитками книгу заносила. Ну а расчет налогов совсем простой - просуммируй все, что заработал, потом сложи все прямые затраты (материалы, комплектующие, аренду, командировки и т.д.) и вычти одно из другого, а потом от этой разницы возьми 3 % - и - в налоговую. Правда, на третий год придется платить уже 10 %.

Ну что ж, первые доходы есть, жить можно. Решили отпраздновать с партнерами и женами успехи в ре-

сторане на Кропоткинской, 36. Адресок исторический. Кропоткин-то был анархист, хоть и князь, а первый кооперативный ресторан открылся на улице его имени. Вот такая вышла анархия - мать порядка.

Пригласили и тех, кто нам помогает. Встречал у порога сам Андрей Федоров - первый кооператор - принял по первому разряду и даже изображал официанта, перекинув через одну руку салфетку, а другую заложил за спину.

Уважает.

Октябрь 1990 года

Дела идут неплохо. Приборы выпускаем серийно, и, что нас радует, их покупают и больницы, и санатории, и отдельные сознательные граждане, кто о своём здоровье не забывает.

Появились новые идеи. Сутра до ночи разрабатываем новые конструкции - очень интересно и увлекательно. Тем более что нашего полку прибыло - пришли к нам работать несколько «головастик» из оборонки - решать сложные задачи они умеют, да и к авральному режиму привычные.

На днях приезжали «буржуи» - наши приборы их сильно заинтересовали, предлагают совместное предприятие учредить. Золотые горы обещают - деньги, оборудование, сбыт. Однако есть подозрение, что просто хотят наши разработки прикарманить.

Сколько они толковых ребят - учёных за бугор сманили - не пересчитать. Институты у нас производят великолепную интеллектуальную продукцию, сплошное ноу-хау в лице своих выпускников, и вот эти выпускники едут туда. На Запад.

Будет ли время, когда они вернуться в СССР?

И будет ли куда им возвращаться?

Дневник акулы малого бизнеса...

Наш государственный корабль потрескивает, капитан не знает курса, рулевой теряет силу и разум. Да к тому же запил крепко.

Господи, лучше бы все эти депутаты, общественные деятели, коммунисты и демократы шли работать в кооперативы. У нас порядка куда больше, чем в их хозяйстве.

Март 1993 года

Мы в ловушке, и зовут ее «гиперинфляция». Приборы продали, а когда деньги пришли, то оказалось, что их совсем мало. Не то что прибыль получить - не хватит на выпуск следующей партии. Замкнутый круг.

Ну, ничего, будем надеяться, что все как-то устанется, тем более что Правительство России даже фонд поддержки малого бизнеса создало. Будет ли он работать? Чубайс сказал, что помогать малому бизнесу через льготы и прямое кредитование невыгодно ни государству, ни самому малому бизнесу. Странно, во всем мире помогают, а наши стратеги экономических реформ, считают, что это вредно.

Чубайс, скажи, ответь, Чубайс, что у тебя на уме?

Верный друг Гайдара, скажи, что на уме у вас с Ельциным?

Хотелось бы знать ответ, но - не даёт ответа ни Ельцин, ни Чубайс, ни младореформатор Гайдар, внук Гайдара.

Февраль 1997 года

Было пережито так много, что место этому пережитому в учебниках истории, а не в дневнике российского предпринимателя. Думаю, лет сто будут потомки спорить, кто прав, а кто виноват был в эти годы. Я ответа не знаю. Я - просто предприниматель.

Наша фирма, теперь уже не кооператив, а ООО (общество с ограниченной ответственностью), вполне удачно развивается; мы теперь выпускаем целую линейку медицинских приборов, продаем их не только по России, но и за рубеж. Правда, пока в ближнее зарубежье и в не сильно развитые страны. В Европу не пускают - да и цена входа на их рынок очень велика. Ничего, всему своё время.

Народу в фирме прибавилось, особенно распухла бухгалтерия - бумаг теперь надо перелопачивать немалое количество - законодательство не стоит на месте, каждую минуту ждешь каких-нибудь нововведений. Да и контролеры замучили. Бог бы с ними - пусть иногда проверяют, да уж очень жалко времени - и так домой еле-еле к ночи добираться, детей воспитывать некогда.

Но, замечу, жена по-прежнему смотрит на меня влюбленными глазами, а тёща смирилась. Ей, человеку пожилому, очень трудно свыкнуться с мыслью, что нет больше Советского Союза. С этим, честно, многим трудно свыкнуться.

Приходил на днях пожарный и, конечно, предъявил кучу претензий. Надо признать, некоторые вполне справедливые. Грозился закрыть (посредством опечатывания) контору с легким намеком, что все можно уладить по-хорошему, к обоюдному удовлетворению. Я денег не дал, но договорились, что куплю «очень хорошие» огнетушители по указанному адресу и у такой-то фирмы. Видимо, они такие хорошие, что будут стоить подороже процентов на двадцать.

Что-то зачастили в последнее время всякие проверки - то налоговая набегит, то санэпидстанция, то участковый навестит. И каждому - документы все покажи, лицензии проверят, вопросы зададут, недостатков кучу с неизбежностью обнаружат и в результате очень многозначительно намекнут на возможность

Дневник акулы малого бизнеса...

избежать массы неприятностей при наличии нашей доброй воли к «плодотворному» сотрудничеству.

Это паразиты на здоровом теле российского капитализма. Эх, чувствую, захлестнёт нас волна коррупции!

Такая это гадость, доложу я вам, что я бы деньги давал на борьбу с коррупцией, чтобы не делиться деньгами с коррупционерами. Но, боюсь, и тут возникнет какой-нибудь посредник и предложит «взаимовыгодное сотрудничество».

Июль 1999 года

Ну вот, кое-как оправились от кризиса 98 года. Что это было - вспомнить страшно, а забыть не получается. Мы враз обеднели, хотя и деньги у нас были перед дефолтом. В одном банке деньги застряли, а другого вообще уже нет. Самое смешное, что налоги мы через этот банк заплатили, и платежка с подтверждением есть, только они до налоговой не дошли - и она нас теперь терзает - заплатите налоги. А мы говорим - мы заплатили, это банк зажал. А они говорят - нет, все равно платите. А мы говорим - мы уже заплатили, второй раз, что ли платить? И так до бесконечности - сказка про белого бычка. Что, они разорить нас хотят? Тогда вообще никаких больше налогов не получат.

Что хорошо - заморозили рост арендной платы за наше родное помещение. Его теперь совсем не узнать - красивый ремонт, современная мебель, исследовательский центр с хорошим оборудованием. У меня, как у большого начальника небольшого предприятия, красивый кабинет с маленькой переговорной - клиентов уважать надо, в переговорах обстановка свою роль играет.

Есть, конечно, секретарша, красивая девушка. Думаю, из её поколения выйдут и бизнесмены, и бизнес-

леди. Поймут ли они, что мы подготовили для них почву, расчистили строительную площадку. Не знаю, не убеждён. Но хочется в это верить.

Когда я засиживаюсь на работе, на меня ворчит (жалест) менеджер по экологии офиса.

Сентябрь 2007 года

Похоже, что государство действительно озабочилось проблемами малого бизнеса. Новый закон о малом и среднем предпринимательстве приняли, собираются строить по всей стране бизнес-инкубаторы и технопарки. Но главное - говорят, что надо, прежде всего, поддерживать малый производственный и инновационный бизнес - это стратегическая задача для страны. И это нас радует. Ведь наша фирма двадцать лет как раз и занимается инновациями и производством, да в такой важнейшей области как медицина. Пусть мы и не очень разбогатели, но у нас огромный потенциал - десятки новых разработок, готовых к производству - к ним надо приложить только энергию, которой нам не занимать, да и, как всегда, денег не хватает на раскрутку.

Читал, что создаются венчурные фонды для таких предприятий как наше.

Шутки в сторону, надо писать заявку.

Сентябрь 2008 года

Жуть какая-то. Явился ко мне с виду вполне симпатичный, а по внутреннему содержанию отвратительный тип, с не менее гнусным предложением отдать ему контрольный пакет нашей фирмы. Я его, конечно, сразу послал. Но он не ушел, куда я его послал, а вежливо так объяснил, что срок моего договора аренды подходит к концу, и в соответствии с законом, который летом был принят Госдумой, мое помещение должно

Дневник акулы малого бизнеса...

быть выставлено на торги посредством аукциона. Маловероятно, что я со своими ресурсами смогу его на этом аукционе победить.

Ну а дальше он посмотрит, как лучше распорядиться помещением - то ли свою контору в нем разместит, то ли сдаст в субаренду за хорошие деньги. Я ему говорю, что мы вложили в этот загаженный подвал кучу сил, денег, из дерьма, можно сказать, сделали конфетку, что наш адрес знают по всей России, что у нас работают два доктора и пять кандидатов технических и физико-математических наук и много других специалистов, что...

А он говорит - нет, дорогой, все это не твое, это неотделимые улучшения, которые ты делал как арендатор, а закон надо выполнять, номер у него №108-ФЗ, статья 17.1. Государство считает, что все должно быть прозрачным и честным - у кого больше денег - тот и выигрывает. Если не веришь, можешь своими глазами прочитать, но, поверь, я тебе не враг, и делаю тебе предложение, от которого, надеюсь, ты не сможешь отказаться - собери свои манатки, осциллографы и прочие синхрофазотроны - и на улицу. Ничего личного - только бизнес. Причем на вполне законных основаниях.

Что делать? Куда бедному предпринимателю податься?

Наши дни

Комментарий публикатора

Перед тем как послать рукопись в редакцию, я звонил своего приятеля, стал расспрашивать, чем дело кончилось. Он был бодр, но отвечал уклончиво: всё в порядке, и не такое переживали. Переживём и это.

От предложенной помощи он отказался. Не надо, говорит, справлюсь. Есть законные методы.

Мы сейчас, как известно, втягиваемся в не нами начатый кризис. У части граждан большая тревога на душе. Вполне понятная. Кто-то пугает людей страшными прогнозами, кто-то успокаивает.

Мне по душе позиция автора опубликованного дневника: и не такое переживали. Переживём и это.

Самое главное, чтобы без такой помощи под номером 108.

Не отшельник

Летом 1924 года, когда раны Гражданской войны ещё не зажили и когда в глухих краях обширного отечества начала понемногу устраиваться жизнь - жарким летом того забытого ныне года на берегу Телецкого озера появился изможденный до последнего предела молодой умирающий человек.

Вышел ли он из промысловой тайги, освободился ли из тюрьмы - о том никто не знал. Да и узнавать некому - на многие десятки километров тянулся один лишь безлюдный берег. Пришельца не поразили золотой песок и скалы, горы со снеговыми шапочками, размах неба и чистейшая глубь озерной воды. Ничто его не трогало и не волновало, потому что болезненная слабость обесцветила мир и обесценила все его красоты.

В сбитых опорках он подошел к кромке тихих вод, и ему почудилось в них неведомое таинственное движение, как бы сильное прибрежное течение. Трахомные глаза видели плохо, и он сначала не поверил себе, но потом все же понял: рыба косяком ходит на малой глубине, близко, рядом, и, кажется, не боится ничего. Потому, наверное, что не знала никогда ни крючка, ни сети.

Он снял с себя рубаху и штаны, бережно отложил на сухое место крошечную котомочку с сухарями и спичками, прикопал в песке и приметил камешком штык. Штанины завязал внизу узлами, вошел в воду по грудь, растянул штаны, стал ждать. Затих. Туберкулезные легкие отозвались на холодную воду приступом сотрясающего все тело тяжелого, мокрого кашля.

«Помру тут», - подумал он, и, чувствуя страх от головокружения и близкой смерти, шагнул к берегу. Штаны парусили в воде, и потребовалось напрячь последние силы, чтобы вытащиться на берег.

Рухнув на песок, он застыл, возвращаясь от страха к привычному полуоцепенению - тому же страху, лишь растянутому во времени.

Открыл глаза - и увидел, что из мокрых штанин выскользнул жирный, тускло-золотистый налим, еще какие-то белые рыбины, общим числом, он схватил это взглядом, пять.

Не имея сил разжечь огонь, он ухватил налима под скользкие жабры и впился в него зубами.

Из недалекой тайги смотрела на него косуля, чаща звенела птичьими голосами. Поляны покрыты были грибным ковром, тонко и разно пахли травы, наливались спелостью ягоды и орехи.

Всё это - знать не знало ни о каких войнах, а просто жило во всю силу - и спокойно, как озеро дождинку, приняло в себя человека. Ему тут хватало места для жизни.

А умирать - в ближайшие семьдесят три года времени не нашлось.

... Я побывал на озере в конном туристическом походе летом 1999 года и своими глазами видел его заброшенную избушку, сооруженные им каменные галереи, удерживающие в своих поседевших от времени полуокружиях старый яблоневоый сад, начавший уже дичать без заботливого ухода. В этот поход я ушел инкогнито, чтобы оторваться хоть на несколько дней от невероятного накала политической борьбы. Из моего секретни-

Не отшельник

чанья ничего не получилось, потому что и в походе, и позднее, когда я, оставив проводника и группу, разбил свою одинокую палатку на берегу, подходили ко мне люди, узнавшие меня и желающие получить из первых рук какое-то знание, которое, как им казалось, было здесь недоступно.

Помыслы их были очень просты, фактически совпадали с моим представлением о российской будущности и пониманием рокового смысла тех лет и громадности трагедии, постигшей Россию. Конечно, я был более информированным человеком, потому что находился в эпицентре событий, я всё еще упорно верил, что можно переломить ход истории, противопоставить политический разум и твёрдую государственную волю разрушительной силе, сокрушающей Отечество.

Эта моя вера подтверждалась и той человеческой поддержкой, которую я ясно чувствовал в рассуждениях рыбаков и путешественников, с которыми не вечер и не два просиживал у ночного костра. (Любопытно, что впоследствии, через добрый десяток лет, до меня дошли слухи о том, что на озере видели мудреца, явственно похожего на большого человек из Москвы. Будто в этом обличье являлся после своей смерти отшельник.)

Под ночным небом судачили мы, рыбаки и странники, о том и о сём, и однажды я понял, что на самом деле народное сознание каким-то неведомым образом охватывает всю безбрежность времени. И с болью осознаёт, что здание государства сползает в пропасть, будто подземные силы разом выдернули из-под него вековой фундамент, и теперь пошли по стенам и этажам разрывные трещины.

И бессонной ночью мне явственно представились мои пути в наступающем веке, но я отказывался поверить видению, предрекающему, что естественное на-

правление этих путей будет бессмысленно пресечено временщиком.

Он жил в душевном оцепенении, погруженный в природу, как комарик в древний золотой янтарь, а от редкого внимания людей оберегал их страх перед диким его видом да молва, опасливо почитающая его то колдуном, то каторжником, то убийцем.

Надсадный кашель сам собой сошел на нет, мышцы налились прежней силой, и он молился теперь благодарно за нечаянное спасение.

Однажды, ближе к осени, приплыл в лодке охотник, молча снёс на берег неожиданное богатство. Топор, пилу, кожаную сумку с огневым припасом, два мешочка с мукой и пшеном, сумочку с сахаром, вяленое мясо, ящик с сухарями, лопату, в сухой тряпке, в ведре, белый камень соли, еще скатил дубовый бочонок в крепких обручах.

Отшельник стоял невдалеке, не решаясь подойти и заговорить, хотя понимал, что человек явился без зла в душе.

- Рассказать тебе, что в мире происходит? - спросил охотник.

- Не надо, - ответил отшельник, - я знаю.

- Что ты тут знаешь, милый? Что война кончилась, - сказал охотник, - так это и хрен с ней. Вот хуже весть: моя баба померла при родах, две девки чахнут. Большая и малая.

- Привози, - откликнулся отшельник.

- Это - тебе, - охотник кивнул на еду и инструмент. - Девоч привезу через неделю. Излечи, добром отвечу.

- Я не умею.

- Сам не помер, и им не дашь.

Не отшельник

Упер весло в озерное дно, оттолкнулся, сноровисто погрёб и вскоре скрылся за мысом.

Отшельник спрятал драгоценные дары, бормоча «Подальше положишь - поближе возьмёшь», не веря, что его гость вернётся когда-нибудь.

Ночью в пещере, где он обустроился, в голове его вертелось слово девки, а потом как бы замерцала в дальнем углу нагая женщина; он обругал себя.

Через три дня охотник приплыл на другой лодке, больше первой, и с ним были малышка лет пяти - алтайский дичок, и взрослая веснушчатая девица прочной крестьянской стати.

- Малая кашлем задушилась, большая бесится, - кратко сообщил гость. - А меня зовут Иван Николаевич Перцев. Лечи девок, а я теперь не совсем скоро буду. Вот - шубенки ихние, ночью холодно.

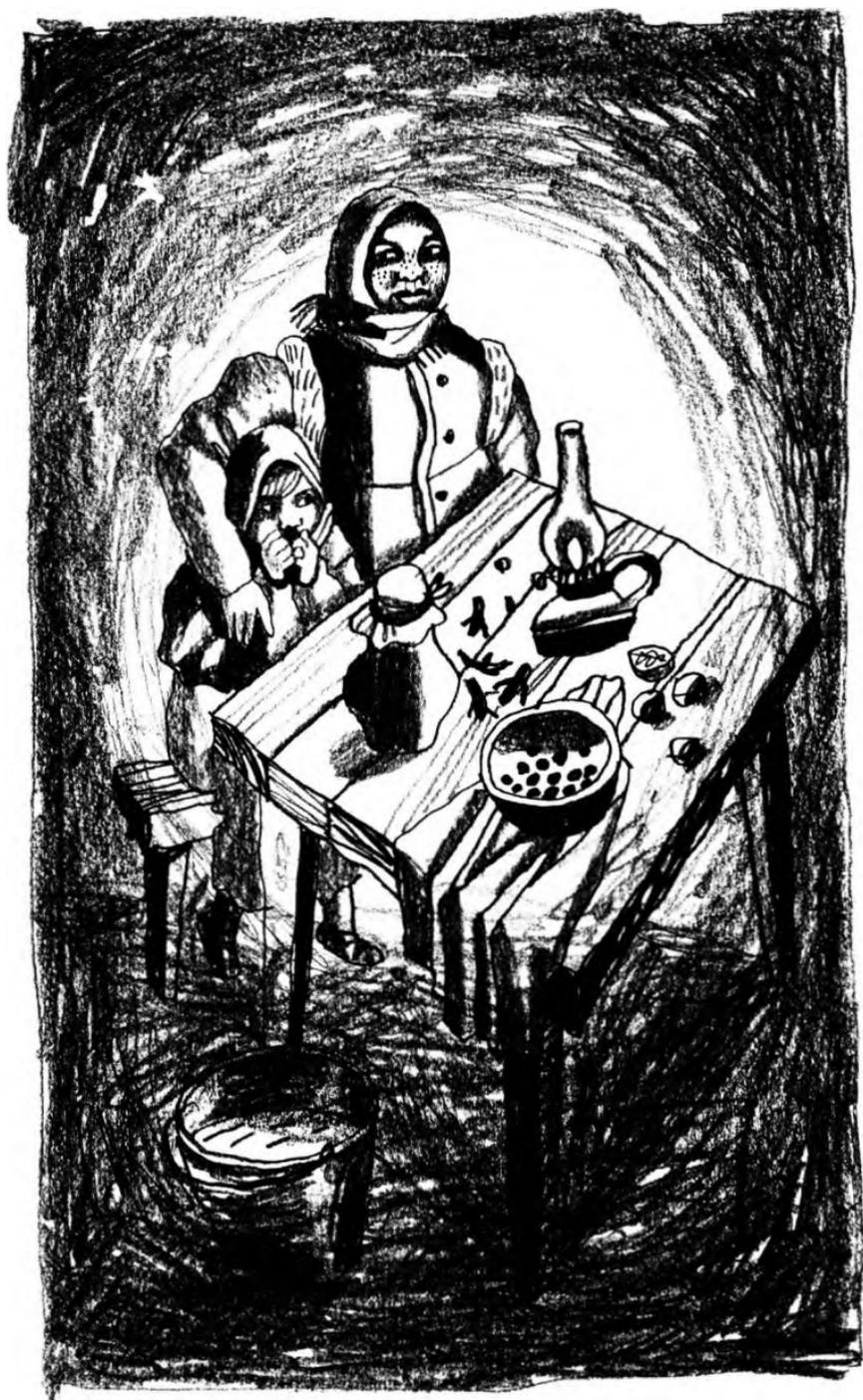
Как их лечить - отшельник не знал, но рассудил, что разберется. Натолок в ведре орехов с ягодами, сдобрил смесь диким медом, подумав, накрошил в ведро мелко рубленных, чисто мытых корешков, которые раскопал, руководствуясь звериным чутьём. Добавил в меру водички и подвесил ведро над костром. Еще подумав, сыпнул малую горсточку соли.

Напарив варево, заставил девок есть его горячим, по очереди передавая ложку, а что осталось - доел сам.

К вечеру, взбодлив костёр в вырытой яме, накалил в огне крутобоких камней, закидал их травой и велел девкам лежать на суровом ложе. Трава над камнями разомлела и дышала колдовским настоем алтайского лугового цвета и дурмана.

- Маменька, горячо, - пищала малая, а большая стонала и порывалась стащить с себя платье и исподнее.

- Охальник, не гляди, - рыкнула на отшельника, - а то ночью задушу.

Не отшельник

Он смутился - не сильно. Не думал, как ему казалось, про ночь.

Ночью же, в пещере, когда малая блаженно расслапилась во сне, большая подкатилась к отшельнику, начала его душиить.

- Задушу, - приглушенно гудела ему в ухо, - задушу, родненькой, Федя, задушу тебя.

- Не Федя я, - он с помутившейся головой мял её груди, она выгибалась, тряслась.

- Тут не останусь, родненький, отсюда не уйду, - медово дышала она.

- Ты не моя, - он протрезвел, отстранился. - Федя у тебя на это есть.

- Нет его, его папаня убил.

- За что?

- Он меня спортил да бросил. У меня теперь припадки каждый день, меня парни бешеной дразнят, собак спускают. С того у меня пена с губ идёт, кричу, бьюсь.

- Блудить хочешь?

- О, дурной ты.

- Что ж ласкаешься?

- Папаня сказал, не перестану колотиться - убьёт. Он за малую боится, что я её поврежу, когда колочусь. Я могу, я бесуюсь. Родненькой, войди, освободи, нет терпения любви.

Трудно было совладать с собой, но мелькнуло, что девка про свое спасение понимает лучше, чем он.

- Не брюхать только, сумей, родненький.

И когда всё кончилось, повела его купаться, и, как дети, они вымыли друг друга, а потом упали опять в траву.

И он не заснул, а она, прильнув, шепнула: «Три ночи так будет».

И так было три ночи.

И в третью ночь она понесла, и они оба знали про это.

...На озерном берегу мне вспоминалось детство: мама моя, отец, рано умерший от болезни лёгких, дед, бабушка, тётя Лиза, тетя Поля, тётя Тася, тётя Дуся и дядя Коля.

В этих воспоминаниях, окрашенных необыкновенной нежностью и горячим, до слёз сильным чувством любви к ушедшим, я лечился от невероятных напряжений, пронизывающих мою тогдашнюю жизнь.

Совсем близко были кровь 1993 года, безумный расстрел людей, дикие выходки русского царя, весь тот ад, который обрушился на Россию, и у которого было много чертей в деле и на нашенской земле, и в чужедальних странах, и у недавних братьев по бывшему СССР. Помнился мне и инфаркт, ударивший по сердцу в 1993 году, и автокатастрофа 1989 года, когда залитое кровью, пробитое правое легкое близило меня к последней черте.

Господь ли Бог, родная ли земля дали тогда силы выстоять, но - и выстоял, и одолел болезни.

Вопреки всему этому надо было каждый день творить смыслы, надежды, взбадривать силу, давать людям веру, что всё это - преодолимо, что если нет пути назад, то есть путь вперёд.

И он был, и я по нему шёл, и со мной и товарищами шли миллионы людей.

Это не риторика.

Это - теперь уже неоспоримая правда, принадлежащая мне и соратникам, а России - принадлежащая по праву судьбы.

Могла Россия сгореть.

Нынче тлеет, бедная.

Что бы я ни делал тогда, а в памяти души всё время оставались мои родные, незабытые мною люди.

Не отшельник

В моём сознании, например, были молоды и живы мои родственники, уже ушедшие к тому времени. Мне казалось, что я разговариваю с ними поочерёдно, как бы читаю книгу своей и их жизни.

Я вспоминал деда, который рассказывал, как он ездил на заработки в Петроград, как он учил плотничать и класть печи моего отца, а отец потом учил меня.

По нынешним временам класть печи - уже не ремесло, потому что ремесло - это навыки и приёмы, которыми владеют многие. Таких многих теперь - нет уже. Поэтому хорошо класть печи - это искусство, тут нужен талант.

Это вообще-то немного мистическое, таинственное дело. Требуется ведь не только инженерно грамотно продумать печные ходы, угадать так, чтобы тяга была ровной и сильной, чтоб из печи не валил дым в комнату, чтоб печь не гудела жутко, а тихонечно и уютно потрескивала, набрав настоящего жару. Ещё и лежанка должна быть и широкой, и горячей, врачующей, и в самой печи должны были ладно располагаться чугуны с кашей, коли вздумалось бы приготовить её как только в старые времена умели.

Одним словом, печи класть я научился. А это умение - оно у не ленивого на всю жизнь.

По сложившимся обстоятельствам, связанными с крутыми переменами в судьбе, я надумал, ничего не оставляя на поживу злой силе, перенести мой дом (это была сперва в чистом виде хорошая баня, которая постепенно доросла до дома) в более спокойный край центра России. В каком-то смысле - в чистое поле. Это работа не для одного человека и не одного дня, потому я нанимал людей, и мы споро двигали дело.

На новом месте дошла очередь до печки, и тут явились два умельца, и объявили цену, которая поразила

меня своей несоразмерностью, бессовестностью, я сказал бы, запроса.

Все мои родные и близкие, которых я опять тогда вспомнил, могли бы безбедно жить на эти, в пересчете, деньги месяцев примерно шесть.

Не хочу оглашать цифру, потому что, как говорится, стороны не смогли договориться.

Единственное, о чем я дополнительно спросил горемастеров, так это о сроках их дорогостоящей работы.

Два дня, был ответ.

Однако.

Не согласны, поищите других, сказали мне. И ушли. И я про них забыл.

Не через два, но через пять или шесть я сложил красавицу печку своими руками.

Дедушка, отец, спасибо вам за науку. Я мысленно в пояс вам поклонился.

Незадачливые печники приходили, печку осмотрели (и видно было, что оценили работу), сказали: «Хозяину - уважуха. Извиняй, конечно. Но на магарыч дай. Чтоб тепло не выдувало».

Что ж, угостил их. Я камня за пазухой не держал, лишь одно меня крепко смутило: уходя, сказал один из них: «Ещё придём к тебе».

Видно, придут. И не выпивать.

Время отшельника течёт незаметно, но быстро. Он окончательно обустроился на берегу, врос в эту жизнь, беспокоясь лишь о том, чтобы не тронули его. Думал, что у него есть сын, а жены нет. Может, охотник Перцев её убил. Перцев не появлялся больше, но, редко правда, приплывали другие люди, большей ча-

Не отшельник

стью больные женщины, которых он лечил по-своему, своим варевом, горячими камнями. Иных, следуя какому-то внутреннему пониманию, заставлял есть сырую рыбу, грызть корешки лесных трав, жевать шиповник.

Никак никого не решался спросить ни про Перцева, ни про его дочерей, старшей из которых было, по его прикидкам, уже близко к тридцати.

Однажды покружил над берегом самолёт, погудел мотором, скользнул низко над водой, потом и над ним пролетел, и из самолета сбросили ему мешок с припасом. Нашел в мешке записку, наивно-печатными буквами, едва не детскими от неумения, было написано. «Здоровая я. Мальчика назвала Василием в честь Чапаева. Собирайся. Скоро тебя заберу отседова. Любовь Перцева».

Вот, подумал, уже на самолёте Любовь Перцева летает, а карточку сына не прислала в мешке.

В конце августа, когда уже заходило по ночам, из тайги вышел небольшой отряд, ведомый человеком в кожаной куртке и в очках на шнурке. Красноармейцы были с винтовками. Очкастый назвал его каким-то Робинзоном, сказал: «Иди в лес. Туда», - показал направление.

Отшельник понял, что пришел конец его озерной жизни, а, скорее, и жизни вообще.

Оделся в ветхую, чистую рубаху, из тех, что больные бабы ему подарили, пошел.

В кедраче она его ждала. Глаза горели синим огнем. На чистой холстинке было выставлено угощение, была и бутылка.

- Ну, ешь вот, - сказала. - И я с тобой выпью.

Ничего не мог спросить, боялся. Думал, мало ли что у неё в голове. Может, пристрелит, может - приголубит.

- Ты кто теперь? - спросил у неё.

- Или не видишь? - ответила. - Командир отряда я.

- А этот в очках - кто?

- Начальник с района. Большой с войны. Городской. Припадочный. Ты мне его вылечи - тогда сам спасешься.

- Я не смогу.

- Смоги.

- Что за отряд у тебя? Ведь войны нет.

- Да куда она делась. С классовым врагом теперь воюем. Кулачье прижимаем. Колхоз - слышал?

- Это кто такой, Колхоз? Что за человек.

- О, глупый, - сказала, смеясь. - Коллективное хозяйство, для счастья, вот. А кулачье мешает. Ну вот, боремся с классом. У тебя тут будет рыбное отделение колхоза. Шабаш твоей одиночной жизни. Будешь бригадиром отделения. Завотделением. Паспорт тебе дадим. Но - вылечи мне его.

- Он тебе зачем?

- Муж.

- А я кто?

- Потом скажу. Когда вылечишь.

Вернулись вместе на берег, и он сказал, что лечить будет с завтрашнего дня. С раннего утра.

Красноармейцы разбили палатки, Любе и мужу отдельную. Вечером настряпали уши, отшельника угостили колбасой и городским хлебом, консервами, конфетами. Сладкие были.

Утром пошёл будить больного, покашлял возле палатки. Тот выскочил как черт из табакерки.

- Лечить будешь?

- Буду. Пошли подальше отсюда.

Ушли за мыс, и там отшельник сказал:

- Больно лечить буду. Страшно.

- Лечи, не боюсь.

- Катайся по песку и вой, как я.

Не отшельник

Упал на песок, начал кататься и выть, и очкастый, зажав очки в кулаке, тоже катался и выл, и оба скатились в воду, и отшельник стал притапливать очкастого, и выл какие-то дикие слова, ревел и голосил, и придушивал больного, покуда у того глаза не закатились. По-ревел ему что-то прямо в ухо, поставил на ноги, сказал: «За мной беги, пока не упадёшь».

Бегали, пока слабый больной и впрямь не упал.

Отшельник подошел к нему, недвижимому, взвалил на себя легкое полуживое тело, пошёл на стоянку красноармейцев.

Те притихли в страхе, Люба же спросила:

- Ухандокал его, что ли?

Сожаления не было в голосе.

- Пусть спит. Давай варево делать.

В варево пустил сонной травы, и когда очнувшийся очкарик похлебал вволю, увел его в палатку, завалил поверх шинели ветками и травой. Больной должен был теперь сутки спать.

Должен был сутки, а спал пятьдесят два часа, Люба посчитала по командирским часам.

И когда спал больной, темной ночью отшельник взял Любу.

- Вот, спасибо, - она сказала. - Ещё теперь рожу. От мужа толку нет в этом деле.

- Я тебе кто? - опять спросил.

- Цветик мой на земле.

- Сына привези мне. Васю.

- Пока не могу. Рано. Боюсь, забереешь у меня.

- Как я заберу? Ты же командир отряда. С классом борешься.

- Это я, чтоб со мной не боролись. В борьбе обретаю счастье. Муж выздоровеет?

- Забирай его завтра. Сто лет припадков не будет.

- Жалко. Думала, освободит меня от себя.
- Ты жестокая.
- Нет.
- Кто такой Чапаев? Ты в его честь сына Василием назвала.
- Герой Гражданской войны.
- Героев не было там, - сказал он.
- Тогда не было, теперь есть.
- Колхоз мне тут не делай. Не хочу с людьми.
- Не бойся, не будет колхоза, И так земли кругом много, обойдёмся.

Он остался один на своём берегу, почти забыв свое имя. И думал, что она ведь не знает как его зовут.

Как тебя зовут? - спросил он у себя мысленно.

И ответил вслух: «Василий».

Печка вышла удачная, и жизнь моя внешне наладилась. В какое-то время я почувствовал себя отшельником - но на душу это не легло, да и какое теперь отшельничество в России, в мире. Оно было бы бессмысленным.

Это отшельничество невозможно ни в городе, ни в селе, ни на острове, ни на материке, ни в океане, ни в космической станции. Разобщенное человечество едино, миллиарды людей составляют целое, как составляют целую бесконечную вселенную неисчислимые триллионы триллионов звезд.

Пути земные, водные и воздушные люди точнее всего определяют по звездам.

По самым ярким. Окруженным так называемой темной материей вселенной, о чем гласит новейшая теория

Не отшельник

мироздания. Их, эти звезды, заносят в атласы, сочиняют про них легенды, высчитывают по ним судьбу.

Звезды врать не умеют, и если судьба не так складывается, как они обещали, то, значит, ошибка была в расчетах. Не лгут звезды людям, а люди звездам - да, часто и бессмысленно лгут.

Отшельник хотел не быть частью темной материи, не стать черной звездой.

Да и не был ведь он в полном смысле отшельником. У него была в жизни Любовь Перцева, был сын Василий и дочь Анастасия.

В декабре сорок первого года он, призванный на фронт, воевал под Москвой, был тяжело ранен и, инвалидом, поскитался по госпиталям, мечтая о своём озере, где и оказался летом сорок третьего, и которое покидал только тогда, когда приступали болезни злые, нелечимые одной только природой.

Любовь Перцева вышла в большие начальники, ездила в Кремль на съезды, а Василий и Анастасия тоже прогремели каждый в своем ремесле - Василий стал конструктором ракетной техники, а Анастасия геологом. Заглядывала в глубину берегов на сибирских реках, обосновывая выбор места для великих ГЭС.

Отца они стеснялись, в анкетах в графе «отец» ставили прочерк.

Убежав однажды из больницы, отшельник вернулся на свое озеро.

Уже навсегда.

В начале этого века в двух километрах от его хижины построили женский санаторий, обретший самую настоящую мировую славу, и название его - Васильевский.

Чтобы понести ребенка, женщины из санатория по ночам приходят на стоянку отшельника.

...Незадачливые мои печники явились ко мне однажды крепко выпившие, сказали: «Мы ведь тебя сжечь хотели со зла. А потом подумали: тебя и без нас хотели сжечь. Те, кто повыше нас. Ан глядь, не вышло у них».

Пуля

Эта пуля лежала в маленькой жестяной коробочке с надписью «Монпансье». Сосед открывал коробочку и давал потрогать. Иначе как «сволочь» он эту пулю не называл. Долгое время я думал, что «сволочь» и «пуля» - одно и то же.

Мне было шесть. Шла война. Крошечная немецкая сволочь лежала, вымазанная соседской кровью, и притворялась мертвой. Я столько ее разглядывал, что, кажется, помню все вмятины и царапины до сих пор.

Пулю вытащили из соседской груди, откуда-то из-под сердца. Для нас, всей дворовой ребятни, это было большой удачей. Теперь мы могли играть в войну, опираясь на вещественные улики и информацию из первых рук.

Информация была скупой и однообразной. Это сейчас мальчишки играют в киношных победителей пластмассовыми стрелялками. А тогда, в сорок втором, вместо ружей у нас были арматурные заточки, и играли мы совсем не в победу. В сопротивление.

Разумеется, детские игры менялись по мере движения фронта. Но в начале войны большого разнообразия не было. Бежать под воздушным обстрелом по открытому полю, то есть дворовой свалке. Или пробираться по ночному лесу (на деле - по цехам мыловарки), чтобы выйти к своим. Или лежать в заледенелой грязи рядом с неразорвавшейся бомбой, не шевелясь в виду немецкого поста.

Разыгрывая все эти сценки со слов забинтованного соседа, мы подражали взрослым в главном и общем деле: выстаивать несмотря ни на что. Дрались до по-

следнего. Сдаваться было нельзя. «Ничего ты со мной не сделаешь» - вот этический принцип из тогдашнего детского словаря.

Сегодня Великая Отечественная война вспоминается от конца, от победы. В памяти она сохранилась как бы в обратном времени. На деле все было не так. Фрицы стояли вплотную к Москве. Мир со дня на день ждал капитуляции русских. Все было, по нормальным понятиям, кончено.

Ведь французы незадолго до этого испытали такой же удар и быстро сдались. Бельгию германская армия оккупировала вообще без единого выстрела. Свободолюбивые европейцы не стали сопротивляться тысячелетнему рейху. Они не были готовы держаться не только до последнего солдата, но и до первого. Они не считали свободу той ценностью, ради которой стоит жертвовать людьми, опустошать землю, разорять благоустроенный быт. Они действовали в своей рационалистической логике и были по-своему правы. Всякая война когда-то кончается, ко всему человек приспосабливается, под фашистами тоже можно жить. Так рассуждали граждане свободной Европы, и весь опыт истории был на их стороне.

Но логика русской войны иная. Она опрокидывает сами основы европейской рациональности. По какой-то неведомой миру причине именно в ситуации безнадежности сопротивление россиян становится особенно отчаянным. Вот как пишет об этом один из ветеранов войны, участник московского ополчения:

«В 1941 году Советская армия была разгромлена. Остатки отступали в хаосе, но в этом хаосе отдельные части продолжали сопротивление, видимо бессмысленное, и продержали немцев до жестоких морозов.

Гebbельс объяснял это примитивностью русского характера, неспособностью понять, что война проиграна-

на. Но Геббельс сам не все понял. Типического русского солдата хаос не деморализует, наоборот - вдохновляет на упорство, мужество отчаяния, вдохновение полета над хаосом. Когда вода "доходила до горла", к русскому солдату, офицеру, генералу приходило второе дыхание, энергия стресса». (Г. Померанц).

Это - парадоксальная, на взгляд европейца, реакция. Соппротивление без расчета и смысла. Не выживание, а выстаивание. Ни прагматически, ни рационально такое поведение объяснить нельзя. Оно не имеет ни обоснований, ни аргументов. Оно самоценно и иррационально, не подчинено никакой разумной калькуляции, рассуждениям о потомстве и прочем.

Стоять до последнего солдата, последнего патрона, умереть в последнем окопе. Отрезать всякую надежду, что потом найдется какой-то иной выход. Таков уж национальный характер. Какая-то упертость воли «у бездны мрачной на краю». Человек опускается на дно отчаяния, но именно там его ждет преобразование духа, победа над телесным страхом, выход в иное измерение, где открывается второе дыхание, третье, четвертое...

Сейчас говорят: «Сталин не жалел людей». Это правда. Но правда и то, что люди не жалели себя сами. Никаких заградотрядов тогда под Москвой не было. Вождь мог отдавать свои приказы потому только, что солдаты и ополченцы, вроде нашего соседа, держали сопротивление, в совершенно безнадежном положении продолжали обороняться. Отстаивали последнюю высоту, овраг, превращали хуторской дом в неприступную крепость. Поднять руки, сдаться, капитулировать не приходило в голову. Не на тех, как говорится, напали.

Недавно на праздновании юбилея Победы один иностранец, подняв бокал, сказал, что любовь к свободе у русских оказалась сильнее, чем у европейцев. Это красиво, но не верно. Тут решала не страсть к свободе, а

особое, чисто сыновнее отношение к земле. И еще одно обстоятельство.

Россиянин самым цивилизационным укладом изначально приспособлен к чрезвычайным ситуациям. Хаос не деморализует его. Он не теряется в обстановке развала, когда ни общего плана, ни связи со штабом, ни поддержки. Он не пасует, сталкиваясь с новым и непонятным, с чем-то таким, что возникло неизвестно откуда, и нет прошлого опыта, на который можно было бы опереться. В обстановке военной неразберихи он вырабатывает в себе способность относительно нормально жить под огнем. Таков национальный характер.

Обо всем этом рассказывал наш сосед. Он пошел в московское ополчение в первые дни войны. На призывном пункте получил трофейную канадскую винтовку и двадцать патронов к ней. «Больше ничего нет, - сказал военком. - Подберешь у кого-нибудь».

И вот с этой винтовочкой вместе с тысячами других москвичей пошел оборонять столицу от немецких танков. А потом были кровь, грязь, мороз, горы трупов и все, о чем мы слышали в его рассказах. И негибаемость, несмотря ни на что.

Когда его подстрелили, война для него вовсе не кончилась. Он лежал забинтованный, а рядом на столике лежала вынутая из его тела немецкая пуля. Никакой другой мысли, кроме как возвратиться на фронт, у него не было. Жизнь как бы остановилась и потеряла на время смысл.

У него родилась идея, по нормальным меркам сумасшедшая. Он решил вернуть эту пулю. Как можно быстрее поправиться и отправиться на передовую.

И что вы думаете, так и вышло. И поправился, и отправился. Весь двор провожал своего героя. Пулю, конечно же, взял с собой. Что было дальше, я уже знаю гораздо лучше, потому что, когда сосед снова вернулся,

мне было десять. Вернулся весь в орденах, с нашивками за ранения и осколками в позвоночнике, из-за чего получил кличку Кривой.

А рассказ был такой. Однажды на фронте, оказавшись в какой-то деревне, подобрал слесарные инструменты. Выковырял из ружейного патрона родную российскую пулю, приладил немецкую. Положил отдельно в карман. И решил: увидит немца, прицелится и вернет.

И вот как-то раз на Белорусском фронте, в местечке с названием, каких много, Сосновка, решил эту свою идею осуществить. Увидел фигуру с вражеской стороны. Зарядил заветный патрон, прицелился, спустил курок. Немножко далековато. Фигура упала. Он был отмщен.

Наступило спокойствие, какого ни до, ни после он никогда в жизни не переживал.

* * *

Вся эта история вспомнилась мне недавно по какой-то ассоциации, но не прямой, а, как говорят математики, «от противоположного». Но очень противоположного. Представьте себе: еду по мирной, красивой, залитой солнцем Москве, включаю по случайности радио. А там какая-то дама, специально приглашенная в студию, рассуждает о будущем нашей страны.

- Скажу крамольную вещь, - вещает в эфире дама, - что Россия станет великой страной, только когда войдет в свои естественные пределы. А громадная страна, от Калининграда до Камчатки, - это не естественные пределы.

- А какие же естественные? - интересуется ведущий. - Московия какая-нибудь?

- До Урала наши естественные пределы! - уточняет дама. - «Сверхдержава» - это идея. А мы живем каждый день с вами, дорогие мои слушатели. Нам нужно покупать еду, одежду, платить квартплату, ездить в поезде, видеть друзей, дарить им подарки. Мы живем каждый день, и мы должны жить нормально, как люди. Нужно ли для этого стать сверхдержавой? Не уверена!..

Вся эта пошлость не стоила бы выеденного яйца, если бы так думала одна эта дамочка, у которой весь горизонт - в гости ходить да подарки дарить. Но вот

что подобная система ценностей распространяется все шире, идеал обывателя отождествляется с ценностями демократии и почему-то ведет к развалу страны, куда более тревожно.

Недавно российские СМИ бросились обсуждать доклад ЦРУ о грядущем распаде России. И знаете, что выяснилось? Никто даже не ужаснулся. Наоборот, когда радиостанция «Эхо Москвы» задала слушателям вопрос: «Считаете ли вы эту угрозу реальной для нашей страны?» - почти две трети (71 %) спокойно ответили «ДА».

Во как! Нет, вы только вдумайтесь: две трети! Наших с вами сограждан! Позволяют себе такую святотатственную, такую недопустимую вещь, как сомнение в будущем существовании России.

Как это могло случиться? Ведь еще недавно ничего подобного нельзя было себе представить. Мы всегда ощущали собственную страну как священный дар, полученный от предков. Защищали этот дар, не жалея жизни. И вдруг свыкаемся, оказывается, с мыслью, что от России не останется ничего, кроме нескольких мало-значущих государств? Я всерьез спрашиваю.

Почему один и тот же народ в той, реальной, войне держится до конца, а в этой, виртуальной, «холодной», мифической, вдруг теряет волю к победе, капитулирует и даже готов, в качестве контрибуции, сдать страну?

Почему, когда была угроза, край, бездна, люди в буквальном смысле отдавали жизни, собственной кровью и телами защищали отчизну - а сейчас, когда ничего этого нет, тот же народ с такой легкостью признает свое поражение, объявляет об этом на весь мир, подвергает сомнению всю свою историю - и готов сдать отчизну на растерзание и развал? Куда делась способность к сопротивлению?

Это необъяснимо. Могут быть названы сотни причин и тысячи виновных - у нас насчет виноватых всегда

все в порядке. Но, если по делу, тут нечто загадочное, и никакие гипотезы о происках забугорных спецслужб ничего не дают.

Есть в русском народе какая-то тяга к крайностям. Что-то такое, что отражается в национальных поговорках: «Пан или пропал», «Все или ничего», «Либо петля надвое, либо шея прочь»...

Отчаянное самопожертвование, с каким отстаивали страну от фашистских полчищ, и необъяснимая апатия, постигшая многих сейчас, - это две стороны одной медали. Единый инстинкт национальной спайки, который в обоих случаях дает нестандартный результат. Тот самый народ, который тогда отчаянно сопротивлялся, сейчас разочарован. В этом разочаровании - та же страсть, та же способность сносить несчастья, но не позор. Жертвы, но не унижения. Тяготы, но не втапывание в грязь, не очернение всего, ради чего мы жили. Доза этого яда оказалась большей, чем мог вынести российский народ.

Приведу размышление человека, которого возмущившая меня интеллигентная дама наверняка почитает, но плохо прочла.

«Никакое количество русских... еще не образует народ. Это чистое количество, эта пшеница человеческая жаждет быть размолотой, обращенной в муку, выпеченной в хлеб. Состояние зерна в хлебах соответствует состоянию личности в том совершенно новом и не механическом соединении, которое называется народом. И вот бывают такие эпохи, когда хлеб не выпекается, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помола нет. Политическая независимость больше не делает народа. Только бросив свой мешок на новую мельницу, под жернова новой заботы, мы получим обратно уже чистую муку - нашу новую сущность как народа».

Это пророчество написал не какой-нибудь идейный государственник, а замученный в лагере великий поэт О. Мандельштам.

Сейчас мы - механическая сумма частных граждан, электорат, население. Но не народ в том глубинном понимании, о котором говорит поэт. Не люди, объединенные чувством причастности к целому, общенациональному пониманию смысла и жизненной цели.

Гитлер о таком противнике даже мечтать не мог. Он боролся именно с народом - и проиграл. Но вот подточилась какая-то спайка, и вдруг тех самых людей, которые могли выдержать войну, блокаду, отступление, приглашают стать коллаборационистами, способными лишь выживать, но отнюдь не выстаивать.

Позор, унижение выбивают из народа кураж. Произошел обвал: насаждая чернуху, переписывая историю, лишая прожитую жизнь смысла, тихой сапой стремятся покончить с русским народом, лишить его чувства общности, сделать каждого человека отдельным и отчужденным. Народ как бы опустили перед лицом истории, отменили право на существование. Как следствие - утрата воли к жизни, способности к сопротивлению, готовность признать свое историческое и национальное поражение. Никто - ни политик в Кремле, ни солдат, ни олигарх, ни последний забулдыга - сегодня не ощущает себя частью единой национальной сущности. Огромная, стосорокамиллионная страна висит в воздухе, лишённая цели и точки опоры. Обрублена смыслопорождающая ветка.

И все-таки что ни говори, как ни крути, куда ни кинь - все равно где-то внизу, подспудно, это чувство общности тлеет. И разгорится, когда «дойдет до горла». Какие бы обманы ни происходили, какую бы холодную войну ни проигрывали - все равно пока есть хотя бы два русских, сохраняется этот записанный в основном

национальном инстинкте духовный код. Он обязательно проснется. Тогда покажем, что еще можем выстоять. И включим второе дыхание, третье, четвертое. Тогда вернутся и драйв, и энергетика, и пассионарность.

Сегодня мы питаемся прогнозами, делаем пессимистические выводы. Но эти прогнозы и выводы слишком линейны, они рождены рационалистической, европейской логикой. На деле страна стоит на ином цивилизованном принципе. Мы лишены формы, но не стержня. Нас можно унизить, но не победить. Здесь держит какая-то иная скрепа, чувство причастности к земле. Оно прорывается спорадически. В скучной повседневности его, может, не видно.

Сейчас нас так же, как в сорок первом, хотят приговорить к поражению. Но эти пророки могут так же ошибиться. Потому что еще не подступило. Нас в этом убеждают, и мы так же отступаем, сдаем позиции одну за другой. И историю, и территорию.

Но хочу сказать всем тем, кто уже привык к мысли о грядущем распаде России: не дожидаетесь! Или, выражаясь по-западному, «мне очень жаль, господа». Наши предки осваивали суровые просторы страны не потому, что преисполнялись предчувствий о нефти и газе. Мы любим эти земли, наши пращурсы выбрали их для жизни. Вот и весь разговор.

* * *

Та детская история имела неожиданное продолжение. Недавно был в Германии. И вот на деловом обеде слышу, как один бизнесмен с немецкой стороны рассказывает между делом, что его отец воевал в России. Был ранен, вылечился, вернулся. Однако всю жизнь возвращался мыслью к той боевой ситуации, где его подстре-

Пуля

лили. Дело в том, что когда врач вынул пулю, он был поражен. То была немецкая пуля. Хотя стреляли с русской стороны.

- А на каком фронте это было? - спрашиваю.

- У вас он назывался Белорусский фронт.

Я хотел уточнить название местечка. Но не стал.

А вдруг это оказалась бы та самая пуля...

О любви

- Ты ведь знал Курбана?

- А то!

Вопрос прозвучал тем более неожиданно, что речь у нас шла о любви. Мой друг, грузинский журналист, только что вернулся с научного конгресса, где сделал фантастическое открытие.

- Чем глубже современные физики вникают в происхождение Вселенной, тем больше подтверждают гипотезу Аристотеля: «Мир создан любовью». Когда слышишь, как они говорят о муках рождения материи, невольно вспоминаешь финал «Божественной комедии» Данте: «Любовь, что движет солнце и светила». Можно не верить в Бога, но в любовь-то не верить нельзя!

Слушать все это было невероятно приятно. Мы сидели на пасеке, пили чай. Был дивный воскресный день. Пчелы, обалдев от запахов разнотравья, жужжали по-праздничному. В такие минуты беседа течет сама по себе, оставляя каждому из собеседников пространство для внутреннего монолога.

- Знаешь, - продолжал друг, - с научной точки зрения, любовь - вещь абсолютно загадочная. Страсть - дело другое, там инстинкты, эмоции. А вот любовь, особенно жертвенная, не имеет оснований в природе. Она приходит словно из другого измерения. Мы помним яркие образы юных влюбленных: Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Меджнун и Лейла. Но любовь зрелая, не увядающая в мелких заботах повседневности, - тайна, не постижимая даже искусством. «Жили долго и счастливо и умерли в один

О любви

день» - вот и все, что можно прочесть о такой любви. Так ты знал Курбана?

* * *

Курбан был банщиком (точнее, «терщиком») в одной из тех знаменитых серных бань, которым город Тбилиси, если верить преданию, обязан своим основанием. Легенда гласит: охотился как-то в тех местах великий царь Вахтанг Горгасал. Подстрелил фазана. Все шло как обычно, пока любимая гончая не принесла пронзенную царской стрелой дичь. Тут государь понял, что видит чудо. Фазан был сварен. Не так, конечно, как делал придворный повар, но для божественного знамения вполне прилично. Мы с вами сказали бы: да где ж тут чудо, упал фазан в горячий источник - подумаешь, делов-то. Однако в те годы люди были весьма впечатлительны, цари в особенности. Чуть что, усматривали промысел Божий. А потому, восхвалив Господа, государь объявил место святым и назвал его «Теплое». Что по-грузински, как вы уже догадались, звучит... Правильно: «Тбилиси».

Легенда эта удивительна тем, что никакие стратегические соображения - ни гора, ни Кура, ни скрещение торговых путей не повлияли, если верить грузинам, на выбор места для столицы. И это лучше всего характеризует то состояние, в которое приходит человек после посещения серной бани. Действительно, других аргументов не требуется.

Скажу больше: если хотите узнать, что потерял род человеческий, когда Адама лишили райской прописки, поезжайте в Тбилиси, сходите туда. И вы согласитесь: это нечто неземное. Во всяком случае, так думал я, впервые (тогда еще молодым человеком) отправившись на последние деньги в серные бани и там побывав в бес-

пощадных и заботливых руках Курбана. Описать впечатление нет никакой возможности. Как, впрочем, и самого мастера.

Он был достопримечательностью старого города - обмотанный белой простыней, как римский сенатор той-гой, в сандалиях на босу ногу. Похоже, никто не видел его одетым. Еще поговаривали, что он тер спину чуть ли не самому Пушкину, что в каком-то отношении правда, ибо традиция тбилисских терщиков передается, не прерываясь, от мастера к ученику.

Курбан был гением в том смысле, что сочетал в своих движениях грубость и нежность, скрепляя этот контраст особой любовью к человеческому телу. Научить жестом фокусника делать из воздуха огромное облако мыльной пены можно кого угодно. Проводить коленом по позвоночнику, соразмеряя доставляемую боль с удовольствием, тоже. Но суметь так отнестись к мужскому телу, чтобы оно оставило за порогом бани все мрачные мысли, невроты, утомленность, - это дело таланта. Руки его были очень сильными и заботливо чувствительными. Впрочем, он пользовался и ногами, залезая клиенту на спину и работая всеми четырьмя конечностями над хребтом и прочими косточками. Люди выходили от него преображенными.

Как все такого рода профессионалы, он оказался еще и психологом. Не знаю уж, каким образом догадался, что перед ним «голь перекатная» (а проще говоря, молодой специалист в первой командировке), но только, закончив сеанс, неповторимым жестом протянул мне обратно деньги, произнеся одно слово: «Пешкеш!»

- Это чисто грузинский жест. Самое интересное, что точно так же он поступал с богачами. Однажды к нему привели американского миллиардера Нельсона Рокфеллера, приехавшего вместе с сенатором Эдвардом Кеннеди на очередную Дартмутскую встречу. Хозяева

потащили гостей в серные бани и, естественно, работу поручили Курбану. А чтобы тот проникся ответственностью поручения, стали объяснять, кто есть кто. Банщик выслушал, но отреагировал скупой: «Кацо, когда люди голые, они все равны». И ничего «сверх программы» своим заморским клиентам не предложил. Однако американцы были в восторге, уходя, протянули долларовые купюры. Курбан внимательно рассмотрел незнакомую в те годы валюту, потом гордым жестом протянул обратно, сказав, как и тебе: «Пешкеш!» Что означает: «Ты мне даешь, но я возвращаю тебе как подарок». Переводчики долго объясняли американцам значение этого чисто грузинского понятия.

Можно много рассказывать про Курбана, но, полагаю, читателю уже ясно, что если искать человека, менее подходящего на роль Ромео, то это будет трудно. Так думали все. Ближайшие друзья и соседи, знавшие его всю жизнь, не могли предположить, что в этом простаке таилась глубоко любящая душа - настолько потаенно от чужих глаз жила истинная любовь. Своих чувств к жене он никогда не выказывал. Никто не сопрягал с Курбаном что-либо более высокое, чем баня и предбанник. И лишь в последнюю очередь можно было ожидать от этого человека того поступка, о котором сейчас расскажу.

Когда жена умерла, Курбан собрал все, что мог, на все имеющиеся деньги справил келехи - поминки, которые произвели впечатление даже в Тбилиси. А на следующее утро облачился во все новое и чистое, вышел на Метехский мост и бросился вниз головой в Куру.

Сказано в Библии: «Ибо сильна, как смерть, любовь». Особенно та, что проходит через всю жизнь, не теряя масштаба в мелочах быта. Такая любовь живет потаенно, ее не воспевают ни западные менестрели, ни восточные ашуги. Она мало похожа на то, что связывается

О любви

с образами героев-любовников. Но это самое глубокое, что бывает между людьми.

* * *

Я слушал своего друга и думал о том, до чего, черт возьми, обожаю грузин. Язык международной дипломатии не знает такого термина, как любовь. Максимум, дозволенный дипломатическим лексиконом, это дружба. В редких случаях «братская», иногда «неразлучная» или «дружба навеки» между народами. Однако бывают случаи, бывают связи, которые иначе, как любовью, не назовешь.

Сейчас даже трудно вспомнить, как мы все (россияне в особенности) готовы были восхищаться грузинами. Как восторгались кавказским застольем, мужским пением, бытовым жестом. Как восхищались фильмами, театром, художниками. Никогда не было идеи, что «наше лучше». Ничто не навязывалось. Все время готовы были воздать им должное.

Заочное ощущение Грузии было соткано из настроений и интонаций: убери их, и все исчезнет.

С ней был связан праздник, открытость и доброжелательность, что-то солнечное и веселое. Не возникало не только ревности, но и обыденности. Стоило кому-то сказать «грузины приедут» - накатывало ощущение тепла, света, радости, вкусноты и щедрости. Все становилось лучше.

Повторяю, это эмоции. Но из этих эмоций и состоят отношения. Если мы прервем их, не передадим по наследству, это будет зияние невосполнимое. С детских лет жизнь была окутана грузинским ароматом. Сколько себя помню, всегда грузин в бурке скакал по папиросной коробке «Казбек» (память ушедшего на фронт

отца); вечно глядел грустный Демон на танцующую царицу Тамару (репродукция на кухне); витязь в тигровой шкуре неустанно сжимал зверя в поднятых руках (в местной забегаловке). Все эти образы были знакомы до черточки. Им вторили стихи: Грузия была «зарифмована» в поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина, в переводах Пастернака. «Маяковский, - объясняла учительница Нина Николаевна, - родился там и воплотил в необычных ритмах поэтический строй горных высот, рек и ущелий волшебной земли».

Все это было впитано русской культурой и встречалось на каждом шагу. Сочетание славянской широты и грузинской стати обогащало обоих. Мы ничего не навязывали Грузии. Наоборот, тут в полной мере проявлялась та самая «всемирная отзывчивость», о которой говорил Достоевский.

Взгляд, которым мы смотрели на грузин, включал в себя систему норм поистине идеальных. Грузинская статья, честь, рыцарство, пренебрежение к подачкам - все это действительно сохранялось в национальной ментальности. Но я хочу сказать, что Россия никогда на это не посягала, а наоборот, всегда поддерживала. Нас отличало умение видеть в грузинах образцы рыцарства и чести, и этот взгляд выпрямлял их. Они гордо несли свою осанку под воздействием русского взгляда.

* * *

И вот сегодня мне рассказывают, что мы, оказывается, были завоевателями. Что в Грузии создают чуть ли не музей российской оккупации, а в Тбилиси появился проспект имени героя-освободителя Буша...

Еще несколько лет - и молодое поколение грузин перестанет говорить на русском языке. В свое время

О любви

те, кто направлялись в Россию и возвращались, обогащенные русской культурой, называли себя «тергдалеулеби», то есть «испившие Терека». (Тогда путь в Россию лежал через Терек.) Где сейчас эти испившие Терека грузины?

Грузия выбрасывает русский язык, мы выбрасываем вино и боржоми. Все это было бы смешно, когда бы не было ужасно. Мне рассказывают, что в некоторых тамошних интеллигентских семьях родители тайно нанимают учителей русского языка, чтобы дети не задохнулись в вареве русофобского патриотизма. Эта картина чем-то напоминает фантастический роман «451° по Фаренгейту», где в стране, запретившей книги, гуманисты заучивали их наизусть, чтобы передать внукам.

Уже сейчас вырастают поколения, которые забудут нашу обоюдную открытость, готовность воспринимать, впитывать и восхищаться. Уже теперь трудно объяснить молодым людям, что для нас значило грузинское застолье. Поколения нынешние, соблазненные макдоналдсами, забудут это. Столько веков связи не прерывались, и вдруг... Это, пожалуй, одна из самых тяжелых ран, которую нанесла Грузии политика ее нынешних руководителей. Если ненависть перейдет в народ, процесс может стать необратимым. Причем для обеих сторон. Человек, привыкший видеть в грузинах не представителей гордых горцев, а «лица кавказской национальности», уже не поймет, о чем я пишу.

Да и грузины, уверен, другого такого влюбленного не найдут, потому что для этого нужны века истории и особое сочетание звезд. Неужели они надеются, что американцы к ним будут так относиться? Да никогда в жизни!

Американская система может стоять только на американской ментальности. Она предельно рацио-

нальна и в качестве рациональной - жестка. Просветительские постулаты, на которых она построена, не предполагают множественности вариантов. Чужой образ жизни кажется не иным, а более низким. Существует лишь одна система, лучшая из возможных; все остальные допускаются только под флагом политкорректности, а вовсе не равнозначности и тем более достоинства.

У русских никогда этого не было. Российские присоединения нигде не означали переформатирования национальных способов жить. Никого не обращали. Специфика российского мировосприятия - в самой культурной пластичности. Именно поэтому американцы не займут наше место в грузинской культуре, как и в нашей никто не займет место грузин.

И то, что сейчас мы теряем, по своим последствиям несравнимо с вином или боржомом. Торговые убытки еще можно компенсировать. А вековую традицию, тип отношений, готовность любоваться друг другом - нет. Мы теряем не нефть, не мандарины, даже не безопасность границ (об этом пусть заботятся политики и военные). Мы теряем то, что невосполнимо.

В сердце пустеет место, которое нечем занять. Если будет прервана связь, ни грузины, ни русские уже не будут прежними.

Люди спрашивают: ради чего все это? Ради сиюминутных выгод, заокеанских подачек и чужих геополитических задач? Ради этого прервать такую фантастическую традицию, зачеркнуть вековые устои - это можно себе представить?

Хочу подчеркнуть: я здесь вовсе не спорю с политическим курсом грузинских властей. Хотите помочь заокеанским спонсорам оградить Россию санитарным кордоном - как говорится, без комментариев. История нас рассудит. Но нельзя, исходя из этих сугубо политикан-

О любви

ских, сомнительных целей, лишая грузинских мальчиков возможности читать Толстого в подлиннике.

Это вопрос политической грамотности - различать между глубинными процессами и сиюминутной необходимостью. Есть актуальный пласт времени: тут стратегии, тактики, выгоды. Тут живут политические обиды, фантомные боли и комплексы. Тут можешь устраивать торговые войны, соединяться в какие-то коалиции, создавать натовский пояс вокруг российских границ, проводить нефтепровод в обход России. Это вещи ужасные, но в историческом плане сиюминутные, политиканские и, извините меня, исправляемые. Торговая война - сегодня она есть, завтра нет.

Но связь между народами живет в другом масштабе и диапазоне, на ином уровне исторической иерархии. Политиканству там не место. Там - память поколений, вековые напластования, традиции межнационального восприятия. Там - время истории. Там «дышат почва и судьба».

Можем сказать: ну и ладно. У нас есть своя нефть, обойдемся. Сегодня, в век глобализации, всем не до сантиментов. Нынче - как на всемирном футбольном чемпионате: мелькают народы, культуры, религии. Безлюбый мир не предполагает памяти поколений, патриархальной близости, соседской привязанности. Все заменяется чередой национальных контактов, калейдоскопом межгосударственных взаимодействий в глобальной перспективе.

Что ответчу? Не верю! Весь мировой политический опыт подсказывает, что мир не может регулироваться цинизмом, двойными стандартами, да бомбежками не-

угодных. Аморализм как этический принцип не может претендовать на всеобщее признание. Народы еще не утратили нравственного чувства, да и вряд ли когда-нибудь потеряют его.

Глобализму, хотим мы того или нет, должна соответствовать новая этика. Кто-то называет ее «абсолютной моралью», имея в виду такую мораль, с нормами которой согласились бы все. Другие говорят о всемирной отзывчивости. В любом случае прагматизму «мировой закулисы» и «войне цивилизаций» нужна нравственная альтернатива - и это не прекрасодушие, а необходимость. В прошлом веке стабильность мира держалась равновесием зла. В новом мире, который сейчас становится, народы просто вынуждены будут найти иные принципы взаимоотношений - не на противостоянии, не на высасывании, не на выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов. Так можно было строить геополитику раньше. Теперь придется искать этический ответ на вызов глобализации.

Каким будет этот ответ, пока сказать трудно. Но уже сейчас ясно, что если не найдем способа внедрить такие этические постулаты, как любовь к иному (народу, цивилизации) в мироощущение политической элиты, мировой бойни не избежать.

В этой перспективе то, что было, - а я убежден, что и есть - между народами России и Грузии, это не прошлое, а скорее будущее: яркий пример межнациональных отношений, построенных не на выгоде, а на любви. Или «на выгоде любви», если уж формулировать новую этику в старых понятиях.

Мы смотрелись друг в друга любящим взглядом, не держа ни зла, ни обиды, и это нельзя сбросить в лету ни с Метехского, ни с Москворецкого моста!

О любви

* * *

- Эк, как тебя на пафос потянуло, - сказал друг, когда я поделился с ним такими мыслями. - Только не вздумай все это писать. Нынче такое читать не будут: теперь все пишут иронично, стебно, несерьез. А кроме того, ведь и не было в наших русско-грузинских отношениях никакого пафоса. Вспомни-ка: это у государства был пафос насчет дружбы народов, а мы просто любили друг друга - грузины русских, русские грузин.

И я вспомнил. Вспомнил последний день той первой поездки в Тбилиси. Провели мы его с приятелем в аэропорту - два «молодых специалиста» в первой командировке. Уставшие, полные впечатлений, выполнившие труднейшее задание, но и погулявшие, поистратившиеся вдрызг. На обратный билет наскребли еле-еле, прибыли в аэропорт без копейки в кармане. Впрочем, у Иосифа, моего напарника, все было рассчитано и расписано до секунды: зачем, рассуждал он, деньги, когда в самолете покормят, а там, в Москве, доберемся. Родной все-таки город, не пропадем как-нибудь.

Но человек, как говорится, предполагает, а жизнь, особенно в Грузии - она порой так располагает, что и не знаешь, зачем тебе дана способность предполагать. Объявляют по радио: мол, воздушный лайнер задерживается. На два часа. Затем еще на два. Потом просят пассажиров не беспокоиться. Ну, мы-то, положим, не беспокоимся, но организм-то все-таки молодой. Начинает, как говорится, подсасывать. Вначале под ложечкой, затем поднимается сухость до горла, потом спускается в ноги, после чего снова вверх, легкое головокружение. Короче, когда через сутки, отлежав все бока на жестких скамейках, мы снова услышали по радио предложение подождать, я припомнил уже весь набор ощущений, знакомых по голодному военному детству. До предоб-

морочного, конечно, еще не дошло, но окружающее пространство периодически смазывалось и плыло, потом восстанавливалось, однако все реже.

И тут, среди этих голодных наплывов, словно виденье, невесть откуда материализовалась странная фигура. Вся в черном, худющая, чуть скрюченная, да еще с помелом в руке. Она напоминала какое-то фантастическое существо из книжной иллюстрации, но кого именно, так и не вспомнил.

- Ребята, - сказало видение трескучим голосом, - идем!

Не очень соображая, что происходит, мы, разумеется, поднялись со своих мест, поплелись за странной женщиной. Вышли из здания аэропорта, куда-то заковыляли, пока не оказались у крошечного строения, которое она стала отпирать каким-то ржавым ключом. Потом скрылась в глубине, пошуршала, покряхтела и наконец снова опредметилась, держа в руках две бутылки боржомом с буханкой хлеба.

- Больше ничего нет, - пояснила она, сделав специфически грузинский жест для ясности.

С какой скоростью мы уплетали буханку, запивая водой, объяснять, полагаю, не надо. Жаль, не было представителей Книги Гиннеса: рекорд по поеданию буханок взяли бы точно. А женщина смотрела и улыбалась.

- А то убираюсь тут, - пояснила она, - смотрю: второй день не едите...

С тех пор прошло без малого пятьдесят лет. Но тот вечер, ту грузинку-уборщицу, тот вкус боржомом с хлебом отпечатался на всю жизнь как одно из ярчайших переживаний. Даже не знаю, как его охарактеризовать: сказать, что ничего вкуснее никогда не ел? Это банально, да и дело не в том.

Где-то в Евангелии говорится: Бог больше ценит жертвование не того, кто много имеет, а того, кто сам

О любви

нуждается, делясь последним. И хотя мы не боги, но в этом отношении, думаю, точно созданы по образу и подобию. Потому что сколько уж я получал за жизнь ценнейших подарков, принимая и с радостью, и с признательностью - но такой горячей волны благодарности, истекающей прямо из сердца, как к той бедной грузинке, не испытывал, кажется, ни к кому. Так что и вправду: при чем тут пафос. Просто любовь.

Тайна Гостиного Двора

*(небольшой сюжет
для детектив-шоу)*

Россия - страна загадок, писали озадаченные иностранцы. Но интересно, что и русский люд неизменно придерживался того же мнения.

«Мы рождаемся с загадкой в сердцах и потом всю жизнь лелеем ее на собственных боках, - свидетельствовал российский губернатор М.Е. Салтыков-Щедрин. - Куда ни обернитесь, на всех лицах вы видите страстное желание проникнуть за пределы загадочной области, и в то же время на тех же лицах читаете какое-то фаталистическое осуждение: нет, не проникнуть туда никогда».

Что эта страсть к постижению загадочного жизнеустройства вовсе не нова, а идет из глубины веков, подтверждается памятниками древности. В старинных русских сказках ежели молодой человек не отгадает как минимум трех загадок, черта с два ему отдадут невесту, не говоря уже о более ликвидном приданом. В заморских байках женихов тоже испытывали. Но там предлагали нечто более прагматичное - намолоть, скажем, за ночь амбар зерна. И это понятно: ведь испытание долж-

Тайна Гостинного Двора

но выявить качества, необходимые будущему мужу. У нас же считалось, что для успеха в жизни мужчине требуются иные таланты.

Сама жизнь на российских просторах всегда казалась столь нелогичной, так переполненной всякими несуразностями, что без способности ориентироваться в абсурдной ситуации тут просто не обойтись. Не говорю уж о «вечных вопросах» общественной мысли: «Кто виноват?» или «Где деньги, Зин?». Но и в делах более приземленных, на самых, можно сказать, узких участках российского пространства - во дворе или даже в лифте, - и тут приходится прилагать недюжинные мозговые усилия, чтобы разгадать, например, кто да и как успел согнуть пополам трехдюймовую трубу-стойку качелей на детской площадке перед самыми вашими окнами, хотя ее устроили только вчера.

Вот почему, мне кажется, в нашей стране так популярны всякие детективы. Дело тут не в специфике литературных вкусов, как думают некоторые критики, а в самой народной потребности. Что в Европе развлекаловка, для нас - повседневность. Что там чтиво, у нас наука. Причем настолько важная, что порой просто стоишь, что называется, с разинутым ртом (в буквальном, между прочим, смысле) и никакая мысль, никакой шерлокхолмсовский дедуктивный метод не помогает.

Так стояли мы, задрав головы, в полном молчании, не в силах двинуться с места.

- Кто это сделал?
- Не знаем, Юрий Михайлович.
- Да как туда забрались-то?
- Да и забраться никак невозможно!

Несколько квадратов стеклянного перекрытия крыши только что отреставрированного Гостиного Двора были хамски разбиты.

Вам, наверное, трудно представить себе всю описываемую «немую сцену», напоминавшую финал «Ревизора». Двадцать взрослых мужиков, опытных хозяйственников, перевидавших на своем веку... - да уж чего только не перевидавших! - стояли неподвижно, как фонтанные кони работы Церетели, задрав головы, в каждой из которых крутился только один вопрос: как же это удалось побить стекла на такой высоте.

Тут по законам жанра автор должен сделать остановку. Поскольку участнику «детектив-шоу» предлагается высказать версию случившегося, постараюсь включить читателей в ситуацию. Все знают, что такое Гостиный Двор? Нет? Советую сходить посмотреть. Это наша гордость.

Это даже не двор, а скорее площадь, а точнее - обстроенный по периметру целый квартал между Варваркой, Ильинкой, Хрустальным и Рыбным переулками. Там всегда был рынок. И не в каком-то либерально-метафорическом, а в самом обычном смысле. Собственно говоря, базар начинался раньше, от стен Кремля и продолжался почти до Лубянки. Вначале шли «верхние ряды» (сейчас ГУМ), затем «средние» и чуть справа «нижние» - огражденный по периметру торговыми лавками и гостиницами двор, куда заезжали телеги с товаром, где были конские стойла и вечно шел бойкий торг. Настолько бойкий, что - приведу лишь один факт - под старым фундаментом небольшой лавчонки мы нашли клад времен Ивана Грозного: там было 95 000 золотых и серебряных монет, причем не только наших, но и иностранных.

Поскольку российские купцы никогда не отличались пристрастием к чистоте и порядку, то московские вла-

Тайна Гостинного Двора

сти всегда воспринимали это рыночное пространство как головную боль. Каждый новый генерал-губернатор начинал с обещания упорядочить архитектурный хаос. Гостиному Двору повезло больше других: в екатерининские времена над проектом трудился не кто-нибудь, а сам великий Кваренги. А после пожара 1812 года восстановлением руководил замечательный архитектор Бове. Москва гордилась своим Гостиным Двором.

Но гордиться пришлось не вечно. С переводом в Первопрестольную столицы коммунистической империи оказалось, что нахождение чего-то позорного, а именно рынка, рядом со святыней, то есть Кремлем, идеологически недопустимо. «Верхние ряды» превратились в режимное место (туда вообще никого не пускали), а «нижние», оставшись бесхозными, - в хаос. Поскольку в этом районе запрещалось строить жилье, на опустевшее место, как кусочки космического мусора, стали слетаться фрагменты советских контор. Какие-то бухгалтерии, дирекции, склады и прочие оторвавшиеся от своих учреждений частички административных пространств размещались тут с той прихотливостью, на какую способно только плановое хозяйство с тыльной стороны. Добавьте сюда пристройки, временки, наружные лестницы и мусорные кучи - и вы поймете, какое бессилие ощущали советские руководители, посещавшие это место с намерением разобраться. Во всяком случае, ни приезжавший сюда Е.К. Лигачев, ни первый секретарь горкома Б.Н. Ельцин так и не оставили нам в наследство никакого решения.

Как говорил герой не помню какого рассказа, «это был не бардак, а пожар в бардаке» (извините за лексику, но цитирую точно по тексту). Мы издали распоряжение расселить всю эту «воронью слободку». То была муторная работа: подыскивали помещения, уговаривали, соблазняли. И вот когда наконец все расчистили и проект

реставрации был почти готов - именно в этот момент вдруг возникла идея: а не перекрыть ли весь гигантский внутренний двор стеклянным потолком? Запросили охрану памятников - там вроде не возражали. Спросили инженеров, те говорят: сложно, но можно.

Дальше все пропускаю - как искали деньги, как строили, как спорили - и подхожу к тому моменту, когда все это осталось наконец позади.

Завтра открытие.

Мой рассказ начинается именно в этот момент.

* * *

Но почему? Нет, это вас спрашиваю: почему вандалов так возбуждают именно новые, свежие, девственные вещи? Ведь такое случается чуть ли не каждый день: где-то закончили ремонт фасада - тут же кто-то швырнул случайно неубранную банку с краской. Поставили новый памятник - сразу же начинается соревнование «кто больше отколет» (гранита, имею в виду). Открыли станцию метро - на другой день стеклянные двери побиты.

Мы обычно называем все эти случаи вандализмом, думая, что таким определением проясняем проблему. На самом же деле в наших условиях так называемый вандализм представляет собой сложное психологическое явление, для борьбы с которым одними антивандальными мерами не обойтись. Тут нужна наука, психологи, кафедры, диссертации.

Основной постулат этой науки может, по-моему, заключаться в том, что вовсе не всякая вещь возбуждает вандала. Согласно моим наблюдениям, ему редко хочется добить уже поломанное, ликвидировать подчистую. Скульптура с оторванной рукой оставляет его равно-

Тайна Гостинного Двора

душным. Он не может смотреть спокойно как раз на новое, непопорченное. А это заставляет предполагать, что он рассматривает свою деятельность не столько как разрушение, сколько как творчество. Он, можно сказать, доводит действительность до кондиций. Лампочка в лифте не должна изначально отсутствовать - это воспринималось бы как непорядок. Она должна не гореть.

Второе качество вандализма - конечно же, анонимность. Все творится у вас под носом и в то же время никак не удается поймать нарушителя. Но кто нарушитель-то? По лености ума мы все время грешим на подростков. Они действительно многое портят. Но наиболее опытные и наблюдательные психологи утверждают, что авторы бытовых вандалистских акций - нередко именно взрослые, которые производят такие действия «от настроения», как бы «в оттяжку», «не помня себя».

Впрочем, и эту гипотезу нельзя назвать исчерпывающей. Немалая часть вандалистских действий требует такой силы, ловкости, специального навыка, что сама собой возникает мысль о пришельцах.

В этом нет ничего удивительного: насколько знаю, чем-то похожим закончили и исследователи анекдотов. Не в силах разыскать авторов, они втайне (об этом не пишут] согласились с гипотезой, что анекдоты заносят из космоса.

Наконец, третье важнейшее качество бытового вандализма - бескорыстие. Если где-то стащили бортовой камень, чтобы свезти на дачу, это не вандализм, а хищение. Или когда с подъездов свинчивают дверные ручки или в тех же лифтах заменяют хорошие лампочки на перегоревшие, это не хулиганство, а прагматизм. Истинный вандал бескорыстен. Он тратит энергию, время, иногда даже рискует жизнью ради чистого результата - испортить то, что своей новизной раздражает глаз. Это скорее требование определенного душевного

Тайна Гостинного Двора

соответствия. Ему надо привести внешнюю среду в соответствие с травмированной психикой или, как говорил профессор Преображенский, «разрухой в головах».

* * *

Я мог бы еще долго размышлять об особенностях русского вандализма, но боюсь уйти от сюжета нашей литературной игры, называемой «детектив-шоу». Ну как, знатоки, догадались, кто раздолбал стеклянную крышу в Гостином Дворе? Тогда проверяйте ответ. А выяснилось вот что.

Стоило ремонтным службам заменить побитые стекла на целые, как громадная стая ворон стала собираться на крышу. Действительно ли их, как и прочих вандалов, раздражала ее новизна - не знаю, фантазировать не хочу. Но только, обнаружив новинку, каркуши стали летать над стеклянной площадкой, делая в воздухе разнообразные фигуры высшего пилотажа, кричали, базарили, колобродили. Потом, отлетав свое, затихли.

А дальше стало происходить вот что.

Стая уселась по кругу, как на стадионе. В центре пустое пространство. На передних рядах молодые вороны. Так по крайней мере рассказывали очевидцы из службы охраны. Они наблюдали непосредственно с крыши. Мое дело - повторить их рассказ.

И вот одна старая... Ну, не ворона, конечно - тут мы попадаем в ловушки русского языка, который определяет всю эту популяцию в женском роде, словно мечту феминисток. На самом деле, свидетельствуют орнитологи, в плане сексуальной ориентации у них все в порядке.

Так вот, один старый... так скажем, «вороний петух» берет в клюв (или в лапы, бывало по-разному) доволь-

но увесистый камень, взлетает с ним высоко-высоко, примеривается - и оттуда, как бомбу, бросает на новенькую, только что отремонтированную стеклянную крышу, целясь в центр стекольного квадрата. А это примерно метр на метр.

Бах! Снаряд попадает в металлическое перекрестье.

Ноль реакции. Публика недовольно молчит.

Затем вторая попытка. Камнеметатель снова берет бомбу. Вновь взлетает. Кидает и - бац! Камень попадает в центр стеклянного квадрата.

Стекло трескается, летят осколки. И тут весь стадион взрывается! Публика хлопает крыльями и кричит: «Гол!!!»

И так несколько раз.

Это было настоящее спортивное мероприятие. Охранники свидетельствовали: вороны возбуждались лишь в том случае, если видели расколотое стекло. Они оценивали именно результат. И выражали спортивный азарт точно как наши фанаты: истошно каркали, хлопали крыльями и подпрыгивали на свой вороний манер.

Разумеется, служба охраны не могла долго вести орнитологические наблюдения. Ворон разогнали. Но каждый раз, обнаружив, что все стекла целы, они вновь собирались в огромную стаю с намерением повторить спортивные мероприятия.

Мириться с этим мы, конечно, никак не могли.

* * *

Но прежде чем рассказать, как удалось отвадить крылатых вандалов, хотел бы сделать еще одно отступление. Скажите, уважаемые знатоки, если бы нечто подобное произошло не в престижном, а в самом обычном московском дворе, каких у нас тысячи, - стал бы кто-

Тайна Гостинного Двора

нибудь устранять последствия? По-моему, нет. Скажу больше: вообще не заметил бы, не обратил бы внимания на какие-то треснутые стекла.

Потому что сегодня помимо проблем вандализма мы сталкиваемся с другой, не менее важной проблемой - терпимости к вандализму. С таким отношением к жилому пространству за порогом квартиры, при котором подобных вещей просто «не видим».

Не видим ни поврежденных стен, ни отбитых углов, ни выбоин керамической плитки, ни искаленной лестницы, ни взломанных почтовых ящиков, ни изувеченного домофона, ни ободранной двери, ни вездесущих надписей, ни окурков, бутылочных осколков, целлофановых мятых пакетов... Надо ли продолжать?

Не замечаем той «порчи», что заполняет жилую среду, словно некий архитектурный декор, призванный «украшать» унылую бытовую застройку. Впрочем, не о красоте сейчас речь, а об отчужденности. О таком отношении к окружающему, когда все, что находится за дверью квартиры, - чужое, «ихнее», не свое.

Сейчас в безобразном состоянии придомовых территорий винят коммунальные службы. И правильно: их давно пора реформировать. Но для того чтобы это сделать, одной чиновничьей власти мало. Нужна другая, встречная сторона - сам потребитель, который смог бы выступить хозяином и заказчиком. И тут вся загвоздка.

Мы много говорим о реформе ЖКХ. Московское правительство высказало свою позицию: нельзя сводить ее к 100%-ной оплате. Не только потому, что население, попросту говоря, «не потянет». А потому что такая (с позволения сказать) «реформа» вообще ничего не решит. За грехи плохо работающих организаций будут расплачиваться ни в чем не повинные люди.

Однако если город согласен и дальше дотировать коммунальную сферу, то в чем, спросите вы, суть ре-

формы? Отвечаем: в создании конкурирующих служб и дотировании их через вас, потребителей. То есть деньги пойдут не коммунальщикам напрямую, а вначале жильцам на целевые счета. Чтобы вы сами платили тому, кто работает лучше, качественнее и надежнее.

Но для того, чтобы вся эта схема сработала, необходимо одно условие: изменить отношение человека к городу, преодолеть безразличие к тому, что его окружает. Ваше отношение. К вашему городу. Вот такая цепочка, она же загогулина, она же, как говорил А.П. Чехов, запендя.

Утопия, скажете? А практически нет. В самых, казалось бы, безнадежных домах находятся инициативные люди. Мы предлагаем: давайте работать вместе. Сделаем ваш подъезд чистым и безопасным. Проведем ремонт с помощью города, организуем охрану, обустроим место дежурного - телефон, домофон, дистанционное открывание дверей - и поможем оплачивать.

Там, где это проделано, картина меняется радикально. Вдруг оказывается, что жители готовы принять участие в поддержании порядка. Укрепляются добрососедские связи, возникают различные формы самоорганизации. Люди готовы взять на себя контроль за расходом воды и энергии. А значит, мы можем отдать им муниципальные деньги (которые все равно тратим на этот дом), доверить распоряжение дотацией. Пусть сами заключают договора, поддерживая конкуренцию обслуживающих организаций.

Так шаг за шагом используется потенциал населения. А население у нас фантастическое - надо лишь чуть подтолкнуть инициативу, помочь расстаться с «совковой» идеей, что все дадут в готовом виде. Тогда человек, осознавший себя частным собственником, соединенным с соседями общей судьбой, начинает активно обустраивать окружающую среду, укреплять террито-

Тайна Гостинного Двора

риальные связи. Ну, а дальше - цепная реакция. Сосед видит, что рядом подъезд обустроен, и уже не хочет терпеть разруху в своем.

Развитие города не может осуществляться только усилиями, идущими сверху вниз. Необходима встречная сторона - сами москвичи, видящие город не в глобальной, а в бытовой перспективе, от двора, от подъезда. Чтобы понятие «мой дом» не кончалось порогом квартиры. Чтобы подъезд, двор, улица - все стало «своим». А значит, возникло желание обустраивать придомовую территорию по собственному усмотрению - вмешиваться, контролировать, помогать.

И это, уверяю вас, не просто муниципальная проблема. Это начало гражданского общества, если уж на то пошло. Демократия, выборы, конечно, необходимы, но не они определяют реальный уход от тоталитаризма. Основная битва за новое общество начинается здесь.

* * *

- А что же вороны? - спросит нетерпеливый читатель.

- Ах да, вороны! Да все очень просто. Поставили на крыше специальные излучатели, отпугивающие птиц, и те больше не возвращались...

Мистика

Надо признаться, в России сейчас любят всякую мистику. Впрочем, оно и понятно: глядя на все происходящее, как не впасть в мистицизм?

Можно ли, например, в материалистических терминах объяснить внезапное появление миллиардных состояний буквально из ничего? Или без помощи дьявольских сил осуществить дематериализацию гигантского имущества одной из богатейших стран мира?

Нет, господа, глядя на подобные метаморфозы, если и можно усомниться в бытии Бога, то в Дьяволе никак нельзя. И все же, по-моему, всё это хотя и ловкий, но обман, то есть дело не запредельных сил, а фокусников и аферистов. Не мистика, а техника.

Между тем бывают вещи действительно загадочные. Причем там, где быть им вроде бы совершенно не место, где решаются задачи сугубо земные и прагматичные. Да и начинается всё, как правило, незаметно, буднично: однажды на пятый этаж здания московской мэрии на Тверской, 13...

1

Итак, однажды в конце девяносто второго года в мой кабинет вошла старушка с авоськой в руке. Вернее, то была не авоська, а полиэтиленовая сумка с рекламой какого-то курорта и надписью «Пусть всегда будет солнце», под которой загорала коричневая девица на морском берегу.

В другое время и в другом месте никто не обратил бы на эту старушку внимания. Мало ли их блуждает с такими вот сумками по городским конторам, удивляя прочее население способностью к выживанию в экстремальных условиях. Но здесь, в приемной, она вызвала легкое замешательство. Во всяком случае, по озадаченной физиономии докладывавшего о ней секретаря я понял, что никто не знает, кто она такая и зачем пришла.

Полагаю, мы с нею действительно никогда бы не встретились, если бы не удивительная настойчивость, какую она проявила, отвергая все предложения побеседовать с другими работниками мэрии и требуя только меня. Каким-то образом вышла на одного из моих помощников, который, кстати сказать, нередко приводит в обход секретариата таких вот нестандартных посетителей. Однако и он в данном случае не мог сказать ничего внятного: «Какая-то мистика, но очень интересно», - вот и всё, что удалось нацедить.

Итак, вошла сухонькая, небольшого роста, с приятным лицом. Таковую словом «старая» даже не назовешь. По осанке, движениям, интонации чувствовалось, что она была в свое время очень красивой. А должен заметить, раз уж о том зашла речь, что вовсе не всем красавицам полезно посвящать вторую половину жизни борьбе с признаками увядания. Многим идет стареть естественно, сохраняя обаяние, женственность, грацию. Они знают, что настоящий мужчина ценит женщину в любом возрасте, потому что любит само это чудо под названием «слабый пол»... Но тут прерываюсь, поскольку эта тема нас далеко уведёт.

Весь облик старушки свидетельствовал, что она из небогатой, но интеллигентной семьи. Короткий опрос сразу прояснил ситуацию: вдова профессора, живёт одна. Он был известным учёным. Жили душа в душу. Она посвящала ему всю себя и теперь оказалась в обыч-

ном для таких преданных жен положении: детей нет, смысла жизни тоже.

Она поставила полиэтиленовый пакет и стала вытаскивать из него увесистый газетный свёрток. Ни этот пакет, ни мятые газеты не предвещали того, что увидел. На стол легла книга. Старая, в кожаном переплёте, с жёлтыми неровными страницами. Кожа местами потрескалась. Тяжёлые листы при переворачивании громко дышали, словно страдая одышкой. Не только рукописные строчки, но и слова, даже буквы на этих страницах жили свободно, собственной жизнью, сохраняя в то же время удивительную гармонию и лад. Несмотря на церковнославянский, я смог, к своему удивлению, без труда разбирать старинный текст.

Старушка пояснила, что это один из первых экземпляров Библии на Руси. Другой такой хранится в Румянцевской библиотеке. Книга принадлежала покойному мужу. Он был историком и берег эту Библию всю жизнь, пряча от пристального внимания партийцев. И так ею дорожил, что не продал бы никому ни за какие деньги.

Не помню, как долго я просидел, листая Библию. Хотя не знаток этого дела, но, должен признаться, почувствовал некую ауру. В общем понял, что моя гостя принесла что-то действительно редкостное.

А она сидела и смотрела. Ее неторопливость, спокойная отрешенность задавали темп и тон разговора. Стараясь не разрушать этой атмосферы, мягко спросил:

- А чего бы вы хотели?

- Ничего, - отвечает. - Хочу подарить эту книгу вам.

Меньше всего я был готов к такому ответу. К нам в мэрию, конечно, стекаются разные подарки, для них даже создан специальный музей на третьем этаже. Но в данном случае речь шла о большой культурной цен-

ности, которую надо хранить, экспонировать, кому-то показывать. Городской офис, согласитесь, не лучшее место для этого.

- Извините, - говорю, - не могу принять такого подарка. Это ведь, если не ошибаюсь, национальное достояние. Существуют специальные места: музеи, библиотеки... Если хотите, поможем на ваших условиях передать книгу туда.

- Вы не поняли, - возразила она. - Я ничего от вас не хочу. Просто сейчас передаю книгу. А потом, когда постройте храм, отдадите ее Патриарху. Так сказал покойный муж.

- Не понимаю, почему бы вам самой не отдать книгу Патриарху, - говорю, не ухватив всей цепочки ее рассуждений.

- Потому что связана обещанием. Мой муж перед кончиной велел сделать именно так. Передать книгу тому, кто будет восстанавливать храм Христа Спасителя, чтобы тот - то есть вы - передал ее настоятелю. А настоятелем храма Христа Спасителя по положению всегда был Патриарх.

- Храм? Какой храм? Мы вовсе не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя!

- Мой муж сказал, что будете. А он в таких вещах никогда не ошибался.

Тут читателю придется напрячь воображение, чтобы представить себе мое удивление. Начался какой-то странный разговор. Она говорила с большой убежденностью, но что-то совершенно невнятное. Можно было понять только, что покойный был непростым человеком. Он обладал - не знаю, как это точнее сказать, - даром ясновидца. В общем, он что-то предсказывал несколько раз в жизни, и затем это сбывалось.

Так вот, перед смертью ему было не то видение, не то голос свыше. Подробностей она не знала. Знала одно:

что это откровение относилось к храму Христа Спасителя. В том смысле, что он будет восстановлен. Причем в этом деле каким-то образом буду задействован я.

Так что, как ни отпирался, сколько ни уверял собеседницу, что у правительства Москвы на этот счет нет никаких планов, все было напрасно. Она так верила в провидческие способности мужа, что считала его предсмертное прозрение чем-то более достоверным, чем все, на чем мы строим свои планы и городские проекты.

Я стал осторожно заворачивать книгу и запихивать обратно в пакет.

- Не могу принять ваш подарок. Мы не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя. Вы ставите невыполнимое условие. Так что простите, у меня дела.

Старушка сидит спокойно, словно ее и не попросили только что из кабинета.

- Во-первых, я знаю, что будете. А во-вторых, обязана выполнить последнюю волю мужа. Только тогда смогу считать, что сделала все, что должна была сделать на этой земле.

Начинается какая-то ненормальность, причем по второму кругу.

Я:

- Не хочу вас обманывать. Книга очень ценная, но вы пришли не по адресу. Не могу принять на свою совесть такое условие. Пожалуйста, заберите книгу - и закончим этот разговор.

Она:

- Хорошо, давайте так; я оставляю эту Библию, и вы ее обязательно передадите Патриарху, когда...

И так далее. Тот же самый разговор.

Я уже начинаю смотреть на нее другими глазами. Но, вглядываясь в умное лицо, слыша спокойную интонацию, убеждаюсь, что передо мной вполне разумный человек. А значит, эта настойчивость, эта твердость

Мистика

имеют какое-то иное основание, пусть непонятное, но требующее как минимум уважения.

Надо было искать другой выход из ситуации. В конце концов, куда она денется теперь с этой Библией?

- Единственное, что могу обещать, - говорю наконец, - что, когда закончу свое пребывание на посту мэра, передам книгу преемнику. А тот - своему. И так далее по цепочке. Может быть, когда-нибудь кто-то действительно восстановит храм. Тогда и передаст книгу настоятелю. И можно будет считать, что воля покойного выполнена. А пока не вижу другого выхода. Только так.

Наверное, ее не очень удовлетворил такой вариант. Но делать нечего. Она должна была выполнить поручение, и она это сделала.

- Могу пообещать, - говорю на прощание, - что книга в конце концов будет передана в храм и послужит людям. Но что это будет связано с храмом Христа Спасителя, обещать не могу.

- Меня устраивает, - спокойно сказала она.

- Но вы не будете потом себя укорять, что не исполнили завещание мужа?

- Меня это устраивает, потому что уверена, что поступаю правильно.

- Хорошо, - говорю, - оставьте свои координаты.

И она ушла. Долгое время о ней ничего не было слышно.

Лишь однажды увидел ее на каком-то юбилейном собрании и даже расстроился. Похоже, все развивалось именно так, как я себе представлял. Жила одна, постепенно теряя интерес к жизни. Здоровье стало ухудшаться. Она меньше следила за собой. В полном безразличии бесцельно проводила свои дни. И возможно, даже тяготилась, что Господь ее, как говорится, позабыл и до сих пор к себе не призывает.

А Библия хранилась в сейфе. Каждый раз, когда на прием приходили специалисты - ученые или музейные работники, - доставал и показывал. Все подтверждали, что держат в руках действительно бесценную вещь. Интересовались, правильно ли мы храним. Советовали подреставрировать книгу. Все это было аккуратно исполнено.

Но что касается героини рассказа, то сюжет, как говорится, завис.

2

Между тем городская жизнь шла своим ходом, и этот ее ход имел непосредственное отношение к нашей истории. Год за годом Москва усердно занималась центром города. Выполнялось много проектов, обсуждались даже самые неподъемные предложения. При этом очень часто, приближаясь к заколдованному месту, где раньше стоял храм, наткнулись на гигантскую яму в центре - заброшенный бассейн, превратившийся в безобразную свалку. Стало ясно, что сделай хоть все в центре города, но оставь эту яму, Москва не вернет себе былой красоты и величия.

Я стал интересоваться историей возведения храма, его разрушения. Оказалось, с этим местом издавна было связано много событий и народных преданий. Касались они даже не названия Чертолье, которое народный язык увязывал с чертом, а прежде всего «стародевичьего» Алексеевского монастыря, который был выдворен отсюда в связи со строительством храма Христа Спасителя.

То была первая женская обитель, основанная еще в XIV веке, не раз перестраивавшаяся, горевшая, грабленая и татарами, и поляками, и французами, и наконец обосновавшаяся со всеми своими церквями, монашьями

кельями, школой и кладбищем на берегу Москвы-реки возле Кремля. Такое положение делало монастырь весьма заметным в топографии православной Москвы. Ведь в тогдашнем городском укладе именно женские обители играли особую роль. Туда определяли одиноких девиц и старых дам, а то и просто неугодных или провинившихся жен. Находясь в самом центре, монастырь был весьма посещаемым и мирянами. А если учесть, что в нем находилась чудотворная икона, что от него шла прямая дорога к Новодевичьему - по ней двигались праздничные процессии и крестные ходы, - то можно себе представить, насколько все это казалось привычным и незбылемым. То была важнейшая часть московского городского уклада, освященная веками, то есть традицией.

При богобоязненном государе Александре I монастырь никто не решился бы тронуть: когда выбирали место для нового храма, говорили о любых вариантах, но не о нем. Другое дело - брат его, Николай I. Как человек насквозь петербургский он не выносил московского патриархального сантимерта. Так что, когда придворный архитектор, решив, что властная вертикаль важнее местной традиции, предложил снести «стародевичий», царь без колебаний принял это решение. Многие считали, что зря.

Говорят, больше всего проблем было с игуменьей. По слухам, когда хмурым утром 17 октября 1837 года солдаты силой выдворяли ее из монастыря, она что-то такое произнесла во гневе, что окружающие содрогнулись. В народе еще долго ходили слухи о страшном проклятии: мол, все, что выстроят на этом месте, будет порушено. И настолько глубоко вошло это поверье, что когда почти через сто лет, 5 декабря 1931 года, взорвали «мрачный притон самодержавия», в народе вновь возродился слух о проклятье игуменьи. Поговаривали о том, что оно стало сбываться.

Да и как тут было сомневаться-то? Храм взорвали, а Дворец Советов, ради которого это сделали, не построили.

А уж когда на месте храма появился открытый бассейн с голыми грешниками, для верующих это выглядело просто как адское видение.

Впрочем, бассейн вскоре тоже прикрыли. Так что к 1990-м годам на «нехорошем» месте, кроме развалин, не было вообще ничего.

3

Кто не видел проект Дворца Советов, советую посмотреть. Вавилонская башня, возмущившая Бога, выглядела, вероятно, не столь вызывающе по отношению к небесам. Наверху, на здании должна была стоять 140-метровая статуя Ленина, уходя в облака. Именно так: расчеты показывают, что частая в нашем городе облачность должна была скрывать то, что было у вождя выше пояса, оставляя москвичам лишь нижнюю, идейно менее значимую часть.

Чтобы оценить грандиозность проекта, приведу еще один факт. Указующая рука Ленина с технической точки зрения представляла собой консоль гигантских размеров. Чтобы она не сломалась от перенапряжения, был создан специальный «институт руки», имевший директора, заместителя, штат научных сотрудников и секретные разработки.

У Андрея Платонова есть повесть о строителях нового общества - «Котлован». Там революционные массы роют гигантскую яму под будущее здание коммунизма. Причем ни на что больше, кроме котлована, у них сил не хватает. Повесть оказалась пророческой: советским зодчим так и не удалось реализовать чудовищный замы-

сел, который подавлял бы всё в центре города. Правда, в отличие от платоновских героев они успели не только вырыть котлован. Они успели заложить в котлован фундамент.

Да, господа, под будущее здание был сделан гигантский монолит, покоившийся на большом количестве опор, доходящих до прочных известняковых пород.

Мы провели исследовательские работы. И обнаружили, что этот фундамент, рассчитанный на давление гигантского сооружения высотой более 300 метров, дошел до нас в хорошем состоянии. Арматура из танковой стали. Бетон лучших марок. Уникальная вещь.

И тут сердце строителей дрогнуло. Что-то шевельнулось в наших душах: «Слушай: фундамент есть!» А что такое фундамент? Не знаете? Значит, вы не строитель.

По чистой случайности этот фундамент имел одну особенность. Он был заложен гораздо ниже нулевой отметки разрушенного храма. То есть до основания нужно было ещё дорасти строительными конструкциями.

И тут сама собой возникла идея: а что если на этом подхрамовом пространстве воскресить тот, прежний, разрушенный еще в прошлом веке Преображенский храм «стародевичьего» монастыря? Может быть, и заклятие утратит силу?

Сказано - сделано. Нарисовали эскизы. Провели расчеты. И со всеми этими материалами как-то вечером напросились к Патриарху. На аудиенцию.

Святейший рассматривал наброски очень внимательно. О чем только не спрашивал в тот вечер. И о надежности фундамента, и о том, в какой степени достижимо воссоздание исторической правды. Сколько времени понадобится? Сколько средств надо затратить? Можно ли закупить тот же камень? Можно ли возродить те же фрески? Мы отвечали на все вопросы настолько подробно, насколько могли.

Мистика

И тогда Святейший принял решение. 4 января 1995 года в Успенском соборе Московского Кремля был проведен молебен о воссоздании храма Христа Спасителя.

Затем на месте будущего храма состоялись крестный ход и закладка капсулы. Не в основание главного храма - до него надо было еще дорасти. А в основание того, прежнего, воскрешение которого должно было изменить наконец дух этого места.

4

А что же наша старушка? Оказывается, она видела эту процессию. Не знаю, по телевизору или как, но только жизнь ее в ту минуту совершенно преобразилась. Существование обрело новый смысл. Раз храм решили воссоздать, значит, появилась цель: убедиться, что завещанная Библия будет-таки передана настоятелю.

Просто поразительно, как все, что мы делаем, имеет второй, скрытый смысл. Трудно гадать, что имел в виду ее супруг, делая свое последнее распоряжение. Но оно оказалось спасительным для любимой жены. Безвременно ее покинув и тем самым лишив точки опоры, он нашел способ дать ей другую опору, более прочную и вековую.

Она стала каждый день приходить на стройку. Когда был открыт Нижний храм и в нём начались богослужения, не пропустила ни одного.

Там мы встретились однажды. Я был поражен преображением. Вместо больной и бессильной старушки увидел бодрую женщину. Вместо печали на лице играла улыбка. Изменились реакции. Она ожила. Возник стимул к существованию. Это было второе рождение. Чудо. Новая жизнь.

Финал нашей истории оказался достойным ее начала. 31 декабря 1999 года состоялось освящение храма Христа Спасителя. Собрались все - высшее руководство православной церкви, других конфессий, правительство, гости. По окончании церемонии присутствующих пригласили в трапезный зал скромно отметить выдающееся событие. Там после патриаршего приветствия слово предоставили мне.

И тогда я решил рассказать эту историю. Все, о чем вы сейчас прочли. Как пришла женщина, принесла Библию в полной уверенности, что это последнее, что она должна сделать на этой земле, как поведала о пророчестве, а я отказывался, как она выиграла наш спор, поскольку откровение, если оно истинно, вернее людских расчетов и предположений.

Одно опустил тогда в своем рассказе - что героиня жива и находится в храме. То есть вел разговор, как бы подразумевая, что ее уже нет.

И вот, когда все приготовились к церемонии передачи старинной Библии, по залу пошел разговор, шум... Выждав актерскую паузу, обращаюсь к Патриарху:

- Ваше Святейшество! Позвольте мне теперь пригласить сюда ту женщину, о которой только что рассказывал. Пусть она сама передаст эту книгу вам в руки.

Зал замер. Тишина воцарилась необычайная. Мой помощник подводит нашу знакомую. Отдаю Библию ей. Прошу сказать несколько слов.

Эффект был редкостный. Правда. Даже трудно было от столь представительной публики ожидать такой бурной реакции. Возгласы, аплодисменты. Ей не давали говорить. Все пребывали в каком-то... даже не возбуждении, а ошеломлении, экстазе, восторге.

Мистика

- Ваше Святейшество, - сказала она наконец негромко, но очень торжественно, - сегодня я выполняю последнюю волю мужа. И счастлива, что после стольких лет ожидания могу наконец полностью осуществить его завет. Это великий день в моей жизни. Причем, Ваше Святейшество, должна сказать, что дожила до этого дня потому только, что увидела, как начал строиться храм. Мне стало интересно жить. И теперь, Ваше Святейшество, хочу попросить Вашего благословения: молиться и служить этому храму.

Она ходит туда до сих пор...

6

Если кому показалось, что в этой истории хоть что-то придумано, уверяю вас, ошибаетесь.

Старушка жива, Библия находится в алтарной части храма. Короче, все правда, можете не проверять.

А вот если создалось впечатление, что этот рассказ имеет отношение не только к самой героине - тут вы не ошиблись. С ним вообще как-то жалко расставаться. Его хочется припоминать и продумывать. Он вдохновляет и дает надежду. Он относится к тем любимым мною сюжетам, о которых сказано в библейской притче о блудном сыне: «Был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Ведь и мы сегодня всей страной попали в воронку похожего сюжета. Многие в мире готовы списать Россию и похоронить. Им кажется, с нами все ясно: народ вымирает, экономика загибается, страна разворовывается. Еще немного - и территорию можно будет отламывать по кускам.

Для спасения из этого омуту нужны не только какие-то там инвестиции и прочие макроэкономические меры. Нужно еще знание, как выйти из губительной инерции,

переломить смертоносную тенденцию, войти в состояние, когда храм восстанавливается, человек оживает, народ поднимается, и все начинается заново.

Как совершаются такие преобразования? Стандартного рецепта, к сожалению, нет. Храм могли не восстановить. Блудный сын мог не вернуться. Каждый раз спасительный поворот вовсе не гарантирован. Чтобы такое чудо свершилось, требуется не просто грамотная управленческая технология (хотя и она очень важна), а вдохновение свыше. Не пиар, а порыв. Нужно, как в нашем рассказе, думать не о себе, а о том, что любишь, плюс напряжение воли и помощь небес.

Но когда это все наконец сойдется и перелом случится, Бог тем самым пошлет благословение народу земли - «радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (*Евангелие от Луки, 15*).

Агроимпотенция

Исключали меня из комсомола целый год. Всем уже надоело. Друзья заключали пари, преподаватели не знали, как относиться к студенту, фотография которого красуется на «Доске отличников», а из ЦК партии идут звонки с требованием - исключить!

Кажется, единственным, кого все это не волновало, был я сам. Даже не вспоминал о случившемся. Другое не давало покоя в этой истории.

То было первое столкновение с советской властью, пошатнувшее наивные студенческие представления тех лет.

Когда вам двадцать

Но - все по порядку. Был такой фильм «Мне двадцать лет». И жаль, что уже был, потому что это название лучше всего подошло бы к моему рассказу.

Вообразите: лето, степь, красота несусветная, и среди всего этого - мы, молодые, сильные, жизнерадостные. Это ведь только звучит скучно - «студенческий отряд» да «по комсомольской путевке». А на деле: ночь, тишь, луна, суслики всякие шмыгают из-под фар. Если, как утверждают мистики, человеческая жизнь оценивается суммой райских минут, проведенных на грешной земле, то в число самых счастливых у меня попадут рабочие часы там, в бригаде, в степи, в восемнадцати километрах от целинного совхоза «Комсомольский».

Знаете, какая там луна в августе? Оторопь берет. Идешь по ночной тракторной колее мимо зарослей чалиги, такого низкорослого, побитого ветрами и холодом кустарника, и вдруг - пожар. Степь начинает полыхать.

Огонь поднимается и вот-вот охватит то место, где ты идешь. Ужас этого безмолвно надвигающегося на тебя огня заставляет невольно ускорить шаги, хотя чувствуешь, что это не пожар. И вдруг из-за горизонта поднимается невиданная в наших местах огненная луна! «Ух ты, черт!» - в сердцах ругаешь собственный страх и останавливаешься, чтобы полюбоваться тем, как минуты назад черная и неприветливая целинная степь осветилась таинственным холодноватым светом и все проявилось по-новому, не как днем. Но вернемся к прозе жизни.

Формально должность моя называлась не комбайнер, а всего лишь помощник комбайнера. Но так уж случилось, что наставник наш вынужден был наблюдать за работой издалека. Жаль его было: пока ехал сюда, на уборочную, не выдержал железнодорожного безделья, затосковал, запил, как умеют пить лишь на Руси. То есть по-черному. И в соответствующем состоянии... Тут рассказы расходятся: в общем, не удержал равновесия, налетел на какую-то железяку, повредил позвоночник. Ходить не мог. Сидеть тоже. Дотащили его до хирурга, предложили остаться в больнице. Но наш заслуженный комбайнер, как истинно русский мужик, «пусть помру, - говорит, - но на поле».

И вот каждое утро мы с моим другом Борей Захаровым везли его «на работу», подсаживали бедного на высокий стог, водрузив сверху флаг, чтобы какая-нибудь шальная машина не схватила беднягу своими железными лапами и не отправила в большую копну, а то и куда подальше. И он, полулежа, знакомил нас с устройством прицепного комбайна, учил делать шпелнты, чинить что сломается, за что в бригаде исправно начисляли ему зарплату, вполне, впрочем, заслуженную.

Знаете, друзья, что такое счастье? Вот это оно и есть - получить в полное распоряжение гигантскую, мощную, добрую машину. И очень умную, что бы ни говорили всякие трактористы.

Агроимпотенция

Как мы там вкалывали! Любо-дорого было и поглядеть. Работали мощно, победно, на пафосе. Впервые в жизни я ощутил высшую сладость самозабвенного труда как смысла человеческого существования.

Не все были согласны с такой философией. Многих раздражал трудовой энтузиазм. Особенно выделялся один лодырь из местных, Васька Тиунов, только что освободившийся после отсидки. Он был то ли лентяй от природы, то ли косил под вора в законе (те, как известно, никогда не работают). Но только из всей студенческой приезжей команды сразу же выделил меня, вероятно, как полную себе противоположность. И буквально не давал прохода. Его раздражало все. И что вкалываю с утра до ночи, и что оправдываю авральным энтузиазм.

- Зря горбатишься, фраерок, - пророчил, глядя на меня, как рыбака на червяка. - Что соберете, все равно пропадет.

Самое жуткое, что он оказался прав.

Ты начальник - я дурак

Теперь про саму историю - глупую, надо признать. Хотя по влиянию, может, и судьбоносную. Впервые в жизни увидел какую-то дурь властей, их некомпетентность и полное безразличие. Так что когда через много лет решился стать руководителем, организатором производства, это было ответом на тот эпизод, о котором сейчас расскажу.

Однажды с утра объявляют: никому не расходиться, приезжает товарищ Мухитдинов.

- Ну и хрен с ним! - говорю. - Мне работать надо.

- Дурак ты, Лужок. Он тут знаешь кто? «Кандидат» (усек?) «в члены» (понял?) «политбюро». Это как местный хозяин, что ли.

Приехал хозяин на черной «Чайке». Очень странно смотрелся его сверкающий никелем лимузин среди наших вагончиков, замызганных тракторов и полевой кухни, представлявшей груды закопченных камней с грязным котлом посередине.

Народ собрался на встречу с высоким начальством. Народ - это пятьдесят два человека студентов, плюс механизаторы, плюс их жены. Довольно живописная компания среди бескрайних полей.

Мухитдинов начал читать свою лекцию. Говорил о важности решения проблемы продовольственного обеспечения. Подчеркивал, что урожай - общенародный подвиг. Педалировал, что каждый должен приложить максимум усилий. И прочую хренотень.

Народ сидит, слушает. А надо сказать, накануне наши трактористы ездили в магазин за спиртным.

В автолавке-то ничего нет, кроме конфет «Золотой ключик». А магазин - это только так говорится, «ближайший», а на деле по прямой через степь сорок шесть километров. Теперь вот считайте. Трактор идет семь километров в час. Делим сорок шесть на семь, получаем семь часов в одну сторону, семь обратно. Вернулись на следующий день. Водки, конечно, не нашли, зато закупили «Тройной одеколон» в невероятном количестве. Мне было противно даже смотреть, как они его пьют. Аромат соответствующий - благоухает на всю степь.

И вот, значит, Мухитдинов говорит о важности проблемы продовольственного обеспечения, народ слушает его речь, но в силу описанных обстоятельств интерес стал угасать. Впрочем, и сама речь была такой, что без всякого «тройного» заснуть можно.

Вдруг один из местных механизаторов его прервал. Все как бы проснулись. Народ там простой, многие из мест не столь отдаленных. Начальство, конечно, уважают, но и привычку прямого разговора тоже не вытравишь.

Агроимпотенция

- Слышь, начальник, мы все это знаем, - сказал тракторист. - А ты вот что скажи: как бы это в другом нам помочь бы...

И начал рассказывать, что негде купить даже резиновых сапог...

Тут надо прерваться и сказать о самой проблеме. А она действительно была. Ни в бригаде, ни за десятки километров вокруг, ни в автолавке, которая приезжала к нам регулярно, не было вообще ничего, кроме вышеупомянутых конфет «Золотой ключик», которые мы уже видеть не могли. И вот представьте: карманы у людей набиты деньгами, потому что платили прилично. Работа круглосуточная, зверская. Мы проявляем чудеса героизма, а купить ничего не можем. Даже брюк хоть каких-нибудь задудалых взамен порвавшихся - и тех не достать.

- Да это ладно, проходим и так, - продолжает механизатор. - Бог с ними, с опорками. А вот жратвы бы надо ну хоть какой. А то жрем эти... субпродукты тухлые. Суп из кишок варят, воняет хуже дерьма. И хлеб, глянь-ко: собираем вон колос какой, а хаваем не пойми чего. Скрипит на зубах.

Мухитдинов в некотором раздражении его оборвал. Сказал, что товарищ не понимает значимости текущего момента, который определяет не тряпье, а цель - убрать урожай любой ценой.

Механизатор не отступает:

- Чо-о ты нас тут воспитываешь? Да уберем мы твой урожай, мать его. А ты реши нашу лапшу, и лады. Чо-о возникать-то!

Завязалась перепалка. Некоторые из присутствующих не могли сдержаться. Кое-кто из студентов тоже принял участие в обсуждении. Нетрудно догадаться, кто именно.

Я подключился к разговору откровенно на стороне механизатора. Сказал, что мы все тут воспитаны на ува-

жении к старшим. Но нельзя так обрывать человека, если он говорит дело.

Товарищ Мухитдинов, как в замедленной съемке, стал поворачивать ко мне свою красную, как из парилки, физиономию. Когда наконец увидел, что с ним разговаривает двадцатилетний сопляк, неожиданно рассвирепел. Я даже не понял, в чем дело. Вроде как ничего не сказал. Но, вероятно, слышать от мальчишки замечания в адрес «кандидата в члены» - было нарушением не только субординации, а всех законов мироздания. Повернувшись наконец ко мне целиком, хозяин степи произнес голосом, не допускающим возражений:

- А вас, молодой человек, прошу покинуть собрание!

В воздухе повисла пауза. Вождь ждал. Я тоже.

Строго говоря, «покидать» было нечего. Собрание проходило на открытом воздухе. Несколько лавок, обеденный стол, а дальше - как в русской народной песне, «степь да степь кругом». Так что куда идти, мне, например, было неизвестно. Так и сказал:

- А куда прикажете идти? Мне, например, неизвестно, где дверь.

Тут он покраснел до такой степени, какую я видел лишь в детстве, созерцая паровозную топку. Правда, та не брызжет слюной.

Фраза, которую он из себя выдавил, была достойна книги рекордов:

- Вообще уйдите в сторону!

Надо сказать, что в такие моменты я каменею. Как статуя Командора.

- В какую? - спрашиваю, не двигаясь.

Народ рассмеялся. Мухитдинов раскалился до кондиции доменной печи. Можно было плавить чугун.

И тут совсем рядом послышалось чревоуещание (ибо рта никто не раскрыл): «Юра! Уходи от беды!» Заклинание это исходило из внутренностей нашего комсомоль-

Агроимпотенция

ского секретаря Саши Владиславлева (да, да, того самого Александра Павловича, известного теперь политолога, которого вы нередко можете видеть по телевизору, а тогда это был просто Саша, отличник, комсорг и ленинский стипендиат). На той площадке он был единственным, кто мог остудить мой пыл.

А дальше произошло неожиданное. Двинувшись, как было приказано, «в сторону», то есть прямо на товарища Мухитдинова, я, проходя мимо, на секунду задержался и под пристальными взглядами присутствующих запанибратски похлопал «кандидата в члены» по плечу, отчеканив громко, чтобы слышали все:

- Ну, ты, дорогой, далеко пойдешь. Если не остановят.

И ушел. Встреча высокого руководителя с народом была сорвана. Вождь сел в свой «членовоз» и отчалил.

Правда, уехал он не один, а прихватил с собой нашего бедного комсорга. И всю дорогу выговаривал ему то, что не успел сказать мне при личной встрече. Разговор, впрочем, сводился к одной незамысловатой идее: следует немедленно исключить «этого Лужкова» из комсомола! Сейчас же. Сегодня же. Но так как Саша эту мысль не развивал, то, повторив ее в сто первый раз, разобиженный партийный босс выбросил нашего комсорга на дорогу где-то перед совхозом «Комсомольский», так что тому пришлось возвращаться на своих двоих, а это километров восемь как минимум.

Увидели мы своего лидера только глубокой ночью. Как человек дисциплинированный, он тут же созвал собрание. Всех - усталых, заспанных - поднял на ноги, усадил вокруг стола, предложил высказываться под протокол. И тут, дорогие читатели, я снова хочу попросить вас вообразить всю сцену: луна, теплая августовская ночь, мелочь всякая шуршит в траве - и в этой дивной декорации, больше подходящей для кино о любви, сидят юные,

цветущие парни и девушки, слушая какое-то дурацкое предложение об исключении своего товарища из комсомола. А это по тем временам сами знаете что.

Кончилось тем, что каждый высказал примерно следующее: поведение Лужкова было неуважительным, но небезосновательным. Ждали, что скажет председатель. И здесь наш комсомольский босс показал высший класс бюрократической эквилибристики, озвучив наконец то, что не стал говорить оскорбленному «кандидату в члены»:

- К сожалению, товарищи, согласно уставу, временная комсомольская организация не обладает полномочиями исключать своего члена из рядов ВЛКСМ.

Я отделался общественным порицанием. По приезду в Москву имел, правда, некоторые осложнения. Но, думаю, гораздо большие сложности были у Саши. Товарищ Мухитдинов еще полтора года теребил институт звонками «сверху» и требовал от ректора и комсомольских боссов моего исключения. Но институт держался. Я был отличником, примерным студентом, награжденным, кстати сказать, за ту самую работу в поле почетным знаком ЦК ВЛКСМ! Как ни трудно было выдержать давление злопамятного кандидата - затанули, заматали, спустили на тормозах.

Наследники Мухитдинова

А я не мог пережить. Но не эту историю (о ней-то, как было сказано, благополучно забыл). А что весь урожай, который мы собрали, «сгорел». В смысле сгнил. Прямо на току. Вначале, говорили, не было элеваторов, потом наступила распутица.

Короче, весь труд, весь результат беззаветной, сумасшедшей, вдохновенной работы пошел прахом. Прав ока-

Агроимпотенция

зался мой идейный враг Вася Тиунов. Зря мы там горбались. И все из-за этого Мухитдинова! Вероятно, если бы не видел в натуре его безразличие, так бы не возмущался. А тут просто не мог успокоиться: во гад! Ведь если бы он, паразит, думал не о себе, а о деле, не об идеологии, а о людях, не о цифрах, а о стране, ему ничего не стоило и урожай спасти!

Вы скажете: ну ладно, чего сейчас кипятиться-то, те времена уж прошли. Да нет, братцы, не прошли, к сожалению. Если смотреть по результатам реформаторских игр последних десятилетий, то никуда эти времена не делись. Те же традиции номенклатурного управления лежат в основе всех наших бед на селе. И какая крестьянину разница, что прежние мухитдиновы говорили о коммунистических идеалах, а наследники их на либеральные ценности молятся. Стель-то один, методика та же. Как те шли не от реальности, а от абстрактной идеи, так и эти. Такая же неспособность просчитать последствия принимаемых решений. Такое же восприятие действительности «из окна персонального автомобиля».

Взять для примера - да хоть эту... будь она трижды неладна, «паевизацию». Это почти то же самое, что знаменитая чубайсовская ваучеризация (во всяком случае, по своим последствиям стоит с ней в одном позорном ряду). Говоря конкретнее, это когда крестьянин получает не землю, а только бумажку, не участок, а «пай» - свидетельство о праве коллективно-долевой собственности на кусочек бывшей колхозной земли.

Посмотришь, как сделано, - все тот же мухитдиновский схематизм. Такая же убежденность, что нужно только следить за чистотой внедряемых принципов. А что на поверку право на землю у крестьянина есть, а земли нет, это в макроэкономическом масштабе высококобой теории - мелочи жизни. Но ведь не зря говорят: бес скрывается в мелочах.

Конечно, есть сегодня примеры и успешных фермерских хозяйств, и эффективных крупных агрохолдингов. Но, по несчастью, это все больше исключения, а не правило. Примеры подвига и подвижничества, а не нормы. Потому как по большей части правит да пожирает все вокруг та же самая мухитдиновщина.

Вот, допустим даже, будущему фермеру все же удалось проявить чудеса настойчивости и протащить по изощренной бюрократической процедуре во всяких зачуханных конторах не только свое право собственности на землю, но и землю как таковую не на бумаге получить.

Ну да, а дальше-то что делать - работать? А как тут работать, если старая хозяйственная инфраструктура разрушена? Выделенный участок находится за тридевять земель, да до тех земель тьма верст непролазного бездорожья. Самый свежий трактор - девяностого года выпуска. Да и того не дозовешься. Солярка дорогая. Смотришь на свой участок, и руки опускаются, ибо представляет он собой пустыющее неудобье, зарастающее березняком. Надо вкладывать деньги, чтобы все окультурить. А как это сделать, ежели нет ни доступных кредитов, ни системы реализации произведенной продукции, чтобы кредит отдавать. А вокруг мошकारа спекулянтов, братков да прочих завистников, вовсе не считающих зазорным ни запойное безделье, ни воровство.

Реакцию мужика на эту ситуацию предсказать нетрудно (от «авось» до «пошло оно все»), а кое-кому только того и надо. Ведь противостоят ему не только «экономические условия», но еще и местные князьки, рейдеры да чиновники, которые зорко следят, чтобы ничто не ушло на сторону, не ушло далеко от их загребущих ручонк.

Для таких колорадских жучков что фермер, что крупный агрохолдинг-землевладелец - самая прямая угроза местечковым и корыстным интересам. А потому они вовсе не собираются предоставлять крестьянам и инве-

Агроимпотенция

сторам гарантии долгосрочного пребывания и работы на земле. Им-то как раз гораздо выгоднее нынешняя система «бумажных землевладельцев», при которой те же крупные агропредприятия допускаются на землю не как собственники, а лишь как арендаторы (да еще краткосрочные, да еще без гарантий, что земля останется за ними через пять или десять лет).

Вот и получается, что нынешняя система поощряет не серьезных производителей, а временщиков, стремящихся только выдать деньгу, - таким без собственности даже проще и безопаснее. Не нужно вкладываться в землю, не надо беречь ее и заботиться, а надо лишь хищнически эксплуатировать, а там хоть трава не расти. Ничего в итоге и не растет.

Опасные уравнения

Анализируя весь ход агрореформ 1990-х годов, приходишь к выводу, что ни прежние «кандидаты в члены», ни пришедшие им на смену управленцы-рыночники, как бы поточнее сказать, не нуждались в существовании народа.

Соблазняя людей непроработанными идеями и непонятными ценностями, они так и не научились замечать переминающегося с ноги на ногу и ломающего перед ними шапку мужика. Отношение к мужику у либерал-реформаторов осталось точно таким же, как у коммунистических предшественников. Лес рубят - щепки летят. Перемелется - мука будет. А что мука эта будет не наша, а импортная, так ведь это в угаре всемирной глобальной торговли - так, суцая ерунда.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что вся вот эта ерундистика - порождение не только семидесятилетнего владычества советской власти и разгульных 1990-х годов.

Это еще и следствие более глубоких традиций русского реформаторства, о которых писал (наблюдая еще первую крестьянскую реформу) М.Е. Салтыков-Щедрин:

«Речь шла не об действительной участи людей, а о решении уравнений с одним или несколькими неизвестными. Но когда живые люди постепенно доводятся до состояния теней, то они делаются вполне равнодушны к тому, какие решаются об них уравнения. "Все равно, братцы, помирать!" - говорят люди и действительно начинают помирать, как будто и невесть какое мудрое дело делают...»

Я к чему это все говорю? А к тому, что сегодня, слава богу, принят национальный проект развития села. Впервые за долгое время отважились, наконец, на государственном и системном уровне заглянуть в «черную дыру Агропрома». У крестьян, у российской деревни появилась надежда, что уйдем от пропасти, к которой с таким упорством до сих пор приближались.

Вот эта народная надежда - и есть суть дела. Вот ее-то ни в коем случае нельзя ни предать, ни обмануть. А то «урожай» снова сгорит, и Васька Тиунов снова окажется прав.

Потому как раз очень нужно изменить тот самый наш фирменный управленческий подход и в центр поставить не абстрактные макроэкономические заморочки, а реальные сельские беды. Увидеть наконец человека-крестьянина во плоти.

Рано или поздно нужно понять, что с товарищами Мухитдиновыми и их наследниками нам на одном гектаре делать нечего. Нельзя, чтобы они и им подобные, прикрываясь лозунгами о текущем моменте, вновь продолжали обдуривать крестьянина. Иначе снова случится так, что люди станут равнодушны к тому, «какие решаются об них уравнения».

Что бы ни думали наши практически мыслящие члены правительства, но ни нефть, ни газ, ни никель, ни ал-

Агроимпотенция

мазы, которые нынче в такой цене, не скрепляют великий исторический организм, именуемый Россией. Эти выкачанные из земли богатства никогда не обеспечат нам национальную солидарность, а нефтяная труба не способна стать общенародной магистралью.

Земля и труд на этой земле исстари формировали российский народ, создали национальный характер, натуру, культуру. Это фундамент нашей самобытности, хранитель национальных традиций, одна из глубинных основ национальной спайки.

Государственная стратегия на селе, создание сельской инфраструктуры, восстановление аграрного машиностроения, упорядочение собственности на землю - все это можно сделать так или иначе, если в обществе будет согласие по главному вопросу.

А главный вопрос такой. Если мы готовы похерить страну, которая называется Россия, и сделать какую-то другую, за которой будет иное духовное содержание, то пускай все идет как идет, давайте не замечать, что наша деревня на последнем издыхании. Если же нам нужны именно наша история, наша традиция, наш национальный дух, наше будущее, то должны понять наконец, что без российской деревни ничего не получится. Там, в сельских просторах, хранится российское сердце, там сберегается тайна русской души.

Законник

Знаете, как бывает: то не вспоминая о какой-то встрече ни разу, а то вдруг буквально не вылезает из головы. Так и это знакомство. И случайное, и давнее, а вот всплывает почти каждый день. В общем, поступим так. Вы, как говорится, устраивайтесь поудобнее. А после решим, в чем тут дело.

Итак, было это давно, в пору еще моего студенчества. Тогда, в середине пятидесятых, Нефтяной институт не считался, как нынче, престижным. Да и не затащил бы меня туда никто, если бы не отцовская история.

Дело в том, что отец до войны работал в Министерстве нефтяной промышленности. А после был изгнан. За что - детям не объясняли. Вслух об этом не говорилось. Но несправедливость висела в воздухе. История, впрочем, типичная: на фронте был ранен, попал в окружение, в плен. И хотя из плена бежал, вернулся на передовую и доблестно закончил войну в Югославии... «Хорошо еще, Миш, что не посадили», - шепнул кадровик. Отец с трудом устроился на нефтебазу диспетчером.

В общем, учусь в «керосинке». А тогда - методика, что ли, была такая - каждый год посылали студентов куда-нибудь на практику. Что в принципе правильно. Да и мне нравилось: не торчать же все лето в Москве. А тут, представляете, Башкирия, новый город Салават, река Белая, красивые места. И среди этой красоты 18-й нефтекомбинат. Туда нас всех и направили, каждому дали по теме и койке в общежитии, трудись - не хочу.

А должен сказать, учиться мне было всегда легко. Нормально схватывал. Да и интересно как-то. В общем,

отпрактиковался быстро. Накатал курсовую, дел больше нет. Уехать нельзя, время на практику для всех одинаково: кто управился, сам виноват.

И вот, значит, болтаюсь по комбинату, и за этим бездарным занятием встречается меня руководитель. Дианыч звали. Не по отцу, а так. Отчество у него было как раз Дмитрия, Дианов - это фамилия. Казалось бы, какая разница. А без клички нельзя: будто вообще не студент, а неуч какой-то.

Этот Дианыч был, кстати, ненамного старше нас. Но мы его уважали. Потому что знал больше да и делал все как-то спокойно, обстоятельно. В общем, видит, что я дурью маюсь, останавливает и говорит:

- Юр, хочешь заработать?

- Кто ж не хочет? - отвечаю вопросом на вопрос.

Считалось солиднее.

- А то смотрю: парень вроде здоровый, а одет не очень. Давай на работу устрою.

- Лады, - говорю.

- Найди еще четверых к понедельнику.

Тут надо пояснить насчёт «одет не очень». Это была правда. Одежда моя - как вам ее описать? Штаны из дурью под названием «чертова кожа». Брюками назвать нельзя, поскольку формы вообще никакой, но крепкие. На ногах кеды китайские, как раз тогда появились. Так-то удобные, только рвались быстро. И еще мамаша сшила рубашку в широкую полосу синего, нет, скорее серого цвета. Как-то не очень удачно у нее получилось. Вот и весь гардероб.

А другого ничего не было. Да и быть не могло: в середине пятидесятых семья жила очень трудно. Про отца уже знаете. Мамаша - просто рабочий класс, машинистом на мыловарке работала. А тут три парня, вечно голодных, да еще бабушка, мать отца. Да и сестрам отца надо помогать. Изобилия, скажем прямо, не было.

Но мы не унывали. Ходили кто в чем, никто не обращал на это внимания. И вообще, надо сказать, настроение у народа было получше, чем сейчас. Как-то нормально все воспринималось. Наслаждались жизнью, общением, спортом. А деньги... Ну что деньги? Конечно, разных приятных развлечений, доступных уже в то время, мы были лишены. Но ведь и не трепались о них с утра до ночи по телевизору. Нет и нет. И так хорошо.

В общем, Дианыч сделал предложение, от которого не было никакого резона отказываться.

- А что делать-то? - спрашиваю.

- Скажут. Там установку монтируют искусственного жидкого топлива. Ну и цех КИП, расходомерный блок. План заваливают. Вот и ищут вольнонаемных.

На это последнее слово я, кстати, зря не обратил внимания. Казалось, раз сам человек вольный, в смысле - шатаюсь где хочу, то естественно быть и вольнонаемным. Работа достойная. Шутка сказать - КИП. Это вам, наверное, ничего не говорит. А для меня контрольно-измерительные приборы, можно сказать, специальность. Ну ладно, не буду голову забивать. Раз не знаете, что такое КИП, то чего с вами время терять. Не обижайтесь, не хотел вас обидеть. Просто все равно не поймете, что мне так нравилось. А может, просто настроение было такое.

В общем, сагитировал еще четверых. Дианыч познакомил нас с молодым парнем, каким-то чернявым. Бывают такие «быстрозагораемые» лица. Очень угрюмый с виду человек.

- Дам вам корочки, - сказал Угрюмый, - будете ходить. Первый раз машина приедет, потом добирайтесь сами. Работа, правда, грязноватая. Штробы для труб пробивать.

Хорошо, думаю, как же без штроб? По ним пойдут трубы к насосам для тарировки расходомеров. Все

это казалось намного важнее, чем замечание насчет «грязноватой работы». Его я вообще пропустил мимо ушей. Да если бы не пропустил - что толку? Штаны-то одни.

И вот, как положено, накатали какие-то заявления, снялись на фотки, и утречком приходит за нами машина. Залезаем в кузов. Подвозят к проходной. Иду как старший первым. Открывается дверь. Пускают меня одного. Дверь хлопает, лязгает замок. А другая дверь, внутрь, закрыта. Жду, а она не открывается. Стою в этом тесном пространстве. Неприятное, надо сказать, ощущение.

Охранник из-за окошечка осматривает пространство: не проник ли кто еще. Потом сравнивает физию с фоткой. Все это медленно, не спеша. Тоже давит на психику, между прочим. Наконец лязгает засов внутренней двери. И я оказываюсь - где бы вы думали? Конечно, уже догадались. В зоне!

Вы спросите: удивился ли? Абсолютно нет. Честно сказать, даже обрадовался. В наше время молодому человеку, особенно в те годы, хотелось все самому увидеть, везде побывать, со всем познакомиться. А тут такая удача. Вот так задаром - столько говорилось об этих зонах - и вдруг!

Следом тем же манером пропустили остальных. Проинструктировали: мол, не проносить, не общаться и прочее. Угрюмый повел нас к месту работы. Дал кувалды. Показал, где штробить.

Работа оказалась довольно тяжелой. Вернее, не сама долбежка, а, как бы сказать, экология. Долбить целый день еще ничего. Я, кстати, довольно сильным был. А вот само помещение, пыль, жарница неимоверная. Мои товарищи через два дня все слиняли. А я продолжал работать.

Заклученных привозили утром и увозили вечером, лагерь был где-то неподалеку. Но работали вместе.

И кстати, такая деталь: поскольку как раз тогда у меня начинались проблемы с шевелюрой, то на лето остригся наголо. Под нулевку. А так как одет был уже знаете как, то практически не очень от них отличался.

Контакты обозначились сразу, без всяких там инкубационных периодов. Подходит один: «Чаю купишь две пачки?» И в кулаке что-то протягивает. Начинать с отказа не хотелось, но денег брать не стал. Будет чай, говорю, тогда и отдашь.

Следом другой сует уже по нахалке:

- Гари два пузыря!

Приличные, кстати сказать, деньги. Откуда они их только брали.

- Нет, - говорю.

- Ты что, чугря! Замочим же.

- Что, вот так просто?

- А чо! Раствор в аккурат подают. Зажмурим, найда не найдет.

- Тогда и чаю не будет.

Последний довод показался логичным, и я остался жив. Впрочем, чай и курево приносил исправно. Заодно посмотрел, как они чифирят. Это жуткое дело: пачка на кружку. Крутым кипятком заливают, маленько потерпят и эту иссиня-черно-коричневую жидкость заглатывают. Потом доливают, накрывают миской, на ней телогрейка - и когда та, первая, дурь проходит, добавляют еще. Какое нужно иметь здоровье, как вообще работает сердце в таком режиме, понять невозможно.

Они и мне предлагали, но я оставался зрителем. Хотя, надо сказать, отношения установились нормальные. Трудились-то ведь со мной обычные работяги, а не те, кого мы на воле называли рецидивистами.

Тех, блатных, я, кстати, почти не встречал, хотя их тоже возили вместе со всеми «на биржу». Не знаю, чем

они занимались. Может, в карты где резались, может, еще что. Но не «рабосили», потому что трудиться для них «западло», и начальство с этим мирилось. А «пахали» со мной одни «мужики» - те, кто попадал сюда, как бы сказать, чисто по-русски. С кем-то подрался, что-то украл. Картошечку колхозную накопал, с завода детальку вынес. Вот и мотает свой срок, ожидая, когда вернется к нормальной жизни. А для блатных жизнь в «закрытке» - дело другое, привычное. Ну, сел. Ну, выпустили. Ну, опять сел. Нормально. Все это их жизненный цикл. Некоторые так приживались - на волю идти не хотели. Но я отвлекся.

Короче, дело было так. В один из дней, работая в том помещении, где должны были монтироваться уже сами расходомерные баки и измерительные приборы, я решил на обед не ходить. Жара разморила. Дай, думаю, лучше вздремну.

А в этом помещении (чуть не забыл вам сказать), еще накануне обнаружился один старикашка. В углу примостился. Лежачок там появился, хоть из необрезных досок, но ровненький. Даже под голову - я еще удивился - такая, знаете, наклонная плоскость сделана. Рядом ящик, банка с чаем, пара телогреек. Ну и этот пришел и улегся. А мне-то что, лежит и лежит, есть не просит.

И вот представляете: дело к обеду. Какая-то то ли истома напала, то ли просто реакция после бессонной ночи. Группа-то, не забывайте, студенческая. Ночами находились занятия поинтереснее, чем сон.

Итак, разморенный жарой и этим приятным осадком во всем теле, я улегся прямо на бетонном полу. И уснул. Солнце жарит, пол даже немножечко холодит. Хорошо...

Проснулся от страшной боли в боку.

Никак не пойму, в чем дело.

Смотрю: рядом сапог.

Поднимаю глаза: надо мной лейтенантик стоит, которого здесь раньше не видел.

Это он меня забомбил сапогом в бок.

Поднимаюсь - все как в замедленной съемке. И неожиданно для него хватаю буквально за бока, поднимаю на воздух и швыряю на пол. Мой, кстати, любимый прием. У других сил не хватало, а у меня красиво получалось. Все же не забывайте: первый разряд по гимнастике. Тренер говорил, хорошая реакция.

Тот с пола: «Стреляй, стреляй!» - охраннику, А этот, стрёма, сзади стоит и не шелохнется. Только затвор передернул. Я уж думал его заломать, но хорошо - удержался. Потому что он стрелять не стал. Видно, местный был, признал меня, что не зэк, а «вольняга».

Но и лейтенант уже тоже почувствовал, что получил не такую реакцию, как обычно имеют вертухаи от заключенных.

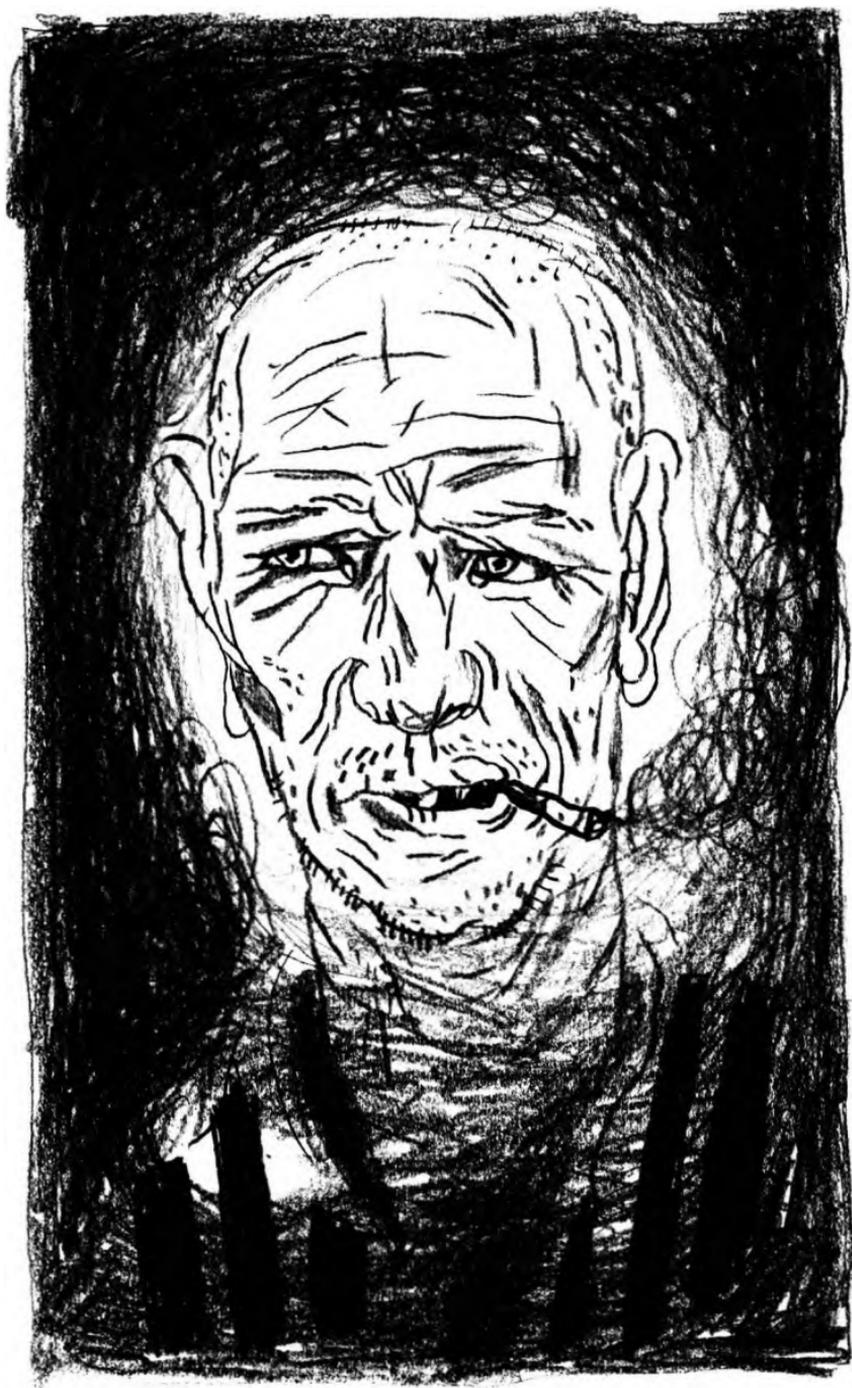
- Кто такой?! - кричит.
- А тебе что (дальше непечатно).
- Кто такой, ща пристрелю на!..
- У меня перерыв. Имею право.

Испуг, стыд, недоумение - не знаю уж, чего в его крике было больше. Как псих базарил: мол, дисциплину им разлагаю, устроил тут санаторий. Мне ничего не оставалось, как после каждой фразы его посылать. И он, грозя уволить, ушел. Больше, кстати, его не видел. Испортил настроение, гнида. Бок болит. Сон прошел. Возбуждение не остыло. Уселся на уступ для расходомерного бака. И тут ко мне подсаживается этот дед:

- Думал, кобздец тебе. Рогатый еще фраерок. Могли грохнуть в натуре.

- Отстань, дед, - говорю. - Ты еще будешь мне... Так просто не получилось бы.

Хотя врал, конечно. Все могло кончиться просто трагически. Порядки в зоне были те еще. Пришили бы за

милу душу, а потом оформили бы как случай на производстве. И все: напрасно мамаша ждет сына домой.

- Во духарик! - не унимался дед. - А вроде не вольтанутый. Чо понтуешься-то, в пузырь лезешь?

- Уйди, дед, - говорю. - Без тебя тошно. Собралось тут какое-то... бакланье, еще учит.

- Это ты со мной так?

- А что, нет, что ли? Никто им отпора не дает. Вот и позволяют себе. Нет здесь настоящих, как их называют, законников, авторитетов, паханов. Одни мелочевочки.

Дед молчит - спешить ему некуда. Вообще там паузы приняты.

- А ты, пацан, не заметил, что летеха-то подгроб к тебе, а не ко мне? Ты на полу прикемарил, а у меня затончик-то постоянный, с кичарочкой. И он zenки лупал, а не подрулил, не пнул ножкой литерок малохолный.

- Да он на тебя, наверное, рукой махнул.

- Не, пацан. Он боится. И ты тоже, будешь понтить, большой мандраж словишь. Мне ведь торпедке свистнуть только - по рогам надает как нечего делать.

Я уже готов был ответить, но как-то осекся. Вдруг показалось, что сегодняшние злоклучения могут на этом не кончиться. Дед был и впрямь какой-то своеобразный. Так посмотришь - кожа да кости. Худой, как велосипед. Лицо морщинами изрезано. Сморщенное яблоко. Коричневое, но это не загар. На вид лет семьдесят. И что особенно запомнилось: на этом вроде бы старческом, перерезанном морщинами лице - глаза не старца. Пронзительный, сухой взгляд.

В общем, решил лучше не связываться и, чтобы перевести разговор, спрашиваю:

- Дед, а сколько тебе лет?

- Чужие года не считай, своих не дочтешь.

Законник

- Не, ну скажи. Вижу, ты тут король. Законник.

- Скоко дашь.

- Ну... семьдесят.

- Обижашь. Сорок семь.

- Надо же. Хорошо сохранился.

- Дошутишься.

Помолчали.

- А сидка небось не первая?

- Семнадцатая.

- Что? Тебя в сорок семь лет семнадцать раз сажали? И сколько же насидел?

- Двадцать один.

- Во стаж! Погоди, значит, сорок семь минус двадцать один... И, допустим, с шестнадцати... Так ты за всю жизнь на воле всего десять лет, что ль?

- Зато это мое время. У тебя такого времени никогда не было.

- Да мне и не надо.

- Не было и не будет. Потому как я себе хозяин. Не ишачу, на падлу кишки не рву. Этой грабкой, - он посмотрел на свою ладонь, - за всю жизнь тяжелше вафли груза не подымал. А ты раб позорный.

Тут я не сдержался:

- Дед, ты меня извини. О чем ты говоришь? Это вообще не место для жизни человека. Здесь все не так. Здесь вы народ подневольный. Постоянно в страхе перед начальством лагерным.

- Ну, запел. Да я рядом с тобой - вольная птица! Летаю по своему закону. Хоть в клетке, а положняком живу. Не пресмыкаюсь, как вы. Думаешь, на воле живешь? А протри шнифты, кудрявый. Повязан, как петух обхезанный. Сейчас учебой, потом горбатиться будешь. Бабец захомутаает. Грызуны пойдут. Зачухаешься, у начальства чесать за ушами начнешь. Да это хуже кичмана.

Тут я хочу попросить у читателя извинения, потому что попытка прямого цитирования приведет к казусам, мне не заметным, зато очевидным тем, кто умеет «на фоне ботать». Речь у него была смачная, увесистая и, что особенно удивило, совсем без матерных слов. Я, конечно, понимал блатнячок: как-никак в родном дворе многие прошли через зону. Взрослые, а потом и дети исчезали и возвращались, обогащая дворовый язык. Но то были отдельные слова, а не умение думать на жаргоне. Этого недостаточно, чтобы передавать воровскую речь впрямую. К тому же мы с «дедом» разговаривали не раз и не два, так что по прошествии времени в памяти осталась лишь общая схема.

Основной тезис сводился к тому, что общество, в котором мы живем, напрочь неправильное. Оно делает из людей крепостных, повязывает законами, специально придуманными для порабощения. И есть каста избранных, как бы рыцарский орден. Это люди «с правильными понятиями». Они не согласны с законами нашего общества, не признают власть, не работают, обычно не женятся и во всех случаях ставят честь выше жизни.

- Вот вы нас давите. И еще фуфлю гоните, что у вас закон, а мы воры. Да, мы воры. Потому что ваш закон отрицаем! Теперь шевели мозгой: что ваша давиловка? Мусоров насрать, в кичман упечь. Это что, позор? Нет, честь для вора. Опустить масть не можете. А вор - дело фартовое. Тут не бабки важны, философия.

Он так и сказал «философия», это я точно помню. Он говорил, что в лагере жизнь хоть и жестокая, но «без темнухи»: тут никто никому «дуру не гонит» по поводу равных прав. На воле же (у нас то есть) во власти такие кидалы, каких в зоне не сыщешь. По закону для всех равные права, а в натуре - для одной номенклатуры. По закону люди хозяева, по жизни - рабы.

- Все у тя, пацан, в бестолковке перевернуто. Беспредел-то не здесь, а там (он показал наверх). Ты бы позенькал, какой рог партийный в обкоме сидит. Ему место у параша, а он, если на кого зуб заимел, звонит куда надо - и вышка!

Вот почему воры не идут ни на какой сговор с властями, не участвуют в социальной жизни, не признают государственной и партийной машины. Они держат свое сообщество, отгораживаясь правилами и запретами, жаргоном и ритуалами. Они существуют как бы в параллельном мире, в другой системе координат, со своим кодексом чести и «правильными» понятиями.

- Ни хрена себе «правильность»! - говорю. - Человек, может, рубль заработал, а ты у него украл.

- «У кого есть - прибавится, у кого нет - отнимется». Знаешь, откуда это? Библию надо читать. Бог устроил мир не по вашим законам, а «по понятиям».

Все это я слушал, как ахинею. Но эта ахинея наткалась на одно обстоятельство. Передо мной сидел явно живой, разумный человек, умом намного превосходящий многих из тех, кто на воле указывал путь в жизни.

Одного я не мог понять: ради чего все его утраты и риски? Ну, выйдет отсюда, насшибает рублей по карманам. А дальше что?

- Дальше, - говорил он, - дерну в Уфу, там больничка, в больничке - сестричка, у сестрички - ампулка, в ампулке - ширево. Беляшка. И все! И свободен!

- Свободен? И все?

Между тем после стычки с лейтенантом положение мое на зоне явно переменялось. Блатные не приставали, мужики как-то зауважали. Угрюмый стал поручать более сложные дела. Поставил даже руководить работой заключенных. И те, как ни странно, слушались, хотя и посмеивались, что работаю, «как дурдизель», без перекуров.

Так что когда подошел срок прощаться, оказалось, что со многими вроде «закентовался». Даже дед как-то по-своему пытался продемонстрировать расположение, что-то ласковое на прощанье сказать:

- Ты за мышцами-то не гонись. Во бычара какой, все выпирает. А вколи тебе внутривенный - сразу сдохнешь. Только мышечный можно. В этих мускулах смысла нет.

- Дед, ты брось эти речи. Мне ни тот, ни другой не нужен.

- Да я так, просто. Говорю, ты со своим здоровьем никуда не годишься.

Запомнилось, однако, другое напутствие, сказанное однажды как бы без повода и невзначай: «Ты упертый. Буром прешь. Это ништяк, ежели не прогнешься. А продавливать будут. Не давят знаешь что? Подушку, на ней отлеживаются. А тебя ломать надо, выбирать и глушить. Такие нужны для показа».

Сорок пять лет прошло с той летней встречи в башкирском городе Салавате на строительстве 18-го нефтекомбината, цеха контрольно-измерительных приборов.

Впервые за долгие годы я вспомнил об этой встрече в период предвыборных баталий, когда услышал реплику кремлевского чиновника: «Не держит удар». Вдруг показалось, что снова в зоне.

Реплика относилась к тому обстоятельству, что в ответ на чудовищную клевету, грязным потоком лившуюся с экрана телевизора, подал иск в суд. То есть предложил разобрать обвинения открытым, законным способом. И тут оказалось, что сама идея обращения в суд, по понятиям окружавшей в то время трон команды, - уже поражение. Она означает (о чем просигналил кремлевский чиновник), что ты «не авторитет».

Я специально задерживаюсь на этом обстоятельстве, потому что все поражения того периода проис-

ходили как раз потому, что не сразу понял приклатненную логику оппонентов. Если бы рядом был тот дед из зоны, он легко объяснил бы расклад. Мы действовали по правилам правового общества, противник - по логике «понятий». А это несводимые вещи.

Вся технология работы противников строилась по моделям уголовного мира. Техника оскорблений не предполагает доказательств. Я выиграл все иски в суде. Но для того чтобы это имело значение, нужно еще кое-что: построить правовое цивилизованное общество. А это, как выражался дед, «голый вассер».

На нас напускали телеторпеду с единственной целью - унизить, перевести в нижнюю масть. Он шестерил, как типичный сямка, какого грозил насрать на меня дед. Его задача была не в том, чтобы сказать хоть что-либо похожее на правду, а «опомоить», «опарафинить», «зачушить». Это был телевизионный аналог позорных блатных ритуалов, эстетика уголовного мира. И тот факт, что такое происходило на Первом, главном канале, превращало всю затею в воплощенную утопию.

Когда-то воровское сообщество держалось на противостоянии государству. Однако после краха социализма преобразилось и все, что тому государству противостояло. Блатная культура, выпестованная в зоне, была затребована именно властью. Свято место оказалось пусто. Но такова уж, видимо, природа этого места, что выросшая на нем новая система оказалась больше похожей не на чуждую западную, как надеялись демократы, а на свою, родную, обкомовско-воровскую.

Война против нас была, таким образом, не просто борьбой за трон или судьбу незаконно присвоенной собственности. На деле спор шел о том, в каком государстве мы будем жить. Это была война новых законников за блатную утопию. Мечта устроить власть «по понятиям». Сделать зону образцом общественного устройства.

Ю.М. Лужков. И звёзды смотрят вниз

К счастью, наши оппоненты промахнулись. Что ж, как было наколото у того деда:

«БОГ НЕ ФРАЕР, ОН ПРОСТИТ».

А впрочем, кто возьмется решать за Бога? Может, и не простит.

Ответ: Законник

(Лужков Ю.М.)

Скажу вещь, которая, может быть, вас удивит. Сейчас много людей, умеющих как следует вкалывать. И совсем мало таких, кто способен к тому же и отдыхать. Работают на износ. То есть ходят, конечно, в рестораны и сауны, ездят куда-нибудь «оттянуться». Но все это допинги, а не культура, потребительство, а не искусство отдыха и восстановления, куда у меня, например, кроме футбола и верховой езды входит еще много чего. Скажем, только не удивляйтесь, пасека.

Не знали? Да, держу пасеку за городом. Люблю там бывать. Не только для того, чтобы за пчелами ухаживать. Но и просто так. Сейчас поясню.

Понимаете, когда сидишь один или с друзьями прямо рядом с ульями, то... Вся атмосфера на пасеке какая-то очень спокойная. Трудно даже сказать, в чем там дело. Но такого покоя, сосредоточенности, такой (извините за высокий стиль) философской глубины созерцания нет нигде. И что интересно: вот произношу эти слова «философия, созерцание» - обычно они ассоциируются с какой-то мрачной серьезностью. А тут легкость, веселость, как бы даже кайф, хотя я не люблю этого слова.

Ну что, казалось бы, если рядом копошится пчела? А ты - человек! На твоей стороне интеллект, интуиция, способность абстрактно мыслить. Все преимущества. Но природа, оснастив человека такими дарами, отняла что-то самое главное: способность различения важного

и неважного. Какая-то гонка засасывает, не дает заняться чем-то главным, единственным. Начинаешь, что называется, мельтешить.

А вот когда находишься среди нескончаемой пчелиной работы (пьешь чай или так отдыхаешь], то все постепенно встает на свои места. Нет, скажу по-другому: ощущаешь себя будто владельцем огромного богатства, которое не измеряется никакими рублями, словно тебе вручен ключ от сокровищницы самой жизни и вот сидишь у входа, еще не вошел, но уже можешь ни о чем не тревожиться.

Конкретнее? Ладно. Встаешь, идешь к улью. Смотришь на пчел, когда они на нижнем летке машут крылышками, выгоняя воздух с парами воды. Берешь пригоршнями этот воздух и вдыхаешь. Он насыщен ароматом многоцветия. Это такой дар земли, такой божественный нектар, который, может быть, неведом большинству людей. Это не одеколон, не «Davidoff» или «Фаренгейт». Это сама природа. От нее не пьянеешь, не впадаешь в дурноту. От нее приходит спокойствие и, думаю, здоровье.

Так что если кто из читателей сейчас морщится: мол, что за высокопарность, теперь так не пишут, где тут ирония, - отвечу: знаете, дорогой, речь идет о моем личном пространстве. Как чувствую, так и рассказываю. А вы, как говорят по телевизору, можете кнопку не нажимать.

В общем, удивительное это место пасека. А уж когда приходят друзья, все становится еще занимательнее. Размышления сменяются беседой - неторопливой, размеренной, рассудительной. О людях, о пчелах. О нашей среднерусской медоносе, которая является, на мой взгляд, самой лучшей и которую теперь приходится защищать от всяких охотников заменить ее на каких-то гибридных или итальянских, или украинских.

А между тем эта наша среднерусская красотка (раз уж зашла о ней речь) лучше всего приспособлена для проживания в местном суровом климате. Ведь тут жизнь пчелиной семьи так же трудна, как крестьянская. Длинная морозная зима, короткое, часто дождливое лето. Зимой пчела сидит в гнезде, обогревает матку. Нет, вы только представьте себе хотя бы такую деталь: она всю эту долгую зиму не ходит, извините, в туалет. А ведь чем ниже температура, тем больше меда приходится есть, чтобы сотворить тепло. К весне бедняжке становится трудно удерживать эти шлаки.

Человек по-разному помогает пчеле. Утепляет ульи, говорит: оставайся на зиму! Пусть будет хоть минус тридцать, я тебе помогу. И чтобы пчеле стало легче, использует разные приемы и технические достижения. Я, например, чуть-чуть подогреваю улей. Причем даже летом, чтобы ночью не выпадала роса. А уж с наступлением холодов просто устанавливаю регулятор на плюс пять, и он мягко добавляет тепло, чтобы клуб, который образуют пчелы, не распадался и они легче переносили нашу длинную зиму.

Российский пчеловод - изобретатель по природе. Точнее, исследователь. Казалось бы, занятие древнее, что тут придумывать? Предки давно все испробовали. Ан нет, мы без конца друг с другом встречаемся, делимся, рассказываем о новых приемах и опытах. Может, теперь все изменится: начнут, как на Западе, скрывать и патентовать каждую дырку от бублика. Пока этого нет.

Сейчас задача, над которой я работаю, - сделать улей сухим. То есть еще больше поглощать воду, используя современные технические средства. Когда в улье сухо, пчела чувствует себя лучше. Это все знают. Не знают, как сделать, чтобы пчела приняла эти средства, не отторгла их. И вот в такой неспешной работе, которая мне особенно нужна, потому что основная связана с бешеной

Ответ: Законник

гонкой за проблемами, - в те редкие часы, когда удастся остаться на пасеке, по-настоящему наслаждаюсь.

Иногда в нашу компанию попадают удивительные люди. Об одном таком визите как раз хочу рассказать. Сидим мы как-то с друзьями, только приехали, поставили чай. Вдруг один говорит:

- Ну ладно, мне некогда. У меня там дед в машине, надо отвезти. У него, между прочим, день рождения,

- И сколько же лет твоему деду? - спрашиваем.

- Да девяносто пять.

- Ого! И как он? Еще ходит?

- Да, нормально. Кстати, тоже был пчеловодом в свое время.

- А чего ты его не привел? Мы бы его поздравили.

- Да стесняется, говорит: все-таки начальство.

- Ну и дурак же ты. Иди и скажи: приглашаем. Спиртного не держим, но чай хороший гарантируем.

Приятель ушел и вскоре вернулся, ведя за собой высокого, сухопарого - не сказать старика, а скорее человека в летах - во всяком случае, шел он довольно бойко. Стали знакомиться. Я смотрел на него с удовольствием. Конечно, время проделало свою работу. Но по живости лица, внимательному взгляду и четкому выговору было трудно представить, что перед тобой человек, который водил пчел еще в двадцатых годах прошедшего столетия.

А между тем это так. Мы, конечно, мастера раскрутить на разговор любого собеседника. И здесь сработали довольно толково: дед разговорился. Стал вспоминать, обнаружив и память, и ясную мысль. А уж когда разговор зашел о пчелах, вообще оживился. Было видно, что беседеешь с человеком действительно много работавшим на пасеке.

- А я всегда сажал медоносы! И говорю: без них нельзя. Надо, чтобы у пчелы постоянно была работа. Пчела начинает дурить, когда нет работы. Начинает злиться.

Появляются преступные наклонности: разбои, грабежи, нападения. Все как у людей.

Было приятно его слушать. Говорил он языком, конечно, не нашим, в его речи не встречалось слов типа «кайф» или «оттянуться», зато попадались какие-то забытые, старомодные выражения. Тем сильнее поражала ясность артикуляции.

Как всегда в таких посиделках, темы прихотливо цеплялись друг за друга. Когда речь зашла о ройливости среднерусской пчелы, дед вдруг начал меня экзаменовывать:

- А как вы ловите рои?

- Как все, - говорю. - Вот буквально утром отловили крупный рой. Сел на ветку. Взяли большую лестницу, подставили корзину и стандартным способом - тряханули и ссыпали весь этот рой.

- Ну ладно, - не отстаёт дед. - А если бы рой сел выше?

- Конечно, - говорю, - это проблема. Но вот недавно был случай. Рой поднялся на высокую елку. Сидел несколько дней. И дождик вроде шел, а он не слетал. Ну что делать? Нашли пустой улей, поставили внизу. Положили на крышку рамку с медом. И разведчицы, видимо, не нашли другого варианта. Рой сам, без нашей помощи, слетел в этот улей.

Тема казалась исчерпанной, но дед все больше возбуждался:

- А хотите расскажу вам способ, которым пользовался много раз и всегда получалось? Как раз в таких случаях, как вы говорите: рой упрямый, сидит высоко. Мы однажды с напарником вконец измучились и вот что придумали. Взяли большое зеркало. Нашли медный таз, в каком варенье варят. И насос у нас был типа велосипедного...

Дед сделал паузу, как опытный рассказчик. Стал тянуть чай. Вся компания напряглась, внимательно следя

за его движениями. Люди собрались бывалые, но зачем пчеловоду зеркало, таз и тем более велосипедный насос, угадать бы никто не мог.

- И вот, - продолжает старый пасечник, - подходим к дереву. Примериваемся. Потом по счету «раз, два, три» мой напарник резко наводит на рой солнечный луч! Я в это время что есть силы бью палкой по тазу!! И тут же мощной струей обливаю пчел водой!!!

Мы остолбенели (это буквально: застыли в тех позах, в какой кто был). А дед продолжает, как песню поет.

- Часто у нас получалось с первого раза. Пчелы, считая, что разразилась гроза, падают вниз. Рефлекс срабатывает. И тогда уже в траве их собираешь, ищешь матку, в общем все как полагается. Но главное, не было случая, чтобы нас постиг неуспех.

Конечно, присутствующие посмеялись над этим способом, больше похожим на выдумку плюшевого медвежонка Винни-Пуха, о котором я читал вслух своей маленькой дочке. В какой-то момент уже казалось, что дед сейчас подмигнет и спросит, как в телевизионном «Блеф-клубе»: «Ну что, верите, что это правда, или нет?» Но он стал раскланиваться со всей старомодной почтительностью.

- Уж не обессудьте. И не подумайте, что я все придумал. Мы такой способ использовали много раз и всегда получали добрый результат. Так что если возникнет ситуация, может быть, вспомните. А может, расскажете кому-нибудь.

Он двинулся за внуком по тропинке. А я, глядя им вслед, почему-то стал думать о том, как изменилось соотношение правды и лжи в нашей сегодняшней жизни. Еще недавно казалось, что противопоставление этих понятий - основа нового строя. Верилось, что мы разрушили советскую власть именно потому, что больше не можем жить по лжи. Думалось: если руководитель нач-

нет говорить правду, держать слово, выполнять принятые решения, это сделает его политиком новой формации. Оказалось, все не так.

Блеф стал не только литературной модой. Лгут управленцы, функционеры, военные - лгут и добиваются результата. Дезинформация, заказной компромат, манипуляция общественным мнением стали самой эффективной методикой достижения успеха. Не работа, не конкурентоспособность, не верность слову, а вранье без зазрения совести - действенный инструмент в новой системе. Нам говорили: демократия обеспечивает правдивую информацию. Оказалось, ничего подобного. Нас уверяли: гражданское общество защищает людей от наветов и произвола. А на поверку новая система не имеет даже того, что было при советской - общественного мнения.

Если бы все это можно было списать на пережитки социализма, не было бы проблемы: подождем, переживем. Но зайдите в русский политический интернет. Его не было при советской власти, а там сегодня шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться в такую среду, где уничтожена сама идея правды как ценности, Сама ложь стала идеологией: деза, шантаж, провокация отстаиваются как наиболее уважаемые приемы политического инструментария. Куда ж дальше? Чего ж больше?

Мы думали, когда народ опущен, его надо поднимать. А эти «эффективные политики» сделали другой вывод: если народ опущен, им надо соответственно управлять. Неужто они думают, что у аморальности нет дна? Не знают, во что упрутся...

Однако я заболтался, это дед разворошил своим веселым рассказом. Между тем он все еще шустро шел в горку живым легким ходом, как бы демонстрируя мне какой-то иной, упущенный способ жизни. Где нет этой

Ответ: Законник

грязи, этой чертовой политики. Где мужики занимают-ся простым чистым делом и доживают в здоровом уме и теле до девяноста пяти, черпая силы от меда. И от того спокойствия, которое дает псека.

Друг мой Юра

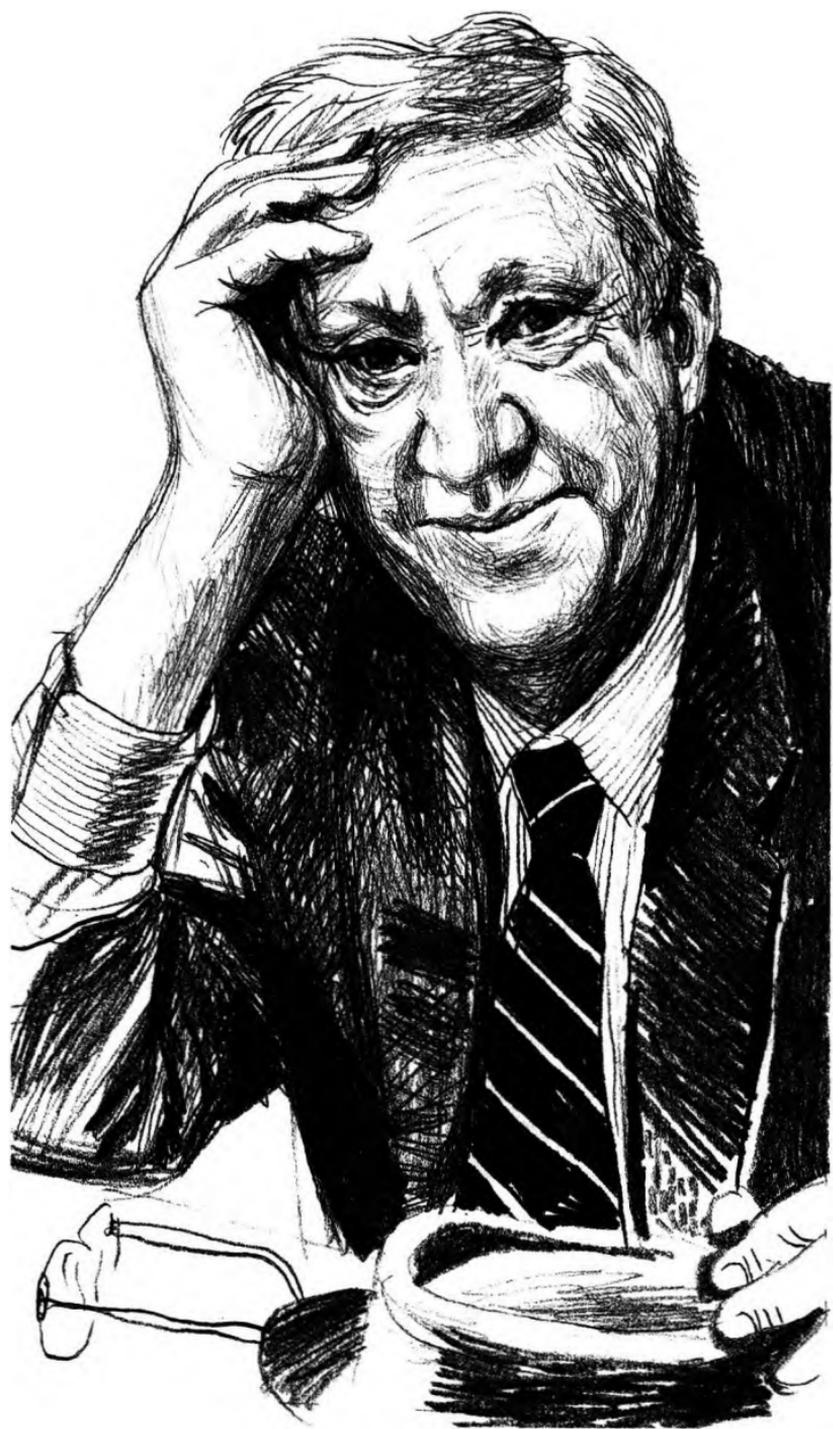
В декабре 1996 года Юрий Никулин был молод. Семьдесят пять - не возраст для человека с таким великолепным талантом жизни. Так я тогда думал, потому что понимал: талант жить - это талант щедро и безоглядно тратить себя, в том числе и на человеческую дружбу. Тратить, ничего взамен не обретая, кроме дружбы за дружбу, любви за любовь. Много это или мало? Зависит оттого, насколько сам ты щедр.

Юра был в этом смысле ничем не ограничен.

Восьмого декабря того года любимому цирку было, после юбилея Юрия Владимировича, присвоено имя «Московский цирк Никулина на Цветном бульваре». Так Юра при жизни вошёл в историю. Прочно. Навсегда. Хотя он уже много лет был её подлинной и уникальной частью - полновесной частью отечественной культуры, частью великого советского кино, частью духовной жизни народа.

Я познакомился с Юрием Владимировичем, заочно любя и уважая его, «по велению партии», а если быть точным, то по заданию Правительства СССР в лице его тогдашнего председателя Николая Ивановича Рыжкова. Это было в 1987 году, после того как после принятия специального постановления правительства по строительству цирка мне в Мосгорисполкоме было поручено курировать вопрос и помочь этому важному делу столичными ресурсами.

Многие и сейчас помнят, какие страсти кипели вокруг этого строительства. Взбудораженная перестрой-

кой общественность выдавала одно требование за другим, и часто противоположного свойства: кто-то настаивал на полном сносе, кто-то требовал вообще не прикасаться к старому зданию. Компромисс был найден и получил одобрение Юрия Владимировича: здание построили новое, а в современный фасад бережно вписали фасад исторический - это было и архитектурно выигрышно, и уважительно к старине. Москвичи приняли этот вариант безоговорочно.

Запомнились день и час, когда я позвонил Никулину, чтобы сказать о готовности Москвы помогать строительству. Позвонил, представился. Юрий Владимирович чуть помолчал и произнёс со своей неповторимой интонацией: «Первый раз вижу, чтобы власть сама в цирк пришла».

Ясно слышалось: это лучше, чем когда цирк приходит во власть.

Мы поняли друг друга. И мы стали друзьями. Работа крепко сближает людей, потому что она раскрывает их характеры, показывает человеческую суть. Многие вопросы в самых высоких кабинетах он решал настолько толково и чётко, что было ясно: слава это хорошо, но нужен талант делать людей убеждёнными союзниками. А вопросов было множество: и строительство, и труппа, и звери - цирк дело большое, и Юра меня сделал настоящим энтузиастом не только стройки, но и всего, что есть цирк. Нам всё удалось сделать быстро и хорошо во многом благодаря той неповторимой ауре, которая создавалась вокруг Юрия Владимировича и в цирке, и вне его.

Здание было построено, открыто, годы летели как птички, времени никогда не хватало, но, как бы ни громоздились всякие важные дела, нам с Юрой удавалось время от времени попить чайку с мёдом. Поговорить. И мне, и, как я понимаю, ему это было необходимо, по-

Друг мой Юра

тому что хотя мы жили каждый своим делом, но подход к делам был общий. Трудно определить одним словом какой. Может быть, пусть это и странно прозвучит, страстный.

И я, конечно, очень ценил ту волну душевного тепла, обаяния, красоты, которую излучал Юра. Он никогда при этих встречах ничего не играл, как это иной раз вольно или невольно бывает у артистов. Он был цельным, крупным, серьёзным человеком. Мы за чаем ведь со смеху не покатывались, разговоры были не смешливые. А вот улыбка была: то лукавая, то ироническая, то очень мягкая и добрая. Никулинская.

В конце июля 1997 года раздался звонок от Юрия Владимировича: «Хочу к тебе заехать ненадолго. Найдёшь время?»

Меня в сердце кольнуло.

Он приехал довольно быстро, мы сели в комнате отдыха, я предложил чай, Юра не отказался.

- Что, - спрашиваю, - тебя привело ко мне?

- Да, - он отвечает, - пустяки. Я пришёл сказать, что я ложусь в больницу, будут делать операцию на сердце. И вот хочу на всякий случай тебе сказать: до свиданья. Прощай.

У меня горло перехватило.

- Ты что, с ума сошёл?

- Нет, просто вот сердечко шалит, Мало ли что может случиться. Я пришёл к тебе первому, хочу сказать: прости, прощай.

- Послушай, Юра, с такими мыслями на операцию ложиться - лучше не ходи. Не надо.

- Нет, я решил. У меня с сердцем проблемы, их никто пока не видит. И я не хочу, чтобы видели. Не хочу. Мрачного, болезненного Никулина страна видеть не должна.

Он сказал «страна» так, как говорят «семья».

- Не нравится мне твой настрой, - говорю ему. - Скажи, тебе консультацию дали серьёзную? Рекомендовали операцию?

- Да. Всё определено до точки. Я уже побывал в клинике, познакомился с врачами, очень там всё здорово. Клиника это частная, очень комфортная.

Юра, комфортно, наверное, с точки зрения полежать-отдохнуть. Палата, телевизор, холодильник, персонал внимательный, обходительный. А врачебный уровень, уровень квалификации - какой он там? Есть понимание, что с тобой случилось, что надо делать?

- Ну, конечно, там профессура...

- Слушай, но тебе, может быть, нужно, чтобы провели консилиум, посмотрели ещё раз как следует. Они собираются, обсуждают, приводят разные точки зрения. Ищут верное решение.

- Нет, зачем, консилиума не было. Они рекомендовали, и настойчиво, операцию. Они же специалисты.

- Как можно без консилиума!

Он посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, я уже решился».

И я увидел в его глазах такое, что меня бросило в озноб. Я увидел, что он решился на уход из жизни.

Я говорил ему: «Остановись. Давай проведём консилиум, у нас есть серьёзные кардиологи, потрясающие, высочайшего уровня».

Он ответил:

- Я к тебе пришёл не за тем, не за помощью, чтобы организовать консилиум. Я приехал попросить прощения, за всё, чтобы сказать: прощай.

- Я не хочу, чтобы ты с такими мыслями шёл на эту операцию.

Юрий Владимирович помолчал, потом сказал:

- Не вникай во всё это. Мне надо ещё к двум-трём людям заехать. Приходи ко мне туда, в клинику, она на

Друг мой Юра

шоссе Энтузиастов. Я тебя буду ждать. А по операции никаких шагов предпринимать не надо. Я решился.

И он ушёл. Потом была операция, врачи несколько дней боролись за его жизнь, но ничего не смогли сделать. Я думаю, он совершенно ясно, абсолютно открыто принял понимание того, что никакая операция не поможет. Ведь человек всё чувствует, всё знает и понимает.

Он остался непобеждённым смертью, потому что сам решился уйти с достоинством. И снова явил своё честное, мужественное, доброе сердце: приехал проститься.

Я благодарен тебе, Юра, за это прощание и прощение. Прости и ты меня.

Как странно и мудро устроена жизнь. Вспоминая дорогого мне Юрия Никулина, подумал о маме. В свой срок наступило время, когда она говорила, что делать ей на земле нечего, жить стало неинтересно и пора закончиться её жизненному пути. Когда старший брат ушёл из жизни, моя мама перенесла это горе и, как она считала, получила задачу от Всевышнего, от природы: воспитать внука.

Потом ушла из жизни моя жена. Трагически, болела долго, страдала. Остался тринадцатилетний наш сын. У меня была круглосуточная работа, сверхнапряжённая, времени катастрофически не хватало, и моя мама - его бабушка снова увидела необходимость жить.

И потом, когда он вырос, она приехала, расцеловала своих внучек и сказала:

- У вас, у моих детей, всё нормально. Теперь я свободна.

И через неделю ушла из жизни.

Наверное, и Юра Никулин, незабвенный мой друг, почувствовал себя свободным. Главные дела жизни, задачу, которую ему дал Бог, он исполнил. Был великим артистом. Спас цирковое искусство России в самые без-

Ю.М. Лужков. И звёзды смотрят вниз

радостные времена. Построил новое здание цирка. Воспитал сына - Максима Никулина, продолжателя отцовского дела.

Он приезжал ко мне проститься, а я никогда не смогу расстаться с ним. Ты живой, Юра.

Содержание

Пчела в большой политике.....	5
Фантом	19
Никогда не отказывайтесь от охоты.....	33
Особенности национальной жары, или Смерть осьминога Пауля.....	46
На реву.....	55
И небо смотрит на нас.....	67
Дневник акулы малого бизнеса, или Двадцать лет спустя.....	76
Не отшельник.....	93
Пуля.....	109
О любви.....	120
Тайна Гостиного Двора.....	134
Мистика.....	146
Агроимпотенция.....	161
Законник.....	176
Ответ: Законник (Ю.М. Лужков).....	191
Друг мой Юра.....	200

Литературно-художественное издание

Лужков Юрий Михайлович

И ЗВЁЗДЫ СМОТРЯТ ВНИЗ

Корректор *О.Ю. Ашмарина*
Дизайн, верстка *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129100, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

Подписано в печать 31.07.2018. Формат 84 x 108
Гарнитура «Cambria». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 6,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 7306.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»,
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499) 270-73-59

Рассказы Юрия Лужкова необыкновенно интересны. Они насыщены юмором и страстью, знанием жизни и фантазией, детективной зачастую интригой сюжета и глубиной независимой и оригинальной мысли. Радость жизни, гневное осуждение пороков человека и общества, воспевание красоты и правды, открытая позиция художника и гражданина – всё это ждёт читателя на страницах книги.

ISBN 978-5-4444-4500-6

9 785444 445006

